

Правительство Новосибирской области
Управление государственной архивной службы
Новосибирской области
Государственный архив Новосибирской области
Сибирское отделение Российской академии наук
Институт истории
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Новосибирский государственный педагогический
университет

**СИБИРСКИЕ АРХИВЫ В НАУЧНОМ
И ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Новосибирск
2015

С341 **Сибирские архивы** в научном и информационном пространстве современного общества: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Новосибирск, 11 марта 2015 г). – Новосибирск, 2015. – 325 с.

Редколлегия

К.В. Захаров (отв. ред.), Р.Е. Романов (отв. секретарь),
В.А. Ильиных, О.Н. Катионов, С.А. Красильников,
Ю.Г. Мартынова, М.В. Шиловский

*Рекомендовано к печати Научным советом
Управления государственной архивной службы
Новосибирской области*

В сборнике материалов Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 95-летию архивной службы Сибири, публикуются работы по историко-архивной тематике, охватывающие приоритетные направления в данной области: потенциал источников и методы их обработки; традиции и новации в архивной сфере; документы как основа биографических реконструкций; источники по отечественной военной истории; документы как основа открытий новых фактов и интерпретаций.

Издание рассчитано на историков, архивистов, краеведов, учащихся и преподавателей учебных заведений.

Управление государственной архивной службы
Новосибирской области

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*К.В. Захаров
Новосибирск*

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ СИБИРИ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Становление государственной архивной службы Сибири, как и страны в целом, пришлось на сложные годы гражданского и международного вооруженного противостояния. Уже после Февральской революции идеи архивистов-реформаторов конца XIX – начала XX в. получили новый импульс с образованием Союза российских архивных деятелей. На первом его собрании, состоявшемся в Петрограде 18 марта 1917 г., прозвучали предложения о безотлагательном спасении документального наследия «от случайностей переживаемого времени» и был поставлен вопрос общенационального плана – «о будущем наших архивов и централизации управления ими» [1]. Однако в условиях развития революционного движения в России и продвижения фронта Первой мировой войны вглубь нашей страны невозможно было реализовать эти идеи.

После событий октября 1917 г. советская власть столкнулась с фактом значительных потерь редких и ценных документов, использовавшихся, прежде всего, в политической борьбе и пропавших бесследно. Это стало одной из причин пристального внимания, как властей, так и интеллигенции к архивным материалам, их охране и защите. В результате 1 июня 1918 г. Советом Народных Комиссаров был принят Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР, заложившего новые принципы его организации: были созданы Единый государственный архивный фонд и государственная архивная служба России [2].

Однако на территории Сибири, в силу специфики исторической ситуации, осуществление мероприятий по организации государственной архивной службы затянулось.

Значительная часть сибирской интеллигенции отрицательно отнеслась к большевистскому перевороту в Петрограде. Среди тех, кто в начале 1918 г. не поддержал советскую власть, можно назвать имена Г.К. Гинса, Г.Е. Катанаева, Б.И. Николаевского, Н.Я. Новомбергского, Г.Н. Потанина, П.И. Преображенского, Г.Г. Тельберга, Н.В. Яковлева и др. известных общественных деятелей, публицистов и ученых. Но благодаря им в Сибири, в ситуации особого политического накала, развернулась работа по спасению культурного достояния, в том числе архивов. Фактически центрами этой работы на всей территории к востоку от Урала стали Омск, Томск, Иркутск, где формировались центральные органы «белых» правительств и имелись квалифицированные кадры, преимущественно из числа эвакуированных или бежавших от большевиков деятелей науки и культуры [3].

Кардинальное изменение ситуации в Сибири с октября 1919 г. в пользу «красных» сделало архивы опасными для хранения. Наиболее ценную, с точки зрения Временного Сибирского правительства, часть архивов пытались вывезти, другую уничтожали. Вдоль Транссибирской магистрали до самого Иркутска застыли сотни эшелонов с людьми и всевозможным имуществом, в том числе архивами гражданских и военных учреждений, эвакуированных из Омска. Большая часть этих документальных комплексов оказалась брошенной. По горячим следам их собиранием занялись органы ВЧК и военные. Так начальную деятельность, заключающуюся в охране архивов на освобожденной от колчаковцев и интервентов территории Западной Сибири, осуществлял работник политотдела Реввоенсовета 5-й армии Леонид Николаевич Старк. Именно политическая актуальность архивов периода Гражданской войны была главной причиной повышенного внимания к ним со стороны советских властей и в Москве, и в Сибири.

3 февраля 1920 г. особым Положением Сибревкома (в г. Омске) было образовано Сибирское областное архивное управление (Сибархив). Основными задачами созданного управления стали организация и централизация архивного дела на территории всей Си-

бири в ее дореволюционных административных границах, т. е. включая часть территории нынешнего Казахстана и Якутию. Одновременно в функции Сибархива заложена работа по организации хранения документов общесибирского значения, их учету и использованию [4].

Большая роль в становлении архивного дела в Сибири принадлежит Вениамину Давыдовичу Вегману, возглавлявшему Сибархив в середине 1920 г. Благодаря энергии Вениамина Давыдовича, спасены многие уникальные комплексы архивных документов, которым угрожало уничтожение в условиях хозяйственной разрухи начала 1920-х гг. Вегман наладил эффективное управление архивным делом на территории Сибири, сформировав работоспособные аппараты губернских, затем окружных архивов и архивных бюро. В 1923 г. В.Д. Вегман возглавил Сибирскую комиссию по истории партии (Сибистпарт) и провел огромную работу по сбору и публикации подлинных документов и воспоминаний участников революционных событий. Данные материалы легли в основу фонда Сибистпарта, хранящегося сейчас в Государственном архиве Новосибирской области [5].

До 15 января 1924 года Сибархив функционировал в г. Омске, затем, в связи с переносом административного центра Сибирского края, был переведен в Новониколаевск (с 1926 г. Новосибирск). Лишь в 1925 г. учреждение получило полуподвальное помещение в здании Сибкрайисполкома [6]. В 1930 г. в связи с разделением Сибирского края на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский Сибирское краевое архивное бюро было реорганизовано в Западно-Сибирское краевое архивное бюро (Сибархив) с пятью отделениями: в Барнауле, Минусинске, Омске, Томске и Щегловске.

Важным для Сибархива в этот период стал 1928 г., когда в его деятельности появилась тенденция к увеличению объема научно-исследовательской деятельности, направленной на изучение производительных сил Сибири – приоритетной темы отечественной науки того времени.

В мае 1932 г. Западно-Сибирское краевое архивное бюро было переименовано в Западно-Сибирское краевое архивное управление. В 1934 г. на базе крайархива как самостоятельные были созданы краевые архивы – исторический, Октябрьской революции и во-

енный. В 1937 г. организуется секретный краевой архив. В 1937 г. Западно-Сибирское краевое архивное управление было переименовано в Новосибирское областное архивное управление. Соответственно и краевые архивы были переименованы в областные [4].

С 1939 г. все архивные учреждения переведены в ведении органов НКВД СССР. Именно в этой структуре архивная служба Сибири встретила новые испытания.

Начало Великой Отечественной войны привело к перестройке работы всех архивных учреждений страны. К сожалению, накануне войны никаких мер по подготовке архивистов к работе в условиях военного времени не предпринималось. Об этом свидетельствуют отсутствие слаженности при эвакуации архивных документов из прифронтовых и оккупированных территорий страны и неподготовленность тыловых районов к их размещению [1; 7]. Вместе с тем в ходе эвакуации архивисты имели возможность использовать административные и силовые ресурсы системы НКВД, частью которой они являлись. Во многом именно благодаря этим ресурсам было возможно выживание архивного дела в жестких условиях войны.

Сибирь, находившаяся глубоко в тылу, являлась одной из баз для эвакуации архивов из приграничных и прифронтовых районов страны. Сибирские города (Новосибирск, Томск, Омск, Тюмень, Барнаул) приняли значительную массу эвакуированных документов. Прибывшие в Сибирь материалы находились в плачевном состоянии, требовали незамедлительной реставрации. Хранение эвакуированных материалов было сопряжено с проблемой сохранности: документы хранились в подвалах и деревянных помещениях, что способствовало их порче, к тому же весной в приспособленные помещения проникало большое количество воды, возникала даже угроза обрушения стен.

Так, в годы Великой Отечественной войны тыловой Новосибирск принял 13 вагонов документов из Ростовского государственного архива и 8 вагонов Дальневосточного. Для размещения столь значительного объема материалов областному архиву выделили здание по улице М. Горького, 72.

Специфической в условиях войны являлась проблема сохранности и согласования уничтожения архивных документов эвакуированных учреждений, организаций и предприятий. Так отделом госархивов

УНКВД по Новосибирской области к 1942 г. были взяты на учет архивы 27 учреждений и предприятий, эвакуированных из прифронтовой полосы, которым была оказана большая помощь в части выделения помещений и приведения их в надлежащий порядок. В числе спасенных новосибирцами информационных комплексов документы Московского городского совета и Академии наук СССР [4; 8].

Следует указать еще на одну серьезнейшую проблему военного периода истории службы. Еще 5 июля 1941 г. СНК СССР было принято решение о «разгрузке» и освобождении ведомственных архивов от материалов, не имеющих или утративших научно-историческую и практическую ценность, что позже было распространено и на государственные архивы. Как видно из документов, руководством архивной службы предпринимались попытки пресечь практику бесконтрольного уничтожения архивных документов, принявшую в начале войны массовый характер. Начальники отделов госархивов УНКВД Сибири осуществляли постоянное инспектирование эвакуированных учреждений с целью взятия на учет эвакуированного материала. Однако часто они наталкивались на нежелание руководителей учреждений подчиняться контролю архивных органов. Данный вопрос поднимался в докладах начальников отделов госархивов на Новосибирском кустовом совещании 1942 г. [8].

Еще одним значимым препятствием в работе архивной отрасли в годы войны являлся тот факт, что эвакуированные в Сибирь с оккупированных территорий СССР архивы снимались с государственного финансирования и все расходы по содержанию документов Единого архивного фонда страны ложились на местные бюджеты.

В 1943 г. в связи с невозможностью хранения огромного количества архивных материалов и отсутствием помещений, пригодных для их хранения, СНК СССР принял решение о реэвакуации архивных фондов в Москву. Работа по реэвакуации документов заняла период с середины 1944 г. до осени 1945 г. Также в 1943 г. на заседании научного совета Управления государственными архивами НКВД СССР были обсуждены вопросы комплектования архивных фондов в целом. Была отмечена необходимость разработки научных принципов комплектования и создания единой системы организации документов в текущем делопроизводстве и архивах [7].

Следует отметить, что архивная служба Новосибирской области претерпела в этот же период особые изменения, серьезно повлиявшие на состав документальных фондов. В связи с созданием в 1943 г. Кемеровской области, а в 1944 г. Томской филиалы Новосибирского облгосархива стали самостоятельными учреждениями, принадлежащими новым административным образованиям. Начался процесс выделения документов, после которого на хранении в Новосибирском областном архиве осталось 352 522 дела [4].

Несмотря на все эти проблемы, в годы войны продолжалась научная и методическая работа архивов, публиковались сборники документов, посвященные истории страны, организовывались выставки, чтение лекций с использованием документов.

Условия деятельности архивных учреждений Сибири в период 1920–1945 гг. были очень сложными, но, благодаря людям, понимающим и ценящим документ как неотъемлемую часть культурной памяти общества, культурного наследия человечества, мы сегодня имеем возможность изучать и восстанавливать прошлое, прогнозировать будущее. Собранные и сохраненные нашими предшественниками архивы хранят ответы на многие вопросы историков и современников – даже на те, что еще не были ими заданы.

Литература

1. Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 18.
2. Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, 1 июня 1918 г. // Декреты Сов. власти. М.: Политиздат, 1958. Т. 2. С. 383–385.
3. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: Док. и материалы. М., 2005. С. 442.
4. Сибирские архивы. История и современность: Юбилейный сборник. Новосибирск, 2000. 312 с.
5. В.Д. Вегман: государственная, научная и общественная деятельность: сб. документов. Новосибирск, 2010. 448 с.
6. Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков : Матер. III регион. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 101–103.
7. Копылова О.Н. К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Сов. архивы. 1990. № 5. С. 37–45.

8. Боброва В.С. Сибирь как база для эвакуации архивных документов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 311. С. 58–65.

*О.Н. Катионов
Новосибирск*

РУКОПИСНЫЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XX в. В АРХИВАХ РОССИИ*

Пришло время подвести некоторые итоги работы, проделанной коллективом историков из Новосибирского государственного педагогического университета по выявлению, систематизации, описанию и каталогизации рукописных картографических материалов Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в., хранящихся в архивах, музеях и библиотеках России. После составления авторами каталога рукописных карт можно подсчитать долю картографического материала из архивов, охарактеризовать его содержание, определить значение архивов в сохранении карт как носителей исторической и географической информации, выявить авторов-сочинителей карт и их рисовальщиков, показать значение материалов для исторических исследований и их место при иллюстрировании визуальной истории Сибири.

Тематическое размещение карт основано на принципе картографических описаний мегарегиона – Сибири, ее частей – западной и восточной, северо-востока, например Камчатки. Важным элементом систематизации картографического материала является состояние административных единиц в разное историческое время, территориально-экономических комплексов, таких как Алтайские и Нерчинские заводы. Обращается внимание на пограничный фактор и защитные линии и т. п. Отмечены и размещены карты в таких рубриках, как карты побережий Северного и Тихого океанов, береговой черты, а также реки и озера. Всего нами выявлено около 1500 рукописных карт и чертежей Сибири и Дальнего Востока. Из полу-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ.

тора тысяч выявленных карт 971 представлена в разных архивах, т. е. там хранится их значительная доля.

Сразу же оговоримся, что не все архивные картографические материалы нами выявлены. Эта работа требует продолжения.

Тематически карты представляют разные регионы, имеют соответствующую их назначению направленность. В Российском архиве древних актов хранится «Чертеж части Сибири от г. Верхотурье до р. Лены, от Каспийского моря до Северного океана, с указанием крепостей, построенных полковником Ив. Дм. Бухольцем». – [Россия], [январь 1719]. Карта ориентирована на юг. *Текст на обороте*: «Таков чертеж подал князь Матв. Петр. Гагарин 1719-го февраля в 1 день. Взят по повытью». Эта карта несет историческую информацию, связанную со службой полковника И.Д. Бухгольца – основателя Омской крепости (РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 16-в).

«Карта уездов Тобольского, Тюменского, Туринского, Верхотурского и части Башкирской границы» 1720 г. представляет подготовительные материалы к экспедиции одного из первых исследователей Сибири доктора Д.Г. Мессершмидта. Большая часть картографических материалов экспедиции скопирована с карт известного российского картографа С.У. Ремезова. Карты адаптированы для исследователя, т. е. переведены на немецкий язык. Без масштаба (СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 2. № 6).

В Российском государственном военно-историческом архиве исследователь и составитель описания А.А. Лобанова обратила внимание на «Генеральную карту всей Сибири, учиненную со специальных чертежей по съемкам и точному оной промериванию полагая в длину от последней Оренбургской Звериноголовской крепости с Алеутскими Американскими островами от 81°50 до 209°10 на 7669 верст а в ширину от Северного моря до столичного китайского города Пекина и Японии от 72° до 41° на 3255 верст. Со изъяснением учрежденных Всех Высочайше Ея Императорским Величеством по конферманованному в 775 году докладу в Ыркуцкой губернии провинциальных воеводских камисарских и других ведомств уездам рубежей в них селений дорог количеству разных народов с доходами имеющихся металлам заводов рудников минеральных гор морских вояжев соседственных границ содержащихся и впредь полагаемых укреплений а также и трудившихся в тех съемках с 775 году

до ныне разным писателям и картам этого тракта. Сочинена 1778 году».

На карте показаны условными знаками: «города (губернские, провинциальные, воеводские, большие и малые Китайского государства), комиссариаты, остроги, монастыри, заводы (сереброплавильные, соляные, железные, винные, медные), рудники (серебряные, медные, железные, ртутные), прииски (серебряные, ртутные), крепости, редуты (большие, средние, малые), кумирни. Цегланы, станы, заставы, дороги (тележные, вершняя, вновь прожектированные), иноверческие юрты»; *цветом:* моря (Камчатское), реки, озера, острова (Курильские, Сахалин, Японские – Матцмай и др.); *литерами:* горы с полезными ископаемыми (железом, яшмой и т. д.), народы, комиссарства, уезды; рельеф холмиками.

В качестве дополнительной информации на карте представлена экспликация (внизу слева): «Краткая табель о всем имеющемся в Иркутской губернии количестве людей и доходах, учиненная по точной от той канцелярии выправке и засвидетельствованию 1778 году». По правому краю карты – экспликация с указанием автора работы и участка им обследованного – «ундер афицер Ростовцов», «флота капитан лейтенант Хметецкий», «штурман Балахирев» и др. (52 пункта) (РГВИА. Ф. 846. Д. 20245). Фактически эта карта содержит информацию об административно-территориальном делении Сибири по екатерининскому Уложению о губерниях 1775 г.

В Национальном архиве Республики Саха (Якутия) находится «Выкопировка из листа карты Азиатской России с изображением новой границы между Якутской областью и Иркутской губернией, утвержденной в 1898 г.»: [оригинал] / выкопировал иркутский уездный землемер П. Беляев, поверял иркутский губернский землемер Никитин. – 100 верст в 1 англ. дюйме. – Иркутск, 29 ноября 1902 г. Цель – для отсылки в департамент межевания. По сути это пограничная карта между губернией и областью. Граница обозначена в Иркутской губернской чертежной черными точками желтой линией (НА РС(Я). Ф. 343-И. Оп. 7. Д. 60). Это свидетельство того, что изменение административных границ в Сибири происходило постоянно.

Экономические или промышленные карты первой половины XVIII в. в Государственном архиве Свердловской области свиде-

тельствуют о том, что административно в Сибирь входили и территории Урала: «Ландкарта Пермских и Кунгурских, Верхотурских и прочих сибирских дистриктов, в которых имеются Ея императорского величества казенные и медные и железные заводы и разные фабрики... при том означено партикулярные заводы баронов Строгановых, дворян Акинфея и Никиты Демидовых и Осокина» / сост. геодезист Иван Шишков. Екатеринбург. 22 августа 1735 г. (ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 17746).

В Государственном архиве в г. Тобольске хранятся в основном межевые и землеустроительные карты. Например, «Отчетная Карта Тобольской губернии, Ялуторовского округа, Пятковской волости дачи села Большаковского с деревнями владения государственных крестьян межевых действий 1848 года С 1го по 26е число Августа» / «начальник Межевания Сибири Полковник Будберг; младший Землемер Губернский Секретарь Широков». 4 версты в 1 англ. дюйме. [Тобольск]. О проделанной работе свидетельствует такая запись: «Примечание 1е) С 1го по 26е число Августа, пройдено линейною мерою по рамочным и магистральным линиям планшетов 150 верст 261 сажень». И это расстояние пройдено землемером, чтобы обмежевать фактически земельные дачи одного села с прилегающими деревнями (ГА в г. Тобольске. Ф. И. 154. Оп. 13. Д. 144).

Межевые карты встречаются во всех сибирских государственных архивах. Например, в госархиве Красноярского края «Карта Енисейской губернии Канского округа Рыбинской волости с показанием образованных в 1894 году чинами 2-ой Восточно-Сибирской межевой партии переселенческих и запасных участков, а также обойденных крестьянских земель по натуральному их пользованию» / «составлял топограф П. Степанов» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 58. Д. 401).

По картам можно изучать историю становления путей сообщения. В этом может помочь «Ландкарта Томского, Кузнецкого и Красноярского уездов и ведомства Колывано-Воскресенского завода рудникам и деревням Иртышским крепостям до города Тары и Барабы а где какие рудники и на каких урочищах о том значат литеры...» / сост. геодезист Василий Шишков 17 сент. 1737 г.

Карта представляет интерес не только для историков промышленности, но и для истории Сибирского тракта. Это одна из ранних карт с изображением пунктов, по которым передвигались путешественники: служащие, ученые и др. И хотя самой трассы сибирской дороги на карте нет, но для нас важно наличие некоторых пунктов, именуемых как станцы и зимовья, – они и являлись частью возникавшей столбовой дороги. На степи Барабинской отмечены станец Тартас, станец Каинской, станец Убинской, зимовье Вострово, зимовье Шелегино, дер. Черемшанка, дер. Б. Оеш, острог Чаусской, дер. Соколова, ю. Орские (левый берег Оби), на правом берегу Оби дер. Порос, «изба зимовая Дубровска», дер. Тошеринская, остр. Умревинской и далее на водораздел к р. Томи. В целом карта хороша для иллюстрирования Обь-Иртышского юга Западной Сибири 1730-х гг. (ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 17746).

В госархиве Алтайского края встречаем планы разграничений между крупными административными единицами Сибири: «Геометрический специальный план новой граничной черты между Кольванской областью и Тобольскаго наместничества с показанием ближних... черт... инструментом пройдена в октябре месяце и межвал со стороны Кольванской области артиллерии подпоручик Томского уезда землемер Иван Нейпер со стороны Тобольского наместничества геодезии прапорщик Василий Белов и с которых первый чертил план октября 30-го числа 1782 года» (ГААК. Ф. 50. Оп. 12. Д. 328) и «План утвержденной границы разделяющей пределы Кольванской губернии с Иркутским наместничеством учиненной сообразно ситуации его во исполнении Высочайшего соизволения ея Императорского Величества данного правительствующему сенату 1781 года мая 13 отряженными для того комиссиями по повелению правящего должность Иркутского и Кольванского генерал губернатора господина генерала поручика и разных орденов кавалера Ивана Варфоломеевича Якобия 1785 года». 10 верст в 1 англ. дюйме (Д. 321).

Карты экспедиций представлены в разных архивах, например, при изыскании водного пути для соединения Оби и Енисея была составлена карты: «Маршрутная карта экспедиции В. М. Харченко из г. Енисейска на реку Чулым в 1882 г.» (ГАИО. Ф. 39. Оп. 3. Д. 295. Л. 25).

На подобной карте 1886 г. ее составитель М.О. Маркс записал: «В мае 1882 г. енисейский купец Василий Михайлович Харченко предпринял экспедицию для нанесения местности между Енисейском и Мелетским и пригласил меня в качестве инженера и топографа. Весь путь 152 версты» (ГАИО. Ф. 39. Оп. 3. Д. 295. Л. 26).

Естественно, что карты побережий нашли место в архиве военно-морского флота. Пример: «Карта берегов Северного Ледовитого океана, рек Обь, Лена, Енисей с притоками, Берингова и Охотского моря и Алеутских островов. – 104,5 российских верст в 1°. На карте имеется примечание: «С разных карт сочинена 1742 году ноябрь 19 дня» (РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 16).

Составителями карт, их чертежниками были представители разных ведомств. Мы выявили 928 имен тех, кто непосредственно участвовал в открытии и описании неисследованных земель, нанесении их на карты. Именной указатель показывает, какой огромной работой были заняты те, кто готовил карты – землемеры, военные топографы, межевщики, ученики горных и навигацких школ, лесничие, представители горных ведомств – гиттенфервальтеры и унтершихтмейстеры, руководители сибирского межевания, военные, выполнявшие рекогносцировочные задания, их непосредственные начальники, строители укрепленных линий, дипломаты, воеводы и губернаторы. Каждый выполнял свою функцию. Карты изготавливались и в Сибири, и в столичных городах. Чаще всего участники экспедиций, привозя измерительный, топографический материал, трудились в чертежных, создавая карты уровня того времени, в которое они жили и работали.

*Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк
Томск*

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В МУЗЕЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Взаимодействие архивов и музеев в изучении исторического прошлого уходит корнями в те давние времена, когда, говоря сло-

вами С.О. Шмидта, все документальные памятники «развивались на одном стволу» [1, с. 21]. Музейная деятельность не мыслилась без опоры на архивы, на документальные источники. Показательно, что Б.Г. Вихман, автор одного из первых музейных проектов, опубликованного в 1821 г. в журнале «Сын Отечества», предлагал назвать проектируемое учреждение Александровским отечественным музеем (Alexandrinum) и считал, что в основание его, наряду с собственно музейными предметами, следует положить «собрание всех рукописей, хроник, грамот и документов, относящихся к отечественной истории...» А для решения этой задачи полагал необходимым обратиться в государственные и частные архивы с просьбой о пожертвовании или передаче «на некоторое время» [2, с. 188]. Точно так же в проекте создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске, разработанном в 1911 г., наряду с вещественными и изобразительными источниками намечалось собирать, хранить, изучать и древние рукописи, и документы [3, с. 99]. А инициатор создания музея истории земства в Европейской России А.И. Смирнов планировал в нем два отделения: письменных памятников, или земский исторический архив, и вещественных памятников – земский исторический музей [4, с. 9].

Осознавая значимость архивных сборов в музейной работе, создатели и организаторы первых русских музеев обязательно включали в музейные собрания различные документы и письменные памятники. Сведения о документных коллекциях, как прототипах музейных архивов, которые использовались во внутримузейной работе, в организации сбора, хранения и показа музейных предметов, в изучении истории музеев, зафиксированы в трудах, посвященных созданию и деятельности Оружейной палаты в Москве, Петровской Кунсткамеры в Петербурге [5, с. 7, 268–268; 6, с. 30]. Архивы формировались и в сибирских музеях – в Омске, Минусинске, Енисейске [7, с. 327]. Характерно, что на базе архивных собраний открывались новые музеи. По сведениям П.С. Уваровой, при губернских ученых архивных комиссиях были организованы музеи в Саратове, Орле, Рязани, Тамбове. В них собирались и хранились не только письменные, но и вещественные и изобразительные источники [8, с. 8]. (Традиция создания в сибирских архивах небольших музеев и музейных экспозиций возродилась в 1990–2000-х гг.).

С изданием в 1918 г. Декрета об архивах, ситуация изменилась. Согласно ему ликвидировались все прежде функционировавшие архивные учреждения, а хранившиеся в них документы передавались в единый Государственный архивный фонд. При этом, однако, закон особо оговаривал случаи, когда документы того или иного ведомства или учреждения, например музея, «не утратившие значения для повседневной деятельности, остаются в помещении данного ведомства, но поступают в ведение и распоряжение Главного управления архивным делом» [9, с. 384].

Исполнение Декрета об архивах, создание Управления архивным делом Сибири, Сибархива, с целью «организации и централизации архивного дела», способствовало упорядочению и сохранению архивных фондов в городах края (ГАНУ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). Имеются свидетельства, что налаживание сибирских архивов в 1920-х гг. происходило в тесных контактах архивистов и музейедов (Д. 57. Л. 16; Д. 66. Л. 80). Тем более что управление музейным и архивным делом в сибирских городах, например в Томской губернии, осуществлялось одним управленческим органом – отделом народного образования губисполкома, в составе которого были созданы и функционировали и губмузей, и губархив (ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 101. Л. 165). В дальнейшем архивы и музеи были разведены по разным ведомствам.

Формирование системы государственного управления архивной и музейной деятельностью активизировало работу по собиранию архивных документов в музеях. Из некоторых публикаций 1920-х гг. известно, что хорошей документальной базой обладал Тобольский музей [10, с. 12; 11, с. 43]. В 1925 г. в Томске был создан общий архив губернского отдела народного образования и подведомственных ему учреждений (ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 212. Л. 121). Сведений о создании особого архива в Томском краевом музее не сохранилось, есть лишь упоминания М.Б. Шатилова о том, что в 1922 г. тогдашний заведующий музеем, художник А.Н. Тихомиров, доставил в музей вместе с зарисовками сельских домов «исторические документы, относящиеся к прошлому с. Семилужного» [12, с. 7]. Коллекция документов пополнялась также старинными рукописями, докладами и отчетами сотрудников музея об экспедициях и поездках по Томскому краю.

Возможности создания музейных архивов значительно расширились, когда в 1948 г. было принято Положение о краеведческом музее, ставшее основополагающим для музейной деятельности на долгие годы. В числе других обязательных отделов назывался научный архив музея [13, с. 217]. Правительственное распоряжение потребовало от музееведов начать упорядочение и описание хранившихся в музейных фондах архивных документов. Так выяснилось, что ценнейшие документы собирались и хранились в Томском областном краеведческом музее, в музеях Барнаула и Бийска [14, с. 4; 15, с. 5–141; 16, с. 23]. Одновременно музейная документация накапливалась в центральных и местных государственных архивах, что обеспечивало музейное дело Сибири историческими источниками.

Издание серии справочников и путеводителей по российским архивам, формирование базы данных центральных и местных архивов и размещение их на сайтах Интернета, создание портала «Архивы России» значительно облегчают архивный поиск по музееведческой проблематике, способствуют введению в научный оборот свежих, ранее не использовавшихся источников. Впрочем, нужно отметить, что специалисты-музеееды с давних пор опирались в своих работах на архивные документы, что позволило им проследить становление и развитие российского музейного дела [17–19]. Что касается сибирских исследований XX в., то нужно назвать в первую очередь труды М.Б. Шатилова, Ф.В. Мелехина, Л.И. Боженко, О.Н. Труевцевой, в подготовке которых использованы письменные источники, извлеченные из архивов, найдены ответы на многие вопросы музейной истории [20–22; 12]. Опираясь на документы Государственного архива Новосибирской области, В.Л. Соскин включился в многолетнюю, начатую еще в 1920-х гг., дискуссию о характере музеев и музейной деятельности, и обоснованно относил сибирские музеи к научным организациям, в противовес тем, кто рассматривал музеи как политико-просветительные учреждения [23, с. 150]. Неоднократно обращался к музееведческой тематике один из крупнейших в стране этнографов, омский исследователь Н.А. Томилов. Опора на архивные документы позволила Н.А. Томилову и его соавторам осветить историю Новосибирского, Тюменского, Омского краеведческих музеев [24–26].

В 2000-х гг. эстафету использования документов музейных и государственных архивов подхватила новая генерация музееведов. Сотрудники сибирских музеев подготовили целый ряд интересных публикаций, характеризующих научно-фондовую, экспозиционную и музейно-педагогическую работу [27–32; 1]. Архивные разыскания обеспечивают новые результаты в трудах специалистов-музеологов О.Н. Шелегиной, Т.В. Тишкиной, С.Е. Григорьевой, И.А. Сизовой и др. [33–38]. Опираясь на документы ГА РФ, ГАТО и архива Томского областного краеведческого музея, музеологи Томского государственного университета смогли расширить представления о развитии музейного дела в Сибири, дать научно обоснованную оценку 1-го Всероссийского музейного съезда 1930 г. и его влияния на музейную жизнь, первыми в стране приступить к изучению историографии музейного дела [39; 40; 3; 41–43].

Думается, что организация и проведение музееведческих исследований с опорой на архивы и архивные фонды имеют хорошие перспективы, и мы вправе ожидать от них новых научных результатов.

Литература

1. Шпанский А.В., Смердина Т.П. История формирования коллекции остатков четвертичных млекопитающих в Томском областном краеведческом музее // Тр. Томского обл. краевед. музея. Томск: Ветер, 2008. Т. 15. С. 57–60.
2. Вихман Б.Г. Российский отечественный музей // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. док. и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 184–199.
3. Дмитриенко Н.М. Первый опыт музейного проектирования в Томске // Вестник Томск. гос. ун-та. Томск, 2013. № 372. С. 98–100.
4. Смирнов А.И. Земский исторический музей. Опыт организации. Ярославль, 1915. 185 с.
5. Московская Оружейная палата. 2-е изд. / сост. [А.Ф. Вельтман]. [М.], 1860. 296 с.
6. Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
7. Муравьева Л.В. Некоторые вопросы взаимодействия музеев и архивов Сибири в 1920-е гг. // Музейные фонды и экспозиции в научно-

образовательном процессе: Матер. Всерос. науч. конф. Томск, 2002. С. 325–328.

8. Уварова П.С. Областные музеи. [М., 1890]. 28 с.

9. Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, 1 июня 1918 г. // Декреты Сов. власти. М.: Политгиздат, 1958. Т. 2. С. 383–385.

10. Копотилов М. Историко-революционный подотдел Музея Тобольского Севера // Бюллетень Об-ва изучения края при Музее Тобольского Севера. Тобольск, 1928. № 1. С. 11–14.

11. Телишев И. Краткое описание антирелигиозного подотдела в Государственном музее Тобольского Севера // Бюллетень Об-ва изучения края при Музее Тобольского Севера. Тобольск, 1929. № 1–2. С. 39–44.

12. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Тр. Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.

13. Положение об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее / утв. Комитетом по делам культ.-просвет. учреждений при Совете министров РСФСР // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев. М.: Госкультпросветиздат, 1950. С. 215–218.

14. Ирисов Э.А., Цехановская Н.А. Бийскому краеведческому музею 50 лет // Изв. Алтайского отдела Геогр. об-ва СССР. Бийск, 1970. Вып. 11. С. 3–13.

15. История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Тр. Томского обл. краевед. музея. Томск, 2002. Т. 11. С. 3–159.

16. Трушин В. Старейший музей Сибири // Культурно-просветительная работа: ежемес. журнал Комитета по делам культ.-просвет. учреждений при Совете министров РСФСР. М.: Госкультпросветиздат, 1952. № 9. С. 23–28.

17. Закс А.Б. Н.Л. Рубинштейн – во главе научной работы Государственного Исторического музея (1943–1949 гг.) (по материалам НВА ГИМ и личным воспоминаниям) // Археографический ежегодник за 1989 год. М.: Наука, 1990. С. 124–133.

18. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. М., 1991. Ч. 1. С. 96–172.

19. Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 189–275.

20. Боженко Л.И. Из истории музейного строительства в Сибири в 1920–1925 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск: Изд-во ТГУ, 1971. Вып. 5. С. 180–193.

21. Мелехин Ф.В. 1923–1928 г. Пять лет работы музея. Краткий отчет // Известия (Гос. Западно-Сибирский музей). Омск, 1928. № 1. С. 121–150.

22. Труевцева О.Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 336 с.

23. Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука. Новосибирск: Наука, 1989. 173 с.

24. Томилов Н.А. К истории Новосибирского областного краеведческого музея // Этнографическое обозрение. М., 1993. № 1. С. 96–101.

25. Томилов Н.А. Тюменский областной краеведческий музей (краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1994. С. 21–26.

26. Томилов Н.А., Макаров Ю.А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей: краткий исторический очерк // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского гос. объедин. ист. и лит. музея. Томск, 1986. С. 5–39.

27. Камалетдинова З.С. Национальный татарский костюм в коллекции Томского областного краеведческого музея // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Матер. Всерос. науч. конф. Томск, 2002. С. 167–176.

28. Киселева Л.В. Формирование коллекции художника П.М. Кошарова в собрании ТОКМ // Тр. Томского обл. краевед. музея. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Т. 13. С. 218–231.

29. Малофиенко Е.А. Формирование коллекции мебели Томского областного краеведческого музея // Тр. Томского обл. краевед. музея. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. Т. 11. С. 188–197.

30. Овчинникова Л.И. К истории создания художественных коллекций в Томске // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Матер. Всерос. науч. конф. Томск, 2002. С. 328–334.

31. Пьянова О.А. Комплектование и экспонирование коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея по политическим репрессиям 1920–1950-х гг. в Омском Прииртышье // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Матер. Всерос. науч. конф. Томск, 2002. С. 262–268.

32. Тучков А.Г. Материалы по истории этнографической экспедиции М.Б. Шатилова на р. Вах (1926 г.) // Тр. Томского обл. краевед. музея. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Т. 13. С. 31–55.

33. Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 26 с.

34. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Черняк Э.И. Роль музеев Томского университета в активизации учебного процесса и подготовки кадров высшей квалификации // Музеи евразийских университетов в поддержании

и развитии общего образовательного пространства: Матер. Междунар. науч.-метод. конф. Томск: Изд-во ТГУ, 2013. С. 102–110.

35. Нестеров Е.А. История сохранения и использования археологических движимых памятников музеями Алтая в 1823–2012 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 26 с.

36. Сизова И.А. Музейная сеть Томской области: история формирования и функционирования (середина 1940-х – 2011 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 22 с.

37. Тишкина Т.В. Пополнение этнографических коллекций Барнаульского музея в 1920–1930 гг. // Краеведение Сибири. История и современные проблемы: тез. регион. науч.-практ. конф. Кемерово, 1999. С. 136–141.

38. Шелегина О.Н. Музеи Сибири: очерки создания, развития, адаптации. Новосибирск, 2010. 244 с.

39. Григорьева С.Е. Основание и открытие Томского краеведческого музея // Вестник Томского гос. ун-та. История. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. № 1(13). С. 200–203.

40. Дмитриенко Н.М. О создании музея-скансена в Томске // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2013. № 377. С. 71–72.

41. Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2014. № 381. С. 119–122.

42. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского гос. ун-та. История. Томск, 2013. № 6. С. 193–198.

43. Лозовая Л.А. К изучению историографии музейного дела в России // Этюды культуры–2008: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. Ч. 1. С. 92–95.

*В.Г. Дацышен
Красноярск*

СИБИРСКИЕ СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ 1920–1930-х гг. В ДОКУМЕНТАХ СИБИРСКИХ АРХИВОВ

На сегодняшний день многие страницы истории Сибири остаются слабо изученными. Актуальной остается проблема введения в научный оборот новых источников по истории Сибири. К

числу слабо исследованных проблем, безусловно, относится история военных конфликтов в предвоенные годы. Особую актуальность проблемы истории военных конфликтов на восточных границах СССР приобретают в связи с подготовкой к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, так как без учета опыта военной истории Сибири в предвоенные годы невозможно понять весь круг проблем последующих военных событий.

На сегодня историки редко обращаются к военной истории восточных районов СССР, за исключением, разве, «войны на Халхин-Голе». Но источниковая база подавляющего большинства обобщающих публикаций ограничивается «воспоминаниями» военачальников и газетными материалами. Например, к юбилею войны на Халхин-Голе в 2009 г. издательстве «Академкнига» и под редакцией директор Института российской истории РАН вышла обобщающая работа по истории этой войны. И в ней авторы фактически ограничились введением в научный оборот лишь одного архивного документа, отражающего данное событие.

Прямо или косвенно, все население Сибири испытало на себе влияние военных конфликтов с Китаем и Японией. Военные задачи в этих конфликтах решались силами Сибирского военного округа и созданных на базе этого округа Особой Дальневосточной Армии и Забайкальского военного округа. Сама Сибирь граничила с Северо-Восточным Китаем и Монголией, где и происходили военные действия. Например, основу сосредоточенной на Дальнем Востоке группировки советских войск во время военного конфликта с Китаем в 1929 г. составили переброшенные из Сибири стрелковые дивизии: 21-я Пермская, 26-я Златоустовская, 35-Сибирская, 36-я Забайкальская. Добровольцами или прикомандированными из Сибири были усилены 1-я Тихоокеанская и 2-я Приамурская стрелковые дивизии, другие части, сосредоточенные вдоль китайской границы.

На современном этапе степень изученности истории регионов в связи с военными конфликтами остается крайне неравномерной. И в целом в работах по истории конфликтов отсутствует «региональный аспект», а в публикациях по истории регионов зачастую вообще не упоминаются военные события 1920–1930-х гг. Например, нам не удалось обнаружить ни одной специальной публикации по данной проблеме в Красноярском крае, ни одного упоминания

этих конфликтов в обобщающих работах по истории Красноярского края. Для ликвидации «белых пятен» истории и более глубокого изучения проблем «Конфликта на КВЖД», «Конфликта на озере Хасан», «Войны на Халхин-Голе» необходимо введение в научный оборот документов, хранящихся в архивах Сибири.

Документы по истории военных конфликтов сегодня представлены в различных фондах и коллекциях, хранящихся в государственных архивах краев и областей Сибири. Делопроизводственная документация, включая дипломатическую переписку, а также исторические источники другого рода, отражают самые разные аспекты социально-экономической и политической жизни регионов в связи с военной историей страны в 1920–1930-х гг. Различные вопросы и проблемы истории Сибири в связи с военными конфликтами нашли свое отражение в фондах городских, окружных, областных, краевых, республиканских органов советской власти. Не меньше документов по истории военных конфликтов имеется в бывших партийных фондах бывших партархивов.

Например, материалы сибирских архивов позволяют глубже изучить историю советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. Наиболее насыщены фактами собственно военной истории здесь, вероятно, фонды Государственного архива Забайкальского края. В фонде П-75 «Читинский окружком ВКП(б)» собраны дела с оперативными сообщениями из Даурии и «Боевая хроника». В числе документов можно назвать: «Секретная политсводка № 1. О состоянии политработы среди военнопленных китайской армии – пос. Песчанка, с 30/XI по 8/XII-29 г.». Документы о работе партийно-пропагандистского характера по поводу конфликта на КВЖД содержатся в других «окружкомовских» фондах, например, в фондах П-30 «Нерчинский окружком ВКП(б)», П-71 «Сретенский окружком ВКП(б)» и т. д.

В качестве примера уникальности источниковой базы сибирских фондов можно привести такой документ, как телеграмма военного комиссара 36-й Забайкальской стрелковой дивизии С.Я. Тарабрина: «Коротко информирую Вас о делах. Дивизия на Мацевской. После перехода от Борзи и двух суток под дождем – отдыхаем. Настроены все по боевому. Сахалинцы вынесли резолюцию требованием дать им почетное право первыми ввязаться в бой. 25

июля производили дивизионные учения с ураганным огнем всех родов войск 6 километрах Маньчжурии. В результате 2 эшелона белогвардейцев и коммерсантов спешно эвакуировались. Участие учений эскадрильи самолетов и танков здорово воодушевили бойцов. Китайцы трусят, зарылись в землю, роют окопы у каждой станции. Солдаты группами дезертируют. Сейчас неопределенность положения, а главное – обратный поворот событий несколько нервнует, есть недовольство что наша политика не последовательно тверда. Завтра будем продолжать плановую учебу. Стоять на границе надо полагать придется долго. В этих условиях на днях большинство частей дивизии будут проводить полковые праздники. Не плохо было бы, если в эти дни шефские организации не забыли о своих частях. Конкретные предложения прислать шефскую делегацию на праздники частей с приветствиями наказами, письмами. Прошу так же организовать к этому времени посылку красноармейцам мелких подарков (табак, мыло, бумаги, конверты, нитки и проч.)» (ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 853. Л. 25). В ГАЗК имеются подобного рода сообщения начальника политотдела 21-й Пермской стрелковой дивизии от 2 ноября 1929 г. и т. д.

Не меньший интерес для исследователей представляют близкие по характеру документы из фондов Государственного архива Томской области – переписка между командованием частей 21-й Пермской дивизии и руководством Томского округа. В фондах данного архива имеются богатые коллекции документов делопроизводственного характера и личного происхождения, например, «Наказ принятый дивизионными собраниями красноармейцев и начальствующего состава 21-го Артиллерийского полка, 25-го октября 1929 года» (ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 775. Л. 36–37). Большой интерес для исследователей представляют «отчеты» командования воинских частей своим «шефам» в регионах о действиях вверенных им частей. Из них можно почерпнуть информацию об участии сибирских частей в военных действиях. В фондах Государственного архива Томской области хранятся телеграммы из 61-го Осинского стрелкового полка в Томский окружном ВКП(б) и окрисполком.

Восстановить историю участия сибиряков в боевых действиях на советско-китайской границе можно по спискам убитых, раненых, награжденных военнослужащих, встречающихся в фондах разных

архивов. Например, «Списки Младшего Комсостава и красноармейцев, погибших в бою с белогвардейскими китайскими налетчиками» (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1179).

Большую ценность для исследования истории военного конфликта 1929 г. имеют хранящиеся в фондах Государственного архива Новосибирской области доклады Особого отдела ОГПУ Сибирского военного округа о состоянии воинских частей. В докладах специально выделялся раздел «Реагирования на последние события (о войне и КВжд)». В политсводках Политуправления СибВО нашла отражение проблема отношения красноармейцев к перспективам войны и к начавшемуся в 1929 г. конфликту с Китаем. Именно документы сибирского происхождения необходимы для рассмотрения данного вопроса, так как в других документах эта проблема, зачастую, не отражается. Настроения красноармейцев «по вопросу о войне» в Сибирском военном округе всегда волновали политорганы Красной Армии. Например, в донесении Политотдела 26-й Златоустовской стрелковой дивизии от 1 февраля 1928 г. отмечалось: «особого внимания заслуживают следующие моменты: а) По вопросу о войне...» (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 42. Л. 35 об.).

В фонде «Иркутский окружком ВКП(б)» (№ 16) Государственного архива новейшей истории Иркутской области хранятся богатейшие коллекции документов, отражающие комплекс проблем советско-китайских взаимоотношений в 1929 г. и отношения местного населения к войне. В числе важнейших документов можно назвать секретные «информационные сводки» «О настроениях населения в связи с событиями на К.В.ж.д.» и «Полит-сводки о работе с населением в связи с событиями на К.В.ж.д.».

В Государственном архиве Красноярского края имеются циркулярные телеграммы окружкомов ВКП(б) с данными о ходе военных событий. Документы фонда «Минусинский окружком ВКП(б)» свидетельствуют о том, что призывники из этого района служили вдоль всей границы с Китаем – в 36-й Забайкальской стрелковой дивизии в районе Читы, в 4-м Волочаевском стрелковом полку в районе Хабаровска, в пограничных отрядах ОГПУ на Дальнем Востоке и проч. Указания на места службы призывников из других сибирских округов содержатся в документах, хранящихся в соответствующих окружкомовских фондах.

Говоря о проблемах истории конфликта 1929 г., необходимо учесть, что в то время командование воинских частей по старой революционной традиции поддерживали тесные связи с партийным и советским руководством районов их постоянной дислокации, вело с ними переписку по всем сложным и противоречивым политическим вопросам. Это богатейший источник материалов, отражающих самые разные стороны общественно-политической и экономической жизни сибирских регионов.

Несколько сложнее, но все же возможно исследование на материалах сибирских архивов военной истории второй половины 1930-х гг. Военные конфликты 1938 и 1939 гг. состоялись в иных политических реалиях СССР, соответственно, характер, содержание и степень сохранности архивных документов так же иные. Противоречивее является отношение современных власти и общества к военным событиям той эпохи, что отражается на доступности исторических документов. Но это делает документы из фондов сибирских архивов еще более ценными для современного исследователя.

Сохранившиеся в сибирских архивах документы отражают участие сибиряков в военных конфликтах с японцами. Типичными являются такие документы, как «Список награжденных орденами и медалями участников боев в районе озера Хасан, взятых на учет по Красноярскому крайвоенкомату» (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 875) или документы о представлении сибиряков к званию Героя Советского Союза (Ф. П-75 Оп. 2. Д. 36). В «Докладной записке Крайкома ВКП(б)» о работе Осоавиахима, в части работы среди пионеров и школьников, говорилось, что к 15 октября 1939 г. были «Проведены организованные беседы участников гражданской войны и участников боев на озере Хасан, которыми охватили 38305 детей» (Ф. П-26. Оп. 1. Д. 790. Л. 214).

Сравнительный анализ выявленных документов позволяет увидеть изменение политики государства по отношению к военным конфликтам на востоке. Например, летом 1939 г., следуя исходящим из центра официальным установкам, местные партийные и советские органы очень редко касались вопросов советско-японского конфликта. В Протоколах заседания Красноярского краевого комитета ВКП(б), в т. ч. под грифом «совершенно секретно», конфликт на Халхин-Голе не упоминался даже при рассмотрении вопросов,

напрямую связанных с развитием обороноспособности страны. Первое упоминание о советско-японском конфликте, начавшемся у сибирских границ в мае 1939 г., в «Протоколах заседания Красноярского краевого комитета ВКП(б)» было зафиксировано лишь 8 августа 1939 г. (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 779. Л. 159–160).

Введение новых документов в научный оборот позволит восстановить историческую картину военных конфликтов на восточных границах СССР, создаст основу для более глубокого изучения всего комплекса вопросов и проблем по данной теме в отечественной и мировой истории. Отмеченные выше документы позволят уточнить детали военных действий, восстановить данные о наших потерях в военных конфликтах.

Сибирские архивы не только восполняют имеющиеся пробелы в фактическом содержании военной истории, но позволяют взглянуть на проблемы с разных сторон, например, с позиций отдельных социальных групп и сообществ. Перспективным представляется изучение специфики военной культуры сибиряков и особенности сибирских воинских частей.

Материалы сибирских архивов позволяют исследовать региональный аспект различных проблем, в том числе и военной истории. Особый интерес для современной науки имеют документы, отражающие историю повседневности советских людей, в связи с военными конфликтами на востоке в 1920–1930-х гг.

В конечном итоге, материалы сибирских архивов по истории военных конфликтов 1920–1930-х гг. позволят восстановить имена тысяч забытых русских солдат, погибших на рубежах нашего отечества. И это является прямой обязанностью, священным долгом современного поколения сибиряков.

Литература

Дацьшен В.Г. Война на МНР. Халхин-Гол в нашей повседневности // Родина. 2009. № 8.

Дацьшен В.Г. Конфликт на КВЖД 1929 года: Материалы сибирских региональных архивов о ситуации в воинских частях и взаимодействии с местным населением // Военно-ист. журнал. 2009. № 12. С. 22–28.

Дацышен В.Г. Сибирские части в конфликте на КВЖД 1929 г. // Вестник Международного центра азиатских исследований. 17/2010. Иркутск, 2010. С. 8–14.

Дацышен В.Г. Китайцы в России и советско-китайский конфликт на 1929 г. на КВЖД // Рос. история. 2011. № 5. С. 51–62.

Дацышен В.Г. Отношение к войне красноармейцев СибВО накануне и во время конфликта на КВЖД 1929 г. // Проблемы национальной безопасности и «малые» войны на Дальнем Востоке в XX веке: историко-правовой аспект: Матер. межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2013. С. 79–82.

Дацышен В.Г. Военный конфликт на Халхин-Голе. К проблеме исторической науки в России // Вестник Международного центра азиатских исследований. 19/2014. Иркутск, 2014. С. 28–44.

Дацышен В.Г. Халхин-Гол: война, политика, повседневность // Материалы Междунар. науч. конф. «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии», посв. 75-летию Победы советских и монгольских войск на р. Халхин-Гол (Чита, 17–18 сент. 2014 г.). СПб.: СИНЭЛ, 2014. С. 79–99.

*В.А. Ильиных
Новосибирск*

СОВЕЩАНИЕ 30–31 ЯНВАРЯ 1930 г. ПРИ СИБКРАЙКОМЕ ВКП(б): ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, ИСТОЧНИКИ, ПУБЛИКАЦИЯ

Пришедшие к власти в России в 1917 большевики рассматривали коллективизацию в качестве неперемennого условия построения социализма в стране. Однако до конца 1920-х гг. решение данной задачи отодвигалось на отдаленную перспективу. Но, поскольку мелкотоварное крестьянское хозяйство перестало отвечать задачам ускоренной модернизации, данную точку зрения пересмотрели. XV съезд ВКП(б) поставил задачу расширения масштабов колхозного строительства. В начале 1930 г. советское руководство решило ускорить темпы коллективизации. В постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. предлагалось завершить ее в основном в главных зерновых районах «осенью 1930 г. или во всяком случае весной

1931 г.», в других зерновых районах (в т. ч. в Сибири) – «осенью 1931 или во всяком случае весной 1932 г.» [1, с. 73]. В регионах с одобрения Центра этот процесс решили еще более взвинтить.

30–31 января 1930 г. в Новосибирске при Сибкрайкоме ВКП(б) прошло совещание по проблемам коллективизации и подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании. Данное мероприятие официально конституировалось как совещание секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б). Однако круг его участников был более широким. На совещании выступили 32 чел., в т. ч. секретари всех окружкомов / обкомов ВКП(б) края, ответственные работники крайкома, крайисполкома, Сибколхозсоюза, председатели двух окрисполкомов, секретарь Барабинского райкома ВКП(б), представители Бурят-Монгольской АССР, парторганизация которой была подведомственна Сибкрайкому. С заключительной речью на утреннем заседании 31 января выступил секретарь крайкома Р.И. Эйхе.

Обсуждение выявило массу нерешенных проблем: не хватало семян и тягловой силы для расширения посевных площадей, в значительной степени оказались фикцией обещания поставки тракторов, деревню захватила эпидемия массового забоя скота, в колхозах не было налажено производство, многие из них существовали только «на бумаге». Тем не менее участники совещания были настроены по-боевому и настаивали на пересмотре ранее определенных темпов коллективизации в сторону их резкого повышения.

Значительное внимание на совещании уделялось проблеме раскулачивания как неотъемлемой составной части коллективизации и одного из основных средств ее осуществления. Выступающие предлагали различные варианты решения судьбы раскулаченных крестьян после экспроприации их хозяйств и выселения с мест постоянного проживания: направление в необжитые места, «трудовые колонии», «концентрационные лагеря», использование на лесозаготовках, строительстве железных дорог. Прозвучал даже призыв к массовым расстрелам [2, с. 171].

Точки над «і» были поставлены в полученном Сибкрайкомом перед завершением совещания и доведенном до его участников на специальном закрытом заседании постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [3, с. 126–130].

Постановление присутствующим зачитал Р.И. Эйхе. После него выступили заместитель полпреда ОГПУ по Сибири В.Н. Гарин и начальник политуправления Сибирского военного округа А.И. Мезис.

Заседание завершилось принятием в основном резолюций совещания по вопросам весенней посевной кампании и раскулачивания. Окончательное их утверждение было делегировано бюро Сибкрайкома, которое рассмотрело и утвердило их на своем заседании 2 февраля 1930 г.: первое как резолюцию краевого совещания «Об основных задачах весенней сельскохозяйственной кампании, коллективизации и ходе их выполнения»; второе как постановление бюро крайкома «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и ликвидации кулака как класса».

Совещание стенографировалось. Записи его заседаний, за исключением закрытого, были оперативно расшифрованы, напечатаны на пишущей машинке, а затем розданы большинству выступавших, правились ими от руки и были перепечатаны с внесением правки. Стенограммы выступлений со справками и уточнениями не раздавались и соответственно не правились. Каждый из этапов обработки материалов совещания отложился в отдельной делопроизводственной единице фонда Сибкрайкома ВКП(б) Государственного архива Новосибирской области (Ф. П-2. Оп. 2): д. 451 – машинописная неправленая стенограмма совещания (список 1А); д. 454 – машинописная стенограмма с текстами выступлений, правлеными от руки авторами (список 1Б); д. 477 – машинописная стенограмма, перепечатанная с внесением авторских правок (список 1В). Кроме того, в д. 452 находится правленая от руки автором машинописная стенограмма итогового выступления Р.И. Эйхе на утреннем заседании 31 января (список 1Г), а также машинописная стенограмма данного выступления Эйхе перепечатанная с внесением авторских правок (список 1Д). Работая с текстом, Р.И. Эйхе ставил себе задачу подготовить его к публикации. Поэтому в перепечатанный вариант не вошла значительная часть его выступления.

В соответствующих делопроизводственных единицах фонда Сибкрайкома ВКП(б) (Ф. П-2. Оп. 4) также отложились этапы обработки постановлений совещания: в д. 42 – вынесенные на рассмотрение бюро крайкома и правленные от руки в ходе его заседания

(списки 2А и 3А); в д. 41 – воспроизведенные после внесения правок (списки 2Б и 3Б).

Материалы совещания 30–31 января, включая стенограмму закрытого заседания и принятые по итогам его работы резолюции опубликованы в подготовленном коллективом сотрудников Института истории СО РАН и Государственного архива Новосибирской области сборнике документов «Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.» [2, с. 17–212].

В состав научно-справочного аппарата сборника документов, входят археографические и содержательные комментарии, именной указатель. Текстуальные примечания содержат информацию об изменении текста при правке стенограммы. Публикация каждого источника завершает многослойная легенда, которая отсылает к непубликуемым спискам. Стенограмма совещания и принятые резолюции сопровождаются 121 содержательным комментарием. В именованном указателе указаны должности всех выступавших и упомянутых на совещании лиц. Занимаемая должность определена на момент упоминания в документе или в пределах хронологических рамок сборника.

Из всех списков стенограммы совещания, в качестве объекта публикации избран список 1А, поскольку остальные являются неполными. Делая данный выбор, составители исходили еще из одного обстоятельства. Авторская правка включала не только исправление неточностей, допущенных при стенографировании и машинописном воспроизведении, но иногда и достаточно радикальную коррекцию собственного выступления: от попыток сделать его менее косноязычным до внесения непроизнесенных на совещании фраз, фрагментов и даже их перестановки. Примером существенного изменения первоначального текста может служить правка секретаря Канского окружкома И.К. Глухова, который фразу о том, что «темп [коллективизации в округе в] 28 % мы в этом году выдержим» заменил на: «28 % мы в этом году выполним и, по-видимому, превзойдем и значительно» [2, с. 92–93]. Следует также отметить, что неправленная стенограмма адекватно воспроизводит языковые особенности речи выступавшего, а, следовательно, и его личные характеристики.

Публикация списка 2А резолюции совещания «Об основных задачах весенней сельскохозяйственной кампании...», в примечаниях к

которой воспроизведены изменения в тексте, позволяет реконструировать этапы работы над документом. Особый интерес представляют правки пункта резолюции, в котором определялись темпы колхозного строительства в крае. В ее первоначальном машинописном варианте предусматривалось «закончить» коллективизацию «в кратчайший срок». Во втором варианте ставилась задача ее завершения «в 1930 году», в третьем окончательном варианте – «уже в течение весенней с[ельско]х[озяйственной] кампании [1930 г.]» [2, с. 201].

Директивы о взвинчивании темпов коллективизации были направлены на места. Процесс фактически насильственного объединения крестьян в колхозы начался. На 1 февраля 1930 г. в Сибирском крае в них числилось 19 % крестьянских хозяйств, на 10 февраля – 32, на 10 марта – 53 % [4, с. 291]. Результатом аграрной революции «сверху» явилось резкое падение производительных сил сельского хозяйства, особенно осязаемое в животноводстве. Чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики и предотвратить массовое крестьянское восстание, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы в известной статье И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. [2, с. 446–459; 3, с. 303–305]. Крестьяне стали в массовом порядке выходить из колхозов. Уровень коллективизации к лету 1930 г. снизился по Сибирскому краю до 20 % [4, с. 299].

Отступление режима носило тактический характер. Декабрьский (1930 г.) пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу возобновления массовой коллективизации. К концу 1931 г. в колхозы в Сибири вступило 60 % крестьянских дворов. 80 %-ный уровень коллективизации, который определялся как ее «завершение в основном», был достигнут в регионе в 1935 г. [4, с. 308, 361].

Возникшая в ходе массовой коллективизации колхозная система выполнила поставленные перед ней задачи тотальной мобилизации ресурсов для решения стоявших перед советским государством геостратегических задач, но в то же время отличалась низким уровнем развития производительных сил. Отрицательные социальные и экономические последствия начавшегося в 1930 г. «социалистического» раскрестьянивания деревни сказывались на протяже-

нии всей последующей советской истории, сказываются они и в постсоветский период.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М.: Политиздат, 1985. Т. 5.

2. Коллективизация сибирской деревни. Январь-май 1930 г.: Сб. док. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009.

3. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930.

4. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1973.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СЕКЦИИ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В.А. Кароннов
Барнаул

ИЗЫСКАНИЯ ПИМЕНА СТАРЦОВА ПО ПОИСКУ
СУХОПУТНОГО ПУТИ ДО РЕКИ АЛЕЙ В 1749 г.
(Использование картографических материалов ГААК
для реконструкции процесса)

Переход земель демидовских заводов юга Западной Сибири под юрисдикцию императорской короны в 1747 г. был ознаменован коренными преобразованиями во всех сферах хозяйствования. В частности, весьма значительны были изменения в сфере дорожного обеспечения. В демидовское время транспортная сеть Алтая была слабо развитой [1]. С переменой владельца заводов ситуация в этой области начала изменяться. Уже при первом управляющем заводами генерал-майоре А.В. Беэре уделялось большое внимание прокладке новых транспортных путей [2, с. 7]. Особый интерес для исследования представляют попытки проложить новые маршруты с целью перевозки сереброплавильного сырья для предприятий ведомства.

Несмотря на наличие публикаций по данной тематике [3–5], рассматриваемая проблема не в достаточной мере рассмотрена в сибиреведческой литературе. Кроме того, следует учитывать особенности интерпретации и применения картографических источников в исследовании. Несомненным плюсом данного вида источников можно считать их наглядность. Помимо этого наличие легенды на карте позволяет понять особенность расположения объектов на местности, отображенных в источнике. Однако слепая вера карте чревата последствиями: в ней случайно или специально может быть заключена ошибка, и поэтому необходима тщательная сверка с сопутствующими материалами.

Причиной прокладки новых маршрутов послужила необходимость увеличения объемов перевозок плавленого сырья на главный завод ведомства – Барнаульский. К 1749 г. на важнейшем руднике округа – Змеиногорском – скопилось такое количество руды, что для вывоза плавленого полуфабриката требовалось построить новые пристани и увеличить флотилию для перевозок сырья. Это, в свою очередь, требовало создания транспортной инфраструктуры для обеспечения надежной доставки полуфабриката к плавленым печам завода в устье р. Барнаулки. В этой связи Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, являвшаяся центральным распорядительным органом ведомства, направила солдата Костылева для разведки мест под пристань на р. Чарыш. Геодезисту Пимену Старцову было поручено изучить возможности использования реки Алей для судоходства и сплавления руд [5, с. 20].

В архивных фондах ГААК отложился чертеж геодезиста с результатами его работы [6]. Он озаглавлен следующим образом: «Чертеж осмотру и измерений местам, где быть способнее для воски со Змеевского рудника чрез Горновой камень руд и протчаго до р. Алей дорогам, которые означены в оном разными красками и номерами» и представляет собой рисунок размером 36,5×48 см, выполненный в цвете и поврежденный в правом нижнем углу (из-за чего частично уничтожена дата создания документа) и левом верхнем углу. На карте изображено междуречье Чарыша и Алей вплоть до их впадения в Обь, где показаны основные маршруты, разработанные исследователем в качестве предполагаемых путей для транспортировки сырья. В источнике указано пять возможных маршрутов до пристаней, по которым будет осуществляться подвозка руды. Каждый вариант снабжен пояснительной надписью с указанием особенностей того или иного маршрута.

Первый участок проходил «...со Змеевского рудника чрез речку Корбалиху, Грязнуху, Хорьковку до Горноваго камня растоiania 31: от того Горноваго [камня] дорогою, по коея ездят на устье Локтевки 9; потом степью до речки Поперешной и подле оной; до деревни Шипуновой, всего от Змеевского [руд-

ника] до Шипуновой 107» [6]. Всего по пути предполагалось возвести четыре переправы через реки. Второй маршрут был обозначен «дорогою лежащею от Горнового камня степью и подле речки Локтевки також где назначено вновь проложить до деревни Шипуновой 74, а всего от Змеевского [рудника] 105 верст». Несмотря на то что, что на протяжении маршрута не планировалось сооружение искусственных сооружений, данный путь являлся неприемлемым, так как «...промеж речки Локтевки лесу неимеется, ибо все места степные».

Третий маршрут пролегал «от Горнового камня чрез речки Попершну и Черемшанку степью до реки Алей и до урочища называемного Красного Яру, где прежде... при конце того яру велено быть селению, толко еще не селятся. По коей 74 верст» [6]. Частью этот тракт совпадал с дорогой от Колыванского завода до Красного Яру. Четвертый путь, несмотря на кратчайшее расстояние (всего 72 версты), был признан непригодным для функционирования, так как проходил через большое количество рек.

Кроме дорог на Алей, Старцов рассмотрел еще один путь на Чарыш, в место впадения в нее реки Локтевки. Этот путь, длиной в 84 версты, в прежнее время использовался для перевозки горнового камня. Также геодезист предложил запасной вариант для этого маршрута, написав следующее: «А ежели оную проложить мимо озера Колывана и вниз по реке Лохтевке уповательно быт несколько менее и можно будет (когда деревни по Локтевке поселятся) возит зимой и летом» [6].

Из всех приведенных маршрутов наиболее удачным, по мнению геодезиста Старцова, признавался третий маршрут в виду оптимального сочетания расстояния проложения и предполагаемого количества возводимых на пути сооружений. Селение на Красном Яру вскоре было заселено, что привело к образованию дер. Красноярки, основанной, по данным исследователей, в 1749 г. [7, с. 131]. Помимо этого, Пимен Старцов провел два судна бичевою по Алею до дер. Кашиной и указал на необходимость устройства на реке ряда «перекопей» (каналов) для спрямления русла.

Однако изыскания Пимена Старцова оказались не в полной мере применимы, так как выяснилось, что р. Алей

виду своей мелкости не пригодна для судоходства и сплавления сырья. Однако собранные им материалы, и прежде всего описанная карта, легли в основу отчетной документации горного инженера И.И. Ползунова, бывшего в ту пору унтер-шихтмейтером на барнаульском заводе. Ему было поручено перепроверить и уточнить данные, полученные Старцовым. Ползунов в итоге своей работы «учинил чертеж», на котором большинство данных «избраны из чертежа, сочиненного геодезии прапорщиком Старцовым» [5, с. 20].

Основная заслуга Пимена Старцова заключается в том, что он первым провел большой массив черновой работы по первичному исследованию бассейна двух рек, планировавшихся для судоходства – Чарыша и Алея. Кроме того, он внес вклад в составление картографического источника, послужившего основой для дальнейших изысканиях горных работников в данной области.

Литература

1. Кароннов В.А. Дорожная система Кольваново-Воскресенского горного ведомства по картографическим источникам первой половины 1730-х годов // Материалы 50-й Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012. С. 114–115.
2. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897 гг.). СПб., 1897. 137 с.
3. Кислицин В.Н. Дорожная карта И.И. Ползунова // Ползуновские чтения 1991 г. Барнаул, 1991. С. 16–20.
4. Малолетко А.А. Изыскание шихтмейтсером Иваном Денисовым тракта от Змеевского рудника до Кабановской пристани (1753 г.) // Вестник Томского гос. ун-та. № 334. С. 116–118.
5. Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. Барнаул, 1988. Ч. 2: Механикус Иван Ползунов. 336 с.
6. Карта дорог П. Старцова 1749 г. // ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 936а.
7. Булыгин Ю.С. Список населенных пунктов Алтайского края. Барнаул, 2000. 237 с.

МАРКИРОВОЧНЫЕ КЛЕЙМА КАК НЕТРАДИЦИОННЫЙ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.

В настоящее время маркировка и идентификация древесины являются важными составляющими эффективного ведения лесного хозяйства. Точный учет лесного фонда – это необходимое условие для организации рационального лесопользования. Грамотный подход к использованию маркировочных клейм может гарантировать получение достоверных сведений по учету и движению лесного сырья, упорядочиванию его отпуска потребителям. Материалы 4-го фонда Государственного архива Алтайского края (ГААК), 241 и 242 фондов Государственного архива Томской области (ГАТО) и нормативные документы Алтайского округа, хранящиеся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ), свидетельствуют, что осознание необходимости маркировки древесины возникло при ведении дореволюционного лесного хозяйства и получило широкое распространение во втором десятилетии XX в. Безусловно, до нашего времени не сохранились древесные носители с проставленными на них клеймами. Однако в нормативных документах и переписке лесных чинов округа имеется подробное иллюстративное описание форм маркировочных клейм и технологии их применения.

Одним из условий для основательного изучения особенностей ведения дореволюционного лесного хозяйства является определенная степень наглядности источниковой базы исследования. Анализ и сопоставление архивных материалов по маркировочным клеймам древесины частично позволили решить данный вопрос и отнести клейма к разряду нетрадиционных делопроизводственных источников по истории лесного хозяйства Алтайского округа второго десятилетия XX в.

Требования к маркировочной информации, месту и способам ее нанесения содержались в циркулярных распоряжениях начальника Алтайского округа. Клейма, исходя из их предназначения, условно делились на три группы: «поверочные», «денежные отпускные» и для клеймения самовольно срубленного леса. Для идентификации принадлежности клейм определенным лесным чинам они изготавливались различной геометрической формы. Технология маркировки древесины предусматривала нанесение смоченных краской отпечатков по затесанной коре. Чтобы не допустить затекания знаков смолой, затесы производились относительно неглубокие, не оголявшие древесину. В целях предотвращения подделки маркировочных данных незаконными рубщиками клеймение производилось не только вручную, но и с использованием шаблонов (трафаретов) [1, с. 1180–1181]. Нумерацию деревьев для ревизионного учета допускалось осуществлять нумераторами с цифрами, передвигавшимися автоматически. В фондах ГАТО сохранилось письмо томского лесничего с просьбой изготовить по его заказу в металлической оправе каучуковый нумератор для клеймения дров и круглого леса (Ф. 242. Оп. 1. Д. 21. Л. 80–80 об.). Четкие и аккуратные цифры таких нумераторов подделать было довольно сложно. Кроме того, их применение ускоряло процесс пересчета лесного сырья. При осуществлении «перечетной нумерации от руки» в обязательном порядке требовалось представлять на деревьях, предназначенных к отпуску, клеймо «О.Д.» [2, с. 142], что занимало определенное время. Нанесение отпечатков клейм на растущих деревьях, предназначенных к выборочной рубке, осуществлялось в двух местах – на высоте груди (примерно 1,3 м от уровня почвы) и внизу у шейки дерева над корневыми наплывами. После вырубki леса, для более наглядного учета проданной древесины, на пнях представлялся номер лесоотпускного билета [3].

Преобразования в лесном хозяйстве округа, проводившиеся в рассматриваемый период, непосредственного влияния на систему маркировки не оказывали. Однако в результате административно-хозяйственной реформы 1911 г., в ходе которой на месте имений были образованы лесничества

и проведена замена наименований должностей лесных чинов, произошла смена клейм. Денежное отпускное клеймо трапециевидной формы помощника управляющего присваивалось лесничему, клеймо лесного смотрителя круглой формы переходило к помощнику лесничего, прямоугольные клейма с каймой и без нее старшего и младшего объездчиков оставались без изменения (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4181. Л. 13–15).

В 1913 г., в связи с активизацией коммерческой направленности в лесном хозяйстве округа, требующей дифференциации прав и полномочий новых лесозаготовителей и хозяйственных лесных предприятий, таблица клейм была расширена путем введения дополнительных условных обозначений [4, с. 740–741]; (фото 3–4). Для предварительного клеймения леса, предназначенного к продаже на участках выборочной рубки, использовалось одностороннее клеймо с литерами «О.Д». Для чинов коммерческих операций использовались литеры «К.О». Если отпуском леса для коммерческих операций занимался лесничий или его помощник, то проставлялись литеры «Х.З», ранее применявшиеся при осуществлении хозяйственных заготовок [с. 737–739].

Для отпуска проданного заготовителям леса, древесину клеймили денежным отпускным клеймом «Д.З». Поставленное клеймо означало разрешение на вывоз древесины при наличии у покупателя лесорубочного билета, дававшего право на заготовку. Однако условия покупки леса нередко нарушались. Так, из объяснений лесопромышленника Г. Кузьмина, задержанного при транспортировке ста одной шпалы, не помеченных знаком «Д.З.», «только в Калтайском лесничестве и требуют клейма, а в других, при покупке всей лесосеки целиком, нет» (ГАТО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 66. Л. 488–488 об.). Крестьянин деревни Кондинской С. Мелков заготовил по билету «сухоподстойные» сосновые дрова из «таксированного» леса. В этой ситуации объездчики заклеили дрова как дозволенную заготовку, а оставшиеся пни причислили к разряду самовольных порубок (Д. 61. Л. 457–457 об.). Следовательно, маркировочные клейма отражали также очень важную сторону лесного хозяйства – борьбу с самовольными порубками древесины. При обнаружении у лесо-

нарушителя самовольно срубленных деревьев, они клеймились, литерой «С». При этом весь объем незаконно полученного лесного сырья изымался и поступал в продажу как «секвестрованный» по протоколам (Д. 41. Л. 88–97). Так, младший объездчик 13-го объезда Калтайского лесничества Лукиных самовольную порубку «четырех березовых сырорастущих хлыстов» заклеил клеймом «С. 13» у пня (Д. 66. Л. 73). Старший объездчик Войтович при обнаружении порубки сырорастущего соснового леса, обмерил пень и заклеил его литерой «С» (Л. 551). Из приведенного примера видно, что клейма младших объездчиков в обязательном порядке содержали указание на номер объезда. Для старших объездчиков такого не требовалось.

Для поверки и инспектирования обнаруженных порубок лесничими использовались клейма с литерой «Л» и номером лесничества, инспектора лесной стражи и их помощники использовали соответственно клейма «И» и «П.И.» [4, с. 737–739].

Степень информативности исторического источника определяется полнотой ответов на стоящие перед исследователем вопросы. Информативность маркировочных клейм как дополнительного источника по истории лесного хозяйства позволяет точно определить права и статус лица, пользовавшегося им при заготовке древесины. Благодаря тому, что клеймение широко применялось в лесном хозяйстве округа, по принятым условным обозначениям можно даже спустя столетие получить информацию о системе учета и движения лесного сырья в Алтайском округе во втором десятилетии XX в.

Литература

1. Циркулярное распоряжение начальника Алтайского округа о перечете деревьев. 5 марта 1913 г. № 17 // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Барнаул, 1913. Т. 2. С. 1180–1181.

2. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул: Тип. Упр. Алт. Окр., 1916.

3. Приказ начальника Алтайского округа. 10 марта 1912 г. № 50 // Приказы начальника Алтайского округа за 1912 г. – АГКМ. ОФ 14816/63. П-8371.

4. Циркулярное распоряжение начальника Алтайского округа о клеймах, установленных для клеймения леса с формами их. 30 апреля 1913 г. № 34 // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Барнаул, 1913. Т. 1. С. 737–741.

*Н.Н. Никитенко
Новосибирск*

КОНТРОЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИВОВ НОВОСИБИРСКОГО (НОВНИКОЛАЕВСКОГО) ОКРУГА В 1920-е гг.: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

К концу первого десятилетия существования советской власти в России была создана правовая система, регулирующая взаимоотношения в области архивного дела и послужившая базисом для его дальнейшего развития¹. Принятие Временного положения о губернских (окружных) архивных бюро от 20 ноября 1922 г. определило их основные функции, включающие общее заведование архивным делом и непосредственное руководство архивными материалами учреждений, организаций и предприятий на территории округа².

Новониколаевское окружное архивное бюро, образованное 1 октября 1925 г., было призвано провести работу по поиску и упорядочиванию фондов предприятий, обследованию и приведению их в порядок и инструктированию работников. Одним из важнейших направлений его деятельности стало осуществление организационно-методического руководства и контроля над работой архивов ведомственных учреждений и организаций

¹ Декреты «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г., «О хранении и уничтожении архивных дел» от 31 марта 1919 г.

² Декрет ВЦИК от 22.11.1922 «Временное положение о губернских (окружных) архивных бюро» [Электронный ресурс] // Официальный сайт справ.-прав. системы «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi> (дата обращения: 10.12.2014).

города, а также архивов, образованных при райисполкомах Новоиколаевского (позднее – Новосибирского) округа.

К началу 1926 г. Новосибирское окружное архивное бюро начало проводить контрольные проверки в архивах округа с целью определения условий хранения и упорядочивания документов на местах, их учета и использования. По результатам проверки шести ведомственных архивов было выявлено следующее: архивы Окрстрахкасссы, Окрсуда и Хозкомбината № 2 были устроены в канцелярии указанных учреждений, в Окроно, Окрсобесе, а в Правлении ЦРК не организованы совсем (НГА. Ф. 739. Оп. 1. Д. 13. Л. 3).

В 1927 г. в плане проверок архивного бюро значилось 15 учреждений и предприятий города, в т. ч.: Окрстатбюро, Чугунно-литейный и Механический завод «Труд», Исправтрудом № 2 и т. д. (Д. 11. Л. 1). В 1930 г. в Новосибирском округе такой проверкой была охвачена 101 организация (в т. ч. 85 районных и сельских учреждений) (Д. 29. Л. 5).

Ввиду недостатка штатных единиц и нехватки средств для поездок в районы округа для учета архивов, организованных на местах, в 1926 г. в райисполкомы были направлены анкетные листы. Каждая анкета состояла из 13 вопросов, в большинстве своем касающихся состава документов и организации их хранения на местах (Д. 7. Л. 1–42). Тем не менее, учетно-регистрационные карточки, составленные на их основе, не могли дать полное представление о конкретных условиях хранения и объемах проводимой работы в архивах при РИКах. Для этого требовалось непосредственное участие проверяющих из окружного бюро при обследовании архивов.

В 1927 г. заведующим Новосибирским архивным бюро Л.У. Дворниковым были проведены контрольные проверки в семи архивах при райисполкомах – Бердском, Кольванском, Черепановском, Каргатском, Чулымском, Бугринском и Каменском (Д. 11. Л. 1). Наряду с реализацией мероприятий по определению условий хранения и учета документов, Дворников производил инструктирование работников архивов в части подготовки материалов для сдачи в Новосибирское архивное бюро. Это было связано с тем, что на 1928–1929 гг. планировался прием документов из перечисленных РИКов в окружное бюро.

Проверка архива производилась двумя специалистами: сотрудником архивного бюро и представителем проверяемой организации, ответственным за хранение архивных материалов. Ввиду того, что в штате окружного бюро числилось только два сотрудника, обязанности по осуществлению контроля распределялись следующим образом: архивариус М.Е. Пешина обследовала архивы при организациях и ведомственных учреждениях города, Л.У. Дворников, заведующий Архивным бюро, – при райисполкомах Новосибирского округа (Д. 8. Л. 37).

По результатам проверки составлялся акт, который включал в себя сведения о дате ее проведения, присутствующих сотрудниках, названии и местонахождении проверяемой организации, составе и способах систематизации, условиях хранения документов. Важной составляющей акта проверки являлось заключение, которое представляло собой перечень выявленных в результате проверки и требующих скорейшего исправления недостатков в организации архивного дела в обследованном учреждении. Акт составлялся в двух экземплярах, один из которых передавался руководителю проверяемого учреждения, другой хранился в окружном архивном бюро.

Архивариусами на местах выступали секретари, регистраторы или делопроизводители организаций или общего отдела райисполкомов, не имеющие специального образования и не пользующиеся методическими рекомендациями в области организации архивного дела. Наличие данной проблемы неоднократно отмечалось в докладных записках и информационных письмах В.Д. Вегмана (Д. 14. Л. 3) и Л.У. Дворникова (Д. 13. Л. 2). Ее нерешенность приводила к тому, что проведение проверок архивов сопровождалось значительными трудностями.

Возникали проблемы, связанные с установлением объема находящихся на хранении дел ввиду отсутствия системы организации архивных документов, так и их учета в количественном выражении. Например, общее число дел указывалось в вязках, килограммах, пудах, шкафах. Кроме того, основная часть предписаний архивам на местах касалась составления описей: заголовки архивных дел в описях содержали в себе грамматиче-

ские и орфографические ошибки, что не только затрудняло понимание содержания дел, но и сказывалось на возможности их быстрого поиска в случае необходимости.

Сотрудник архивного бюро М.Е. Пешина, осуществлявшая проверки архивов, не могла проводить консультации по вопросам архивного делопроизводства для работников проверяемых организаций, так как в бюро занималась выполнением механической работы: приемом и разбором поступивших документов, наклеиванием ярлыков, распределением дел по коробкам/вязкам и имела низшее образование (Д. 14. Л. 3).

Принимая во внимание недостаточную квалификацию проверяющего, а также сжатые сроки и неблагоприятные условия проведения проверки, информация о состоянии дел в архивах по составленным актам существенно отличалась, несмотря на то, что заполнение акта происходило по заранее намеченному шаблону. В одних случаях указывался перечень фондов и примерные годы поступивших на хранение документов, в других – условия хранения, особенности систематизации документов, количество дел в годовом разделе.

Отметим, что указанные замечания применимы и по отношению к полученным от райисполкомов анкетам, так как заполнение сотрудниками РИКов листов анкеты часто носило субъективный характер. Одни архивариусы подробно описывали состав хранящихся документов, упуская условия хранения, другие – ограничивались краткими ответами («имеется», «да/нет») (Д. 7. Л. 17).

Анализ актов контрольных проверок и анкет позволяет убедиться в недостаточности использования указанных документов в качестве единственного источниковедческого материала для всестороннего исследования проблемы контроля деятельности архивов Новосибирского (Новониколаевского) округа в 1920-е гг. Сведения о состоянии архивного дела в организациях и учреждениях Новосибирского округа, полученные на основании актов контрольных проверок и листов учета архивов, не являются полными для представления объективной картины состояния архивного дела на местах. Проблемы, возникающие при анализе указанных актов проверок,

связаны с особенностями заполнения контрольных документов, что являлось следствием недостаточной квалификации работников в области архивного дела и проявления субъективного мнения проверяющих о форме проведения проверки и составления отчетов по ее результатам.

Тем не менее, анализ указанных источников позволяет сделать вывод о своевременности и насущной потребности в проведении контрольных мероприятий по обследованию архивов. Данное обследование дало возможность выявить проблемы, связанные с отсутствием на местах сотрудников, занятых исключительно архивной деятельностью, и низким уровнем профессиональной компетентности из-за невозможности получения специального образования. По мнению Дворникова, организация при Окружном архивном бюро регулярных краткосрочных курсов по обучению необходимым навыкам заведующих архивами, использование архивной литературы (сборники узаконений и распоряжений, правила постановки архивной части делопроизводства, журнал «Архивное дело», бюллетени и циркуляры), обмен мнений между сотрудниками в повседневной практической работе могли бы решить проблему производственных кадров на местах. И тем самым, сократив расходы на систематические поездки в районы для проверок, стать следующим шагом на пути к развитию архивной отрасли в регионе.

Е.И. Красильникова
Новосибирск

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МЕМУАРЫ 1920–1930-х гг. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Коллективная (социальная) память задает общий тон отношению общества к прошлому. Являясь сильно расширенным вариантом автобиографической памяти, которая дополнена памятью других членов социальной группы о наибо-

лее значимых для нее событиях, коллективная память отличается от научной истории. Ее специфичными чертами выступают субъективность, нелогичность, фрагментарность и противоречивость. Коллективная память сильно подвержена влиянию государственной политики памяти, то есть способов и самого процесса идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов [1, с. 41]. Отчетливо это заметно на советском опыте межвоенных лет, когда государство диктовало обществу «правильные» оценки прошлого и стремилось к унификации коллективной памяти. Поэтому «история в человеческом измерении», писавшаяся в эти годы рядовыми очевидцами и участниками военно-революционных событий, представляет собой сложное напластование личных впечатлений, коллективных, неоднократно обсуждавшихся в кругу соратников, воспоминаний, а также идеологически обусловленных суждений и выводов. Именно поэтому содержание мемуаров 1920–1930-х гг. нельзя воспринимать буквально.

Цель данного исследования – дать критическую оценку неопубликованным западносибирским мемуарам межвоенных лет о военно-революционных событиях в контексте реконструкции государственной политики памяти этого времени. Для этого предстоит установить, какие именно идеологические задачи решало государство, инициируя запись мемуаров, воспроизвести технологии и методики записи воспоминаний, а также оценить соотношение личных впечатлений мемуаристов и идеологических клише.

Источниками нашего исследования послужили мемуары 1920–1930-х гг., хранящиеся в фондах Истпартов и коллекциях Государственного архива Новосибирской области (ГАО), в Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО), в Центре документации новейшей истории Омской области и в Государственном архиве Томской области (ГАТО). Мы не ставили перед собой задачу оценить полный комплекс сохранившихся воспоминаний, поскольку уже на избранных примерах отчетливо прослеживается общая специфика этого вида источников, обусловленная единым вектором направленности политики памяти.

Мемуары разных лет имеют свои особенности. Уже в начале 1920-х гг. Истпарты инициировали сбор воспоминаний участников и очевидцев Гражданской войны о пережитых ими политических событиях. У истоков создания этой мемуаристики, по-новому направленной в социальном и тематическом смысле, стояли такие деятели Истпарта, как М.С. Осьминский и В.И. Невский. Именно им принадлежит идея акцентировать в воспоминаниях не личность мемуариста, а сами события, которые он описывает [2, с. 304]. В 1922 г. один из циркуляров комиссии Истпарта при ЦКРКП ставил цель «создать историю Октябрьской революции, действительную, не приукрашенную, не извращенную, освещенную с пролетарской точки зрения» (ЦДНИИТО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1464. Л. 88]. Характерна формулировка и еще одной программной установки: «Создать классовую пролетарскую историю Октябрьской революции и революционного движения вообще, основанную на исследованиях по методу исторического материализма» [Л. 88; Ф. П-4204. Оп. 1. Д. 27. Л. 1]. Пафос подобных акций незамысловат: власть демонстрировала способность слушать и слышать «безмолвствующее большинство», за которым официально признавалась решающая роль в истории.

Реализация этих задач предполагала запись воспоминаний на основе анкетирования и бесед. Агитаторы губкомов рассылали письма участникам Гражданской войны, содержавшие просьбу подключиться к реализации этого проекта. К письмам прилагался примерный перечень вопросов. Прежде всего, авторами мемуаров, отложившихся позже в архивах, стали подпольщики, красноармейцы и партизаны. Так зазвучали «голоса из народа». Мемуары первой половины 1920-х гг. представлены рукописями («самозаписями»), а также печатными расшифровками исходных рукописных текстов.

Очевидно, что расшифровки искажали содержание «исходников» вносимыми правками. Авторы этих воспоминаний руководствовались установкой излагать, прежде всего, запомнившиеся им факты и свидетельствовать о героизме павших борцов с «колчаковщиной». Оценки и рассуждения практически исключались. К тому же, стоит учесть, что мно-

гие из мемуаристов 1920-х гг., в отличие от мемуаристов из среды дореволюционной интеллигенции, были малограмотными людьми, не умевшими пространно излагать мысли в письменной форме. Это отразилось на качестве текстов, которые обычно отличает краткость и отсутствие фиксации рефлексии (мемуары омичей А.Ф. Ильина, Э. Шенберг и др.) (Ф. П-19. Оп. 1. Д. 335 и др.). По рукописям видно, что их авторам было трудно и непривычно писать. Однако данные источники все-таки отражают авторскую позицию и индивидуальность, хотя и не всегда внятно. В 1925 г. сотрудники томского Истпарта обратились с просьбой к тринадцати революционерам, проживавшим в их городе, написать воспоминания. Мемуаристам был предложен четкий план, который включал вопросы о местах событий, ключевых датах, роли автора воспоминаний в изложенных событиях. Потенциальным мемуаристам задавались вопросы о Февральской и Октябрьской революции, об организации коллективов ячеек большевиков, о работе этих ячеек, о возникновении советов и их ликвидации в 1918 г., об антиправительственных стачках, о восстаниях кулаков, о контрреволюции, о подполье при Колчаке и о подвигах товарищей. Отмечалось, что уже собранный Истпартом материал недостаточен для официального освещения событий в печати. От мемуаристов требовалось «писать кратко, без лишних комментариев и правдиво» (Ф. П-4. Оп. 1. Д. 434. Л. 29–30). В итоге такой жесткой диктовки правил записи воспоминаний появлялись практически шаблонные тексты, однотипно освещавшие события. Эти тексты преимущественно посвящены установлению советской власти в Сибири, чехословацкому мятежу, арестам совдеповцев, деятельности подпольщиков, антиколчаковским городским восстаниям, «колчаковским зверствам», времени, проведенному в застенках колчаковской контрразведки, отступлению армии Колчака, восстановлению советской власти.

С середины 1920-х гг. сотрудники Истпарта неоднократно устраивали встречи (вечера) «старых большевиков» и участников Гражданской войны с целью совместного обсуждения пережитого в «годы героической борьбы». Эти встречи были приурочены к юбилейным датам. Их необходимость

была вызвана потребностью в новом материале о местных военно-революционных событиях, которые регулярно освещались в печати, на митингах и в музейных репрезентациях. Примером такого вечера может послужить расшифровка стенограммы беседы омских большевиков о забастовке железнодорожников, устроенной в феврале 1907 г. (Ф. П-19. Оп. 1. Д. 367). Собравшиеся революционеры и подпольщики (С.П. Молотовников, Ф.Г. Виноградов и др.) спорили о фактах, вспоминали детали событий, предлагали различные оценки происходившего. Однако со временем расшифровки стенограмм подобных встреч перестали отражать свободный диалог, они наполнялись оценками и выводами, строго соответствовавшими государственной идеологии. Показательно, что в архивах тех лет отложились мемуары лишь тех людей, чьи заслуги были официально признаны властью. Поэтому данные тексты лишь фрагментарно отражают коллективную память сибиряков о недавнем кровавом прошлом. Также воспоминания записывали журналисты, заинтересованные в сборе материала для газетных публикаций в дни годовщин военно-революционных событий (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 7. Д. 33).

В конце 1920-х гг. к записи воспоминаний мемуаров на военно-политические темы присоединились музеи Западной Сибири. Музейщики опрашивали, главным образом, подпольщиков, стараясь собрать больше фактов. Мы можем говорить об их попытках применения методов «устной истории». Однако не всегда работа над записью воспоминаний доводилась до конца. К примеру, в ЦХДГО сохранились конспекты записей беседы сотрудницы музея К.Н. Юхневич со «старыми большевиками», которые не были расшифрованы, отредактированы и напечатаны (ЦДНИИТО. Ф. П-4204. Оп. 1. Д. 27). В конце 1920-х – 1930-е гг. бывшие подпольщики, уже зарекомендовавшие себя как хорошие рассказчики, неоднократно составляли новые тексты воспоминаний. Многие из них предназначались для публикации в газетах. Эти тексты кратко сообщали сведения о павших героях и отдельных эпизодах Гражданской войны. На рубеже десятилетий подобные заметки еще не содержали цитирования лозунгов,

тенденциозных выводов и обобщений, отражали именно личное участие автора в событиях.

Мемуары 1930-х гг., посвященные военно-революционным событиям, отличаются однозначностью оценок, подчиненных идеологии. Как правило, они представляют собой отредактированные и отпечатанные тексты. Некоторые из них написаны в художественной манере. Таковы мемуары Г.И. Шамшина о подпольщице Дусе Ковальчук, написанные в годы третьей пятилетки (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 652). Художественная манера подачи материала объясняется ориентиром на потенциального читателя, на которого эти тексты должны были оказывать воспитательное и политико-просветительское воздействие.

Думается, что у современных исследователей нет оснований отказывать авторам этих воспоминаний в искренности. Вместе с тем, эти тексты далеки от объективности. Очевидно, что смысл создания «заказных», официальных мемуаров понимался утилитарно даже самими рассказчиками и их составление всецело подчинялось государственной политике памяти. Поэтому субъективное восприятие личностью исторических событий и эмоции авторов в этих текстах притуплены, слабо выражены. Очевидно и то, что эти тексты, как и любые мемуарные источники, отражают личностные характеристики и историческую память сообществ на момент их написания, а не во время описанных событий. Поэтому доминантой в рассказе о Гражданской войне может быть похвала гению Сталина. Достоверность изложенных фактов не всегда вызывает доверие, однако «забывчивость» и преувеличения имеют определенный смысл, обусловленный, как правило, идеологически. Эти мемуары ценны как источник изучения ментальности, особенностей формирования исторической памяти, идентичности поколений и социально-политических групп. Они отражают понимание человеком той эпохи собственной роли и роли его окружения в военно-революционных событиях.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что воспоминания революционеров и подпольщиков, написанные в 1920–1930-х гг., создавались под контролем и при участии агитаторов, а не

профессиональных историков. Именно поэтому, сообщение через воспоминания достоверных сведений не являлось основной задачей. Агитатору был важен не человек с его переживаниями, а «правильное» и детальное описание событий. Именно поэтому воспоминания редко фиксируют чувства, за исключением «правильных эмоций»: ненависти к врагу, скорби по павшим героям и т. п. Многие из воспоминаний, ныне хранящихся в сибирских архивах, использовались журналистами, газетчиками и пропагандистами. Приводимые в них сведения широко тиражировались и существенно влияли на формирование исторической памяти общества, источником которой являются, помимо личных и коллективных воспоминаний и произведений искусства, публицистические тексты.

Литература

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2004.
2. Источниковедение новейшей истории России. Теория, методология и практика: Учебник / под. ред. А.К. Соколова. М.: Высш. шк., 2004.

*О.В. Каньшикова
Новосибирск*

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ЗАПСИБКРАЙИСПОЛКОМА О МАССОВОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ ТРУДПОСЕЛЕНЦЕВ В 1935–1936 гг.

В изучении истории советского периода особую роль играют массовые источники, что связано не только с ощутимым увеличением их количества, но и с развитием исторической науки в целом. Последняя все больше стремится к полноценному изучению общественных процессов прошлого, а не к исследованию отдельных фактов, непосредственно отраженных в источниках. В отечественной исторической науке сформировалось два основных подхода к проблеме ха-

рактера массовых источников. Согласно точке зрения Б.Г. Литвака массовым источникам присущи следующие признаки: 1) ординарность обстоятельств происхождения; 2) однородность, аналогичность или повторяемость содержания; 3) «однотипность формы, тяготеющая к стандартизации»; наличие относительно единого формуляра [1, с. 7]. Б.Г. Литвак уделяет большое внимание обстоятельствам происхождения источников, содержанию информации, закладываемой в момент их создания. И.Д. Ковальченко предлагает при определении понятия «массовые источники», прежде всего, учитывать то, какие общественные явления они отражают. Он приходит к выводу, что массовые источники характеризуют такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами, они отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, их строение, свойства и состояние [2, с. 6]. При этом позиция Б.Г. Литвака связана с пониманием основной причины введения термина «массовый источник», заключающейся в возникновении нового вида источников, который требовал включения в традиционную видовую схему классификации. Однако категория «массовых источников» не является отдельным видом исторических источников. Она отчасти возникла как показатель возможности большинства источников относиться к ней и применения к данной категории количественных и математических методов.

Ярким примером массовых источников является дело-производственная документация Запкрайисполкома, которая была сформирована в связи с осуществлением массовой кампании восстановления в гражданских (избирательных) правах трудпоселенцев (так с 1933 г. стали именоваться спецпереселенцы). Однако данное восстановление нельзя считать реабилитацией в полной мере, так как оно не давало право свободного выезда из спец/трудпоселков, т. е. ссыльные крестьяне оставались частью «спецконтингента». Кампания квазиправовой реабилитации, которая осуществлялась региональными (краевыми, областными) органами достигла наивысшего масштаба летом 1936 г., в канун принятия новой

советской Конституции. Однако часть документов датируется и 1935 г. Данный источниковый массив (всего 143 дела) (ГАНО. Ф. 47. Оп. 3. Д. 2429–2570; Оп. 1. Д. 2162) представлен пофамильными списками спецпереселенцев, восстановленных в избирательных правах. В них, как правило, содержится относительно краткая и формальная информация: ФИО, возраст, место прошлого проживания до высылки, год высылки, семейное положение, место проживания в ссылке, работа и должность. Более детальная информация представлена в меньшем количестве документов – в них указаны непосредственно основания для восстановления (характеристика профессиональной, общественно-просветительской деятельности, политической лояльности, экономического положения).

Методика работы с массовыми источниками имеет свою специфику. Естественно, создать единую систему изучения всех их видов невозможно, потому что каждый имеет свои особенности кодирования информации, пределы информативности. В данном случае она представляет собой единство качественных и количественных методов и делится на три основных этапа. На первом, качественном, этапе работы используется метод формализации, сущностью которого является изучение самых разнообразных объектов путем отображения их содержания и структуры в знаковой форме. Второй, количественный, этап работы подразумевает применение метода измерения. Он заключается в выражении информации об отношениях между объектами исследования (их свойствами, связями, тенденциями изменения) в численных показателях. На третьем, качественном, этапе работы интерпретируются полученные ранее результаты.

Рассмотрим основные этапы анализа изучаемой делопроизводственной документации Запсибкрайисполкома.

Источниковедческий анализ документов. Первый этап подразумевает установление обстоятельств происхождения, датировки, авторства, основы формуляра и прочих характеристик источника.

Составление первичной системы формализации. Сущность данного этапа заключается в формировании первона-

чального, чернового варианта системы. Для этого в источниках выделяются показатели и категории, которые максимально полно характеризуют объект исследования.

Первичная формализация источников. Данный этап заключается в переработке содержащейся в них информации, которая вносится в единую базу данных, составленную по определенному формуляру с целью стандартизации источников. База данных представляет собой таблицу, отражающую основные факторы, способствовавшие восстановлению в гражданских правах. В процессе формализации вносятся некоторые изменения в первоначальный вариант системы формализации. На этом этапе производится уточнение информации данной в источниках по специальным справочным изданиям (например, исправления неточностей в географических названиях, изменения в составе семьи (смерти, побегах) и т. д.).

Разработка критериев для ранжирования факторов, способствовавших восстановлению в избирательных правах. Они подразделяются на две основные группы. К первой относятся показатели, для анализа которых не требуется вырабатывать критерии оценки (например, место предыдущего проживания, возраст, год высылки, место работы и должность). Для ранжирования этих факторов достаточно использовать метод элементарной группировки. Вторая группа показателей формируется на основе информации, представленной в более подробных документальных формулярах (характеристика профессиональной, общественно-просветительской деятельности, политической лояльности, экономического положения). Измерение каждого показателя второй группы нуждается в создании собственной системы оценок, для чего каждый из критериев подразделяется на составные части (от полного несоответствия установленному критерию до максимального ему соответствия). Всего нами устанавливалось от пяти до семи градаций каждого признака.

Измерение имеющихся данных. Каждый из полученных критериев-показателей переводится в баллы, после чего производится подсчет численности каждой из установленных ранее категорий обеих групп. В итоге конструируется некий «идеальный тип» спецпереселенца, подлежавшего восста-

новлению в гражданских правах, с высшими признаками, «средний тип» и «минимально достаточный». Кроме того, высчитывается средний возраст, распространенная профессия, устанавливается общая география предыдущих мест проживания спецпереселенцев до высылки и т. д. Таким образом, выявляется наиболее распространенный тип спецпереселенца, который подвергался восстановлению в избирательных правах. Измерение имеющихся данных ведется на трех основных уровнях: 1) участковая комендатура; 2) несколько комендатур одного географического района (например, Нарымский округ и Кузбасс); 3) все комендатуры. Это позволяет выявлять общее и особенное для контингента восстановленных в правах применительно к каждой комендатуре. Так, больше всего различия проявляются в сфере занятости трудпоселенцев: в комендатурах Нарымского округа наибольшее количество человек занято в сельском хозяйстве, в комендатурах Кузбасса – в сфере обеспечения угольной промышленности (преимущественно работа в шахтах и отчасти на лесозаготовках).

Интерпретация полученных результатов, соотнесение их с конкретной исторической проблематикой. Так, итоговые данные об «идеальном типе» трудпоселенца, о критериях, соответствие которым считалось государственной властью достаточным условием для восстановления в гражданских правах, являются основой для разработки общей проблемы социальной адаптации спецпереселенцев. Досрочное восстановление в правах выступало индикатором успешной с точки зрения власти адаптации ссыльных крестьян к условиям спецпоселения. Соответственно, данная методика позволяет изучить один из видов поведенческой реакции трудпоселенцев, направленной на сотрудничество с властью, принятие новых условий жизни и желание к ним адаптироваться.

Использование такого рода методик, как описанная выше, имеет очевидные перспективы в ходе дальнейшего развития исторической науки в работе с массовыми источниками. Эти методики позволяют из достаточно формализованного источника, которым является делопроизводственная документация Запсибкрайисполкома, получить максимально

возможную информацию о социальных процессах, происшедших в обществе, а также их взаимосвязях друг с другом. Методики такого рода эффективны в случаях, когда необходимо выявить количественную меру социальных процессов и явлений, оценить масштабы, уровни развития, степень сходства и различия, тесноту взаимосвязи и взаимовлияния тех или иных факторов при изучении характера взаимодействия власти и ссыльного крестьянства в середине 1930-х гг.

Литература

1. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979.
2. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979.

*Р.Е. Романов
Новосибирск*

ДОКУМЕНТЫ СИБИРСКИХ АРХИВОВ В ЗЕРКАЛЕ МЕЖДИЦИПЛИНАРНОСТИ: НОВЫЕ ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

В начале XXI в. одной из актуальных проблем развития отечественной исторической науки, в т. ч. сибиреведения, является качественное обновление методологии современных исследований. Речь идет о теоретико-методологическом синтезе социальных и гуманитарных наук, существенно повышающим информационный потенциал источников, в т. ч. введенных в научный оборот. Синергетический эффект междисциплинарности мотивирует исследователя к постановке новых и более сложных вопросов, прежде всего к разнообразным архивным материалам и творческому поиску ответов на них. В частности, в центре внимания автора находится комплекс документов сибирских архивов (в первую очередь Государственный архив Новосибирской области), дающих относительно полное представление об истории оборонной промышленности азиатской России в годы Великой Отече-

ственной войны. Этот массив источников, рассекреченных в 1990-е гг., за последние два десятилетия был широко использован ведущими специалистами по данной тематике при подготовке серии монографий [1–6], кандидатских и докторских диссертаций [7–10]. Однако подобные работы выполнены, как правило, в жанре традиционного историописания, повествующего о создании и развитии оборонно-промышленного комплекса сибирского тыла в различных территориальных рамках (от Новосибирской области до Сибири в целом). Эмпиричность таких исследований была вызвана необходимостью накопления, анализа и обобщения большого объема качественно новых документальных материалов с помощью общенаучных и специально-исторических методов. В связи с этим на сегодняшний день проблема применения междисциплинарного подхода к выявлению информационного потенциала источников по истории сибирской «оборонки» военного времени приобретает особую актуальность.

Прежде чем перейти к выяснению познавательных возможностей, которые дают данные источники в рамках дисциплинарного (традиционного) и междисциплинарного исследований, следует охарактеризовать их видовую классификацию. Основной комплекс документов сибирских архивов по интересующей нас проблематике подразделяется на следующие виды:

1. Нормативные акты – постановления и решения крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов партии, исполкомов советов, совместные постановления партийных комитетов и исполкомов советов, обеспечивавшие реализацию директив ГКО, ЦК ВКП(б) и СНК СССР по созданию и развитию военно-промышленного производства на региональном и местном уровне;

2. Делопроизводственные документы – деловая переписка, распорядительные, отчетные, информационные, протокольные документы краевых, областных, городских, районных комитетов партии, комсомола и профсоюзов, исполкомов советов, партбюро, комсомольских и профсоюзных комитетов, администраций предприятий, содержащие основ-

ную массу разнообразных сведений о становлении и работе военных заводов и их трудовых коллективов;

3. Статистические документы – материалы областных управлений по статистике, крайкомов, обкомов и горкомов ВКП(б), исполкомов советов, заводов, отражающие основной массив цифровых данных о производственном и кадровом потенциале оборонных предприятий;

4. Материалы периодической печати – газетные публикации, в которых содержалась ограниченная цензурой информация о работе военных заводов и их трудовых коллективов.

В совокупности данная источниковая база позволяет исследователям рассмотреть самые разнообразные сюжеты истории оборонной индустрии Сибири в годы войны. При этом итоги научного поиска зависят от вопросов, поставленных ими к приведенному выше документальному массиву. В целом авторы опубликованных к настоящему времени монографических и диссертационных исследований по рассматриваемой теме сосредоточили внимание на изучении следующих ее проблем: создание в Сибири основ оборонной промышленности накануне войны; реорганизация управления ведущими отраслями военной экономики; массовая эвакуация и размещение в регионе предприятий военно-промышленных наркоматов; организация материально-технической базы, развертывание и развитие крупного производства вооружения и боеприпасов; формирование и производственная деятельность трудовых коллективов; материально-бытовое положение работников военных заводов.

В результате сибирским историкам удалось детально проанализировать такие аспекты становления и функционирования отраслей регионального оборонпрома как: строительство и ввод в строй первых предприятий в предвоенные годы; руководство оборонной промышленностью со стороны областных и краевых партийных комитетов; перебазирование в Сибирь оборудования, персонала и восстановление мощностей эвакуированных заводов; налаживание топливно-энергетической и технологической базы производства; наращивание выпуска продукции для фронта; комплектование и подготовка рабочих и инженерно-технических кадров; разви-

тие сложившихся и новых форм соцсоревнования; заработная плата, жилищно-бытовое и продовольственное обеспечение трудящихся. Данные ответы на поставленные к источникам вопросы свидетельствуют о том, что методология дисциплинарного исследования дает возможности лишь для изучения исторического опыта развития оборонной промышленности Сибири в годы войны, уже ставшего одним из традиционных сюжетов современной региональной историографии.

Переход к междисциплинарным исследованиям создает перспективы для открытия принципиально новых страниц истории военной экономики сибирского тыла. Например, сочетание общенаучных и специально-исторических методов с теоретическими положениями экономической науки ориентирует историка при работе с рассматриваемым комплексом документов на поиск и выявление факторов трудовой мотивации производственного персонала оборонных предприятий. В частности, имеются ввиду характерные для советского государства первой половины 1940-х гг. способы вознаграждения, побуждения и принуждения [11], выступавших в качестве стимулов к труду. Ответы на эти вопросы дают представление о развитии стимулирующих систем денежной оплаты (сдельная, прогрессивная и премиальная), нормированного снабжения (например, прогрессивная система дополнительного питания) и социально-бытового обслуживания (первоочередное предоставление различных услуг стахановцам); информационно-пропагандистских технологий побуждения к интенсивной работе (например, различные приемы наглядной агитации); системы наказаний за нарушения производственной дисциплины (уголовные, дисциплинарные и материальные санкции). В целом речь идет о выявлении мало изученной в отечественной историографии совокупности широко распространенных практик материального и морального стимулирования, применявшихся в условиях военного времени и на оборонных предприятиях Сибири.

Соединение традиционного методологического инструментария с теоретическими положениями социологической науки позволяет обратить внимание и на другой неисследованный аспект истории сибирской «оборонки» – социально-

профессиональную мобильность его производственного персонала в контексте советского «сословно-слоевого» общества [12]. В данном случае возникает вопрос об основных направлениях служебного продвижения рабочих и специалистов. Рассматриваемый массив документальных материалов содержит информацию о перемещениях тружеников по профессиональной, квалификационной, должностной и социально-статусной лестницам, существовавших в отраслях военпрома. Она дает возможность реконструировать картину вертикальной восходящей (из рабочих в ИТР, из рядовых рабочих в стахановцы и т.п.) и нисходящей (из ИТР в рабочие, из законопослушных рабочих в «дезертиры» и т. д.), а также горизонтальной (сохранение прежнего статуса) мобильности производственных кадров. Благодаря этому можно показать их многовекторное движение внутри и между различными категориями и группами «рабочего класса», представлявшего отдельную «сословно-слоевую» общность. Следовательно, применение междисциплинарного подхода позволяет выйти на изучение универсальных экономических и социальных процессов, получивших специфическое преломление в развитии трудовых коллективов оборонных заводов Сибири в годы войны.

Таким образом, анализ документов по истории сибирской военной индустрии на методологическом стыке социальных и гуманитарных наук существенно повышает познавательные возможности исследователей и побуждает их к изучению новых тем в рамках уже сложившегося научного направления.

Литература

1. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005.
2. Савицкий И.М., Романов Р.Е. Рабочие, инженеры и техники оборонной промышленности Западной Сибири – фронту (1941–1945). Новосибирск, 2014.
3. Шевченко В.Н. Создание оборонной промышленности Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Красноярск, 2005.

4. Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008.
5. Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области. Новосибирск, 2000.
6. Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004.
7. Пахомова Н.В. Оборонная промышленность Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (на материалах Красноярского края и Иркутской области): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007.
8. Пузевич Н.И. Военная перестройка промышленности Восточной Сибири 1939–1943 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Братск, 2004.
9. Шевченко В.Н. Оборонная промышленность Сибири в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2011.
10. Шумилов В.Н. Становление и развитие военно-промышленного комплекса в Западной Сибири, 1929–1945 гг.: на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской области: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.
11. Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: Некоторые предварительные суждения // СОЦИС. 2000. С. 208–212.
12. См.: Шкаратан О.И. Социология неравенства: теория и реальность. М., 2012. С. 290–294.

*О.Н. Калинина
Новосибирск*

ЛИЧНЫЕ И ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДЕЛА ПАРТИЙНО- СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Произошедшее со второй половины 1990-х гг. расширение источниковой базы отечественной исторической науки, а также наметившийся среди исследователей рост интереса к историко-биографическим исследованиям [1; 2], изучению прошлого с позиций историко-антропологического

подхода, способствовали введению исследователями в научный оборот новых групп массовых источников, в т. ч. документов, содержащих персональные данные. К их числу относятся хранящиеся в фондах бывших партийных архивов огромные комплексы личных и персональных дел партийно-советской номенклатуры. Несмотря на то, что доступ к ним по сей день, сопряжен с определенными трудностями, очевидно, что информативный потенциал и возможности данной группы источников весьма значительны и требуют специального анализа и научной критики.

В данной публикации предметом изучения стали личные и персональные дела партийно-советской номенклатуры (тех коммунистов, которые занимали руководящие и ответственные посты в партийных, советских институтах власти регионального и местного уровней). Информативная ценность данных видов источников связана с тем, что персональные и личные дела характеризуют не только личные качества номенклатурных работников, но и проливают свет на многие стороны жизнедеятельности институтов власти в их взаимодействии с другими слоями и группами советского общества. Как правило, это хорошо сохранившиеся, поддающиеся формализационной обработке документы, поскольку представленная в них информация являлась однотипной и излагалась в строго определенном порядке.

Существует несколько видов персонализированных дел: личные дела по приему в партию, личные дела по учету руководящих кадров, персональные дела, дела по добровольному выходу из партии, учетные карточки. Каждой разновидности дел присущ свой определенный набор документов, состав которых строго регламентировался инструкциями ЦК партии. В данной публикации рассматриваются личные дела по учету кадров партийно-советской номенклатуры Западной Сибири (середина 1940-х – первая половина 1960-х гг.). По своей структуре личные дела схожи с персональными, но тем не менее, между ними имеются существенные различия. Как в персональном, так и в личном деле по учету номенклатурных работников, содержатся биографическая информация, сведения об основных этапах жизненного пути работников и

т. д. Но в отличие от персонального, личное дело заводилось на работника в отделе кадров по месту работы ответственных работников (партийных, советских, хозяйственных и пр. руководителей), входивших в номенклатуру разного уровня (обкома, горкома, райкома). В нем фиксировались все сведения о работнике с момента поступления на работу в соответствующую организацию. По отношению к личному делу персональное дело является своего рода обширно документированной справкой на соответствующего работника, совершившего тот или иной «проступок».

Вместе с тем, личные дела – это группа документов, имеющая самостоятельное источниковое значение, так как содержащиеся в них сведения больше нигде не дублируются. Это также довольно емкий источник информации, который позволяет сквозь сухие и скучные факты увидеть конкретного действующего работника, проследить его судьбу, осветить многие стороны жизни изучаемой социально-профессиональной корпорации. В личных делах содержатся: личные листки по учету кадров, автобиографии, «справки-объективки», составляемые при каждом представлении на новую должность, заявления, характеристики, приказы, выписки из протоколов пленумов, заседаний бюро партийных комитетов об утверждении в должности и освобождении от нее. В них указывались должность, возраст (дата рождения), социальное происхождение, государственные награды, образование (место получения и специальность), сведения о предыдущих местах работы с указанием должностей, в том числе командировки и прочее, сведения о семейном положении (информация о супруге, даты рождения детей). Помимо анкетных данных в личных делах также отражались качественные показатели трудовой деятельности работника, отзывы коллег, мотивы выдвижения или причины увольнения работника.

Информативная значимость личных дел может быть весьма высока, но она напрямую зависела от подходов к их составлению, практиковавшихся в соответствующих отделах кадров, от того, как составлялись характеристики, отзывы и справки. В целом анализируя личное дело можно составить

достаточно разностороннее представление о человеке, об этапах и особенностях его продвижения по служебной лестнице, а также выявить формализованную информацию о социальном положении, возрасте, об образовании и этапах должностной карьеры, о политических и моральных качествах работников. Однако, к сожалению, личные дела не позволяют проследить судьбу работника после смены работы и не всегда доступны для исследователей, что, несомненно, затрудняет анализ данной группы источников.

Другим не менее важнейшим массовым источником являются персональные дела – специфический вид документов, образовавшихся и отложившихся в процессе деятельности партии и ее организаций. Персональные дела заводились на лиц, нарушивших партийную дисциплину, скомпрометировавших себя или совершивших различного рода проступки и преступления по различным причинам (политическим, уголовным, морально-бытовым и др.). Персональное дело включало в себя следующие документы: 1) заявление, письмо, сообщение о проступке коммуниста; 2) документы, подтверждающие предъявленное коммунисту обвинение; 3) материалы партийного расследования; 4) письменное объяснение коммуниста по предъявленному обвинению; 5) развернутая объективная характеристика коммуниста; 6) выписки из протоколов собраний и бюро парторганов, партколлегий о принятом решении.

Персональные дела содержатся в материалах фондов первичных парторганизаций. Часть персонализированных документов отражена в протоколах заседаний райкомов, горкомов, обкомов КПСС, Комитете (Комиссии) партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС и т. д. В частности, нами анализировались 229 персональных дел номенклатурных работников, подвергшихся партпроверке в 1946–1954 гг. и частично за 1956 г., хранящихся в фонде Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б)–КПСС Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 350–604). Особенностью персональных дел как источника, является то, что они содержат биографические данные номенклатурных работников различных регионов, что позволя-

ет на этой источниковой основе получить сведения в целом об отечественной номенклатуре указанного периода.

Персональное дело состоит из нескольких блоков, содержащих следующие сведения: когда дело поступило в КПК; кто присутствовал при рассмотрении; анкетные данные (фамилия, имя, отчество, год рождения, социальная принадлежность, национальность, год вступления в партию, перемены в стаже, образование, семейное положение, место работы и должность, наличие наград); сведения о жизненном пути; профессиональная и личностная характеристика, как с места прежней работы, так и с места последней работы; сведения о присуждении наград; описание основных фактов, «проступков» коммуниста, по которым он привлекался к ответственности; информацию следственных и других органов; наличие ходатайства от соответствующего партийного комитета, решение по делу с формулировкой вины коммуниста.

Следует согласиться с классификацией персональных дел в зависимости от причины их возникновения, которую дал петербургский историк А.З. Ваксер. Все дела им условно разделены на три группы: 1) дела, связанные с проступками коммунистов; 2) апелляции на ранее принятые решения; 3) реабилитационные дела [3, с. 93]. Рассматриваемые в данной публикации персональные дела, содержащиеся в материалах КПК, относятся ко второй из названных, апелляционной группе. Апелляции рассматривались в КПК в случае, когда коммунист не был согласен с решением о наложении на него партвысказания (выговор, строгий выговор с занесением в личное дело коммуниста или исключение из партии) со стороны соответствующего партийного комитета, или в случае его несогласия с принятым ранее решением КПК. Апелляции в свою очередь подразделялись на первичные, вторичные и т. д., по количеству подач в КПК.

Апелляции – это достаточно сложная по информации и оценке ее содержания группа дел. Следует отметить, что все они могут быть подвергнуты, во-первых, информационно-аналитическому анализу, а во-вторых, математической или статистической обработке, что позволяет по-разному оценить их информативную ценность. В своей совокупности, извле-

ченные таким путем сведения, проливают свет на различные аспекты и деятельность властных, контрольных, следственных структур, характеризуют морально-нравственный и социально-профессиональный облик номенклатуры. Исследователю предоставляется возможность увидеть механизм работы контрольно-репрессивной системы, идеологическое обоснование тех или иных чисток. Здесь зафиксированы не только факты отторжения системой неподходящих руководителей и применяемые для этого в разные периоды формы и методы, но и общественно-политическая ситуация в стране в целом. Обвинение товарищей по партии во «вредительстве», «двурушничестве», «пособничестве врагам», основанные зачастую на необоснованных подозрениях, или в целях расправы с политическими оппонентами, а не на фактах – прямые показатели царивших отношений в партии и обществе.

Между тем, используя персональные дела, следует критически относиться к информации, содержащейся в них, поскольку она бывает достаточно тенденциозной. Как и любой исторический источник, личные и персональные дела несут на себе отпечаток времени, что отразилось не только на их содержании, но и на форме, языке, делопроизводственном оформлении. Так при работе с апелляционными делами следует учитывать то, что рассматривались они, по своей сути, контрольно-репрессивным органом партии – КПК при ЦК ВКП(б)–КПСС: информация в них подается в «нужном» ракурсе, и в соответствии с идеологическими и другими установками и требованиями. Другая проблема заключается в сложности статистической обработки данных материалов, так как многие дела зачастую содержат в себе сразу несколько формулировок проступков работников. Некорректная обработка данных, может привести к искажению источника и соответственно, необъективности результатов.

Проведенный выше анализ показывает, что личные и персональные дела содержат ценнейшую информацию, позволяющую выявить различные аспекты деятельности должностных лиц, находившихся на разных ступенях управленческой иерархии советской политической системы. Данные источники могут быть использованы как основа для моделиро-

вания социально-профессионального портрета региональной и местной партийно-советской номенклатуры, а также при анализе проблем кадровой политики и исследовании процессов трансформации системы управления в СССР, в том числе на региональном и местном уровнях.

Литература

1. Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 491 с.
2. Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкомов. 1934–1991: Библиогр. справ. Екатеринбург, 2003. 286 с.
3. Ваксер А.З. Персональные дела членов КПСС как исторический источник // Отеч. история. 1992. № 5. С. 91–104.

*И.С. Кузнецов
Новосибирск*

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРХИВОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СО АН СССР / РАН

Развернувшееся в настоящее время радикальное реформирование РАН активизировало интерес не только к ее современному состоянию, но и к истории этого сообщества. В ходе современных острых дискуссий о перспективах Академии высказываются различные, нередко полярно противоположные оценки. Сторонники радикальной трансформации РАН говорят о ее неререформируемости, неэффективности, бюрократизме и консерватизме. Согласно данной интерпретации, такого рода явления имеют глубокие исторические корни, в той или иной мере были присущи этой структуре и в предшествующие годы. В свою очередь, противники реформы подчеркивают позитивные стороны РАН и ее заслуги в решении стоявших перед страной экономических и оборонных задач. В такой трактовке современные острые проблемы отечественной науки объясняются прежде всего недостаточной государственной

поддержкой, а не внутренним состоянием академического сообщества. Соответственно, в целом РАН оценивается в качестве эффективной структуры, требующей, в сущности, лишь «косметического ремонта».

Объективная оценка современной ситуации требует соответствующей исторической характеристики предшествующих этапов развития АН СССР/РАН. При этом весьма продуктивно посмотреть на историю Академии наук в «позднесоветский» период через призму развития ее Сибирского отделения. Такой подход особенно актуален с учетом того, что в настоящее время СО РАН позиционирует себя как наиболее успешный кластер отечественной науки и наиболее активно критикует начавшуюся реформу.

В свою очередь, адекватная интерпретация истории АН СССР / РАН и ее Сибирского отделения в немалой степени определяется полнотой информационной базы, прежде всего кругом неопубликованных архивных источников. В имеющихся трудах по истории академической науки Сибири прослеживаются определенные диспропорции в использовании различных документов такого рода. Чаще всего привлекаются материалы научно-организационных структур, содержащиеся в Архиве РАН (АРАН) и Научном архиве СО РАН (НАСО). Между тем, весьма важно и более полное использование информационного потенциала, сконцентрированного в документации руководящих партийных органов. Это особенно существенно с учетом того, что КПСС контролировала все общественные процессы. В частности, объектом особенно пристального внимания являлась ситуация в научном сообществе, в том числе в его региональном сегменте.

В некоторых документах партийных органов находили отражение сложные процессы, трудности и противоречия в развитии СО АН, ряд из которых, как оказалось, имел долговременный характер и стал предвестием последующих кризисных явлений в научно-образовательном комплексе. Одной из первых попыток такого рода анализа может быть призвана докладная записка отдела науки и учебных заведений Новосибирского обкома КПСС от 20 мая 1969 г. «О текучести

кадров в СО АН СССР» (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 69. Д. 127. Л. 1–7).

Данный текст характеризуется разносторонним анализом ситуации в региональном академическом сообществе и взвешенным подходом к его проблемам. Возможно, это объясняется персональным фактором: названный отдел обкома, подготовивший рассматриваемый документ, в тот момент возглавлял М.П. Чемоданов. Являясь профессиональным партийным работником, он вместе с тем был неразрывно связан с Академгородком, исчерпывающе представлял его проблемы и многое сделал для их решения [1, с. 69–100]. В 1959–1962 гг. М.П. Чемоданов являлся первым секретарем Советского райкома КПСС, а с 1969 по 1975 г. был заместителем председателя СО АН по производственным и техническим вопросам.

В названном документе отмечалось, что целый ряд проблем, в том числе диспропорции в социальном развитии новосибирского Академгородка, способствовал усиленной миграции сотрудников СО АН в европейскую часть страны. В связи с этим делался вывод: «У отдельных ученых не могут не порождаться настроения известной бесперспективности роста в Сибири, и их взоры устремляются на запад, где рынок труда в сфере науки по существу безграничен». Под «западом» здесь подразумевались центральные регионы СССР, однако вместе с тем очевидно, что здесь прослеживаются определенные корни современного болезненного феномена – «утечки мозгов» в зарубежные страны.

Следует отметить, что использование документов партийных органов для изучения истории регионального научного сообщества порой сопряжено с известными трудностями. Особенно это касается исследования ряда аспектов социально-политического развития новосибирского Академгородка. Определенные проблемы порождает распространившаяся в настоящее время практика «конвертирования» документов: соответствующие архивные дела исследователям выдаются, однако часть их материалов закрыта решением «межведомственной комиссии». Речь идет прежде всего о так

называемых «персональных делах», в ходе которых партийные органы разбирали те или иные проступки коммунистов.

Наиболее характерным примером такого рода являются документы, связанные с наиболее крупным оппозиционным выступлением в истории СО АН – «письмом сорока шести» (1968 г.). Как известно, шестеро участников этой акции являлись членами КПСС. Их «персональные дела» рассматривались на заседании бюро Советского райкома КПСС 16 апреля 1968 г., в результате чего трое были исключены из партии (ГАНУ. Ф. П-269. Оп. 7. Д. 9. Л. 134–135). Соответствующие разделы протокола данного заседания «законвертированы». Такова же участь ряда последующих «персональных дел» по поводу снятия партийных взысканий с этих «подписантов». По непонятным причинам, «законвертированы» также некоторые материалы партийных бюро и собраний по поводу «письма сорока шести», в том числе и ряд из них, где разбирались беспартийные «подписанты», – т. е. это не «персональные дела».

Можно еще в какой-то мере признать обоснованность такого рода ограничений, когда речь идет о тех или иных неблагоприятных поступках членов КПСС (пьянство, адюльтер, коррупция и т. п.). Но какова логика в засекречивании дел политического характера? Получается, что люди пострадали дважды: когда-то их подвергли преследованиям, а теперь мы не можем сказать ничего конкретного о ходе соответствующих разбирательств. Между тем закрытость такого рода «персональных дел» внушает подозрения, что быть может, «бунтари» каялись, называли «сообщников» и т. п. (такое, как известно, случалось).

При изучении истории регионального академического сообщества, более широко, в сравнении с документами партийных органов, используются материалы научно-организационных структур, где также имеются значительные информационные резервы. Например, до сих пор недостаточно введены в научный оборот стенограммы заседаний Президиума СО АН СССР, находящиеся соответствующем фонде НАСО. Даже в наиболее содержательных монографиях по истории Сибирского отделения АН СССР / РАН при

обращении к информационным ресурсам названного архива в большей мере привлекается директивно-распорядительная и отчетная документация. Недостаточное использование стенограмм Президиума Сибирского отделения, возможно, связано с позицией сотрудников НАСО, которые препятствуют работе исследователей с этими документами.

Между тем, адекватное использование данного документального комплекса весьма существенно для изучения тех проблем, которые возникали в региональном научном сообществе. Это определяется информационным потенциалом названного комплекса материалов. Дело в том, что участники заседаний Президиума АН СССР имели высокий статус (как правило, они являлись академиками, директорами НИИ) и соответственно были максимально информированы о положении дел. Заседания носили сугубо конфиденциальный характер: о них, как правило, не сообщалось в СМИ, а стенограммы не публиковались. Данные обстоятельства способствовали относительной откровенности суждений. С этой точки зрения данные источники существенно отличаются как от различных публичных речей и статей руководителей СО АН, так и официальных отчетов, адресованных вышестоящим органам.

Одним из характерных примеров такого рода обсуждения с постановкой острых вопросов может быть заседание Президиума СО АН от 10 апреля 1973 г. Выступивший на заседании М.А. Лаврентьев, в частности, следующим образом охарактеризовал ситуацию в региональном академическом сообществе: «Если брать 10 или 15 лет существования Академгородка, то все обернулось наоборот. Пятнадцать лет назад институты были старьем, которое не пускало молодежь, и большое количество молодых людей не имело возможности устроиться. Это был самый крупный козырь при организации Сибирского отделения: мы имели возможность взять сильных людей <...> Сейчас ситуация обернулась наоборот: Москва дико строится, получить квартиру там ничего не стоит, кадров нет, любой, сколько-нибудь квалифицированный человек может легко устроиться в Черноголовке, Дубне <...> У нас увеличилась утечка, и будет она прогрес-

сивно увеличиваться, потому что там строят, – мы не строим, там много денег – у нас их мало...» (НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 905. Л. 209–212).

В целом ситуация, нашедшая отражение в процитированных документах, весьма далека от благостной картины, представленной в мемуарах М.А. Лаврентьева (они, как известно, начали публиковаться в журнале ЭКО в 1979 г.). Данный пример еще раз убеждает в необходимости более полного использования информационного потенциала архивов для объективной реконструкции истории СО АН СССР / РАН.

Литература

1. Чемоданов М.П. Остаюсь коммунистом. М.: Б/и, 2010. 406 с.

*А.В. Бельков
Кемерово*

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИКИ
ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ КУЗБАССА

Исследование демографической истории субъектов РФ и России в целом в последние десятилетия стало одним из приоритетных направлений развития отечественной исторической науки. Еще в середине 1980-х гг. сибирскими учеными были подготовлены два крупных историко-демографических исследования, в которых анализируются изменения численности и состава горожан Сибири в условиях осуществления индустриализации, а также населения Сибири в годы Великой Отечественной войны [1; 2]. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. большой вклад в изучение городского населения Сибири был внесен В.А. Исуповым, подготовившим ряд работ, в том числе монографию [3]. В 1989 г. в рамках программы «Исторический

опыт освоения Сибири» в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР была проведена всесоюзная конференция, посвященная историческому опыту социально-демографического развития Сибири [4]. Кроме того, многие аспекты демографической истории Сибири XX в. нашел отражение в обобщающих трудах Н.Я. Гущина и его школы [5].

Институтом российской истории РАН разработана долгосрочная научная программа по изучению населения России XX в. В рамках этой программы подготовлен ряд работ, в том числе, исторические очерки «Население России в XX веке», выполненные в 3 томах [6].

В настоящее время исследование истории населения и развития отдельных демографических процессов продолжается в ряде научных центров. В Москве под руководством А.Г. Вишневого успешно функционирует созданный в 2007 г. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Центр изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН, руководителем которого является В.Б. Жиромская. Ведущим академическим центром изучения населения в Сибирском федеральном округе является возглавляемый В.А. Исуповым сектор историко-демографических исследований Института истории СО РАН.

Систематическая научная разработка демографических процессов в Кузбассе началась в конце 1990-х гг. Появились первые диссертационные исследования по проблемам населения региона. И.Ю. Усков рассмотрел формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. [7], Т.А. Реховская – население Кузбасса в 1960–1980-е гг. XX в. [8]. В начале XXI в. под руководством К.А. Заболотской в Кузбассе сформировалась научная школа, занимающаяся исследованием демографической истории региона.

Одним из обстоятельств, существенно осложняющих ретроспективный анализ демографической информации, является тот факт, что территория Кузбасса выделилась в самостоятельную административную единицу – Кемеровскую область – только в январе 1943 г. В предшествующий период

(начиная с Всероссийской демографической переписи 1920 г.), входя в состав Томской губернии (1920 – май 1925 г.), Сибирского края (май 1925 – июль 1930 г.), Западно-Сибирского края (июль 1930 – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (сентябрь 1937 – январь 1943 г.), Кузбасс не всегда был представлен в аналитической и статистической документации «отдельной строкой».

Формирование и развитие населения той или иной территории является результатом воздействия двух демографических процессов: естественного воспроизводства и миграции. Вместе с тем урбанизация, сопровождающаяся увеличением численности и удельного веса городского населения региона, в ряде случаев обусловлена изменением административно-территориального устройства и присвоением статуса городского сельским населенным пунктам.

При изучении динамики численности и состава населения предпочтение традиционно отдается статистическим источникам. К основной демографической статистике относятся переписи населения, различающиеся методологией, территориальным охватом и уровнем достоверности. Важные сведения о развитии населения Кузбасса содержатся в материалах текущей статистики населения. Их регулярная публикация началась лишь в середине 1990-х гг. При этом значительная часть данных по-прежнему хранится в фондах областного статуправления и городских статинспектур в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО). Часть из них долгое время имела гриф «секретно» или «для служебного пользования».

Сведения, характеризующие развитие населения и специфику его учета, находятся в делопроизводственных документах статистических органов, хранящихся в фондах ГАКО. Отчеты, аналитические записки, переписка и другие материалы содержат информацию о численности, естественном и механическом движении населения Кузбасса, а также ряд уточнений и пояснений, представляющих интерес для исследователей.

В октябре 1925 г. при Кузнецком окрисполкоме образовано Кузнецкое окружное статистическое бюро, в состав которого входили секции демографии, труда и статистики,

промышленности, социальной статистики. В январе 1928 г. окрстатбюро переименовано в Кузнецкий окружной статистический отдел, который прекратил свою деятельность в 1930 г. с упразднением Кузнецкого округа. В фонде Р-7 хранятся статистические сведения и отчеты о количестве сельского и городского населения, о составе населения по социальному происхождению; статистические материалы о естественном движении населения по г. Кемерово и Кузнецкому округу.

Ценные сведения о составе, динамике численности, естественном и механическом движении, изменении брачно-семейных отношений и смертности населения Кузбасса содержат статистические документы отдела статистики культуры, населения и здравоохранения фонда Р-304, которые следует разделить на три группы: 1) отчетно-статистические; 2) информационно-аналитические; 3) переписка с вышестоящими органами и подведомственными организациями. Указанные документы относятся к 1939–1979 гг.

Работа со статистическими материалами периода Великой Отечественной войны имеет свою специфику, обусловленную появлением такого нетрадиционного канала пополнения населения, как эвакуация. Выявление всей информации по эвакуированному населению, находящейся в фондах ГАКО, показывает, что «учет эвакуированного населения на местах велся крайне неудовлетворительно», а составленные списки эвакуированных сохранились не в полном объеме [9, с. 6–8].

В целом информационный и научный потенциал статистических документов, содержащихся в фондах ГАКО, позволяет провести всесторонний анализ основных демографических процессов, происходивших на территории Кузбасса. Их использование в качестве дополнительных данных может компенсировать неполноту официальных публикаций итогов переписей населения, фиксирующих демографические события на определенный «критический момент». При этом архивные документы текущей демографической статистики имеют исключительное значение, так как в советский период систематическая публикация статистических сведений о раз-

витии населения отельных регионов отсутствовала. Вместе с тем, углублению источниковедческого анализа демографических процессов на территории Кузбасса до 1943 г. может способствовать расширение источниковой базы за счет возможностей центральных российских архивов, а также архивов Новосибирской и Томской областей.

Литература

1. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986.
2. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984.
3. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск: Наука, 1991.
4. Исторический опыт социально-демографического развития Сибири : Тезисы докл. и сообщ. Всесоюзн. науч. конф. Новосибирск, 1989. Вып. II.
5. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997.
6. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. М.: РОССПЭН, 2000–2011.
7. Усков И.Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. : Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000.
8. Реховская Т.А. Население Кузбасса в 60–80-е гг. XX века : Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998.
9. Ермолаев А.Н. Эвакуация населения в Кемеровскую область (указатель архивных материалов). Кемерово, 2002.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В АРХИВНОЙ СФЕРЕ

Т.Г. Мальцева, Д.А. Полякова
Барнаул

250 ЛЕТ СО ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Один из старейших архивов Сибири берет свое начало от 13 декабря 1765 г., когда было принято решение о перемещении документов архива Канцелярии Колывано-Воскресенского начальства и «надлежащем» их хранении в доме покойного к тому времени первого начальника Колывано-Воскресенских заводов Андреаса Венедиктовича Беэра. Самыми ранними архивными документами являются копияные материалы комиссии А.В. Беэра (1744), принимавшей от Демидовых владения по указу Елизаветы от 1 мая 1747 г.

В доношении секретаря Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства Василия Пастухова о необходимости сохранения созданных документов (с резолюцией Канцелярии по данному вопросу), датированном 13 декабря 1765 г., говорилось: «С начала здешней Канцелярии горного начальства <...> документов имеется немало, и от времени до времени всегда умножается, а для полагания оных особливого архива не имеется, и за не имением оного полагается те дела в имеющиеся при оной Канцелярии шкафы, которые уже почти все оными наполнены. <...> По определению здешней Канцелярии, учиненному мая 19 дня сего года, между прочаго велено: до надлежащаго строения архивы для содержания ревизованных книг, счетов и прочих канцелярских оконченных дел, изыскать безопасное и постороннее для всякаго случая место ис прежнего строения. <...> Того ради Канцелярии горного начальства сим докладывается, не изволит ли она, для вышепрописанных резонов к полаганию упомянутых дел, определить сделать в удобном

месте, где заблагодарасудится, пристойной величины архив каменной. Декабря 13 дня 1765 года. В должности секретаря коллежской протоколест Василей Пастухов».

Далее следует резолюция: «При слушании сего признано – до строения настоящего архива имеющиеся в Канцелярии писменные дела, собранные в столпах прошлых лет, содержать в доме том, где покойной господин генерал-майор Беэр жил. К чему подлежащей покой выбрать и в оной, шкафы ис Канцелярии перенеся, поставить, и дела в оные положить, запечатать, и тот покой за замком содержать» (сохранены стилистические и орфографические особенности XVIII в.) (ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 391. Л. 396–396 об.).

Не следует думать, что только в 1765 г. начальство заводов обратило внимание на сохранность документов, отложившихся в процессе работы. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства была образована по указу императрицы Елизаветы 1 мая 1747 г. Естественно, что с этого времени начинается делопроизводство. Первые упоминания о хранящихся бумагах имеются в документе от 14 ноября 1747 г. Это предложение генерал-майора Андреаса Венедиктовича Беэра в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства о надлежащем хранении копий именных указов ее императорского величества и др. документов в Канцелярии, тогда как подлинники «имеются у меня под сохранением» (Д. 1. Л. 60). В 1750 г. А.В. Беэром было сделано предложение в Канцелярию Колывано-Воскресенского начальства об оформлении первой описи и порядке хранения документов архива Канцелярии. Он предлагал хранящиеся и запечатанные в Канцелярии документы по «распечатать и описать, как порядок требует», так как они (документы) и впоследствии «потребны будут» для дальнейшей работы (Д. 96. Л. 1–1 об.). Таким образом, именно Беэр стоял у истоков организации и систематизации первых документов, которые легли впоследствии в основу архива.

В именном указе Елизаветы Петровны бригадиру Беэру от 1 мая 1747 г. о взятии предприятий Демидова на государво имя в пункте восьмом, в частности, предписывалось: «...Ис приказных служителей – в бухгалтеры одного, кто

явится годен, канцеляриста одного, подканцеляристов двух, копеистов четырех, писарей двух. <...> С Тульских оружейных заводов канцеляриста Василья Щербакова взять с собою, которого написать секретарем» (Д. 1. Л. 67 об. – 68). Как видим, уже здесь были расставлены акценты, в дальнейшем позволившие воспитать целую плеяду первоклассных специалистов – секретарей, писарей, копиистов, подканцеляристов, канцеляристов, одним словом, тех, благодаря кому мы сегодня имеем возможность изучать самые ранние документы государственного архива Алтайского края. Среди них были Василий Пастухов, Ксенофонт Голубцов, Василий Буянов.

В выписке из журнала Колыванской горной экспедиции от 24 сентября 1785 г. есть упоминание об еще одном архивном специалисте: «Не может ли Канцелярия Горного начальства от имени господина начальствующего над заводами сообщать требовать из наличных в оной приказных служителей уделить к укомплектованию ревизжского повытья, а по известности архива бывшего при оной еще по бывшей Канцелярии Горного начальства к приисканию дел потребных к разным справкам, состоящего ныне в палате канцеляриста Максима Лебеткина» (Ф. 169. Оп. 1. Д. 194. Л. 71 об.). Судьба архивариуса Горной экспедиции Максима Лебеткина сложилась удачно, ему было назначено жалованье в сто двадцать рублей в год. Но, еще более важным являлось то, что начальником Колывано-Воскресенских заводов (а им в этот период был Гавриил Симонович Качка), уделялось особое внимание ведению и упорядочению делопроизводства не только главной Канцелярии, но и заводских контор, выделению штатных единиц для этой работы (Л. 74–86).

Все, поступающие на «государеву службу», в присутствии священника приносили клятву императорскому величеству служить верно и нелицемерно и во всем повиноваться. Сохранилось клятвенное обещание Алексея Борисова императрице Екатерине Алексеевне и цесаревичу Павлу Петровичу, при произведении его из копиистов в подканцеляристы в 1780 г. Борисов обещал «крепко хранить на вверенной и положенной на мне чин как по сей определенной и от времени до времени ея императорскаго величества именем определя-

емым инструкциям и регламентам и указам надлежащим образом по совести своей исправлять» (Д. 40. Л. 354–354 об.). В формулярных списках горных офицеров Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства за 1801 г. Василий Венедиктович Борисов значится в должности архивариуса (Ф. 1. Оп. 2. Д. 387. Л. 196 об. – 197).

В ведомости, прилагаемой к рапорту от 26 октября 1817 г., поданному Барнаульской заводской конторой начальнику Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролову, об имуществе и казенном строении Барнаульского завода, указывалось каменное здание двухэтажной канцелярии, на первом этаже которой в двух комнатах располагался архив (Д. 2002. Л. 15). Также сообщалось, что при всех наиболее важных учреждениях (лазарете, стеклянном и кожевенном заводе и др.) «шнуровые книги и прочие тетради содержатся в надлежащем порядке и со всею исправностию» (Л. 779).

В XIX–XX вв. архивы формировались при каждом ведомственном и государственном учреждении. На Алтае наиболее крупные архивы существовали при управлении Алтайского округа (Горный архив), управлении землеустройства, Барнаульском городском суде, Барнаульской городской Думе, Алтайской губернской земской управе и др. Архивные фонды этих и других учреждений, сформировавшихся до 1917 г., составили основную и наиболее ценную часть государственного архива Алтайского края.

Неизгладимый след в истории главного архива края и архивного дела в регионе в целом оставил Николай Степанович Гуляев (1851–1918), сын выдающегося ученого, исследователя Алтая, изобретателя, который с 1895 по 1918 г. работал архивариусом управления Алтайского округа. Глубоко изучив архив Алтайского округа, Николай Гуляев выявил наиболее интересные документы, составил их описи и копии, некоторые из которых и сегодня составляют гордость архива (например, подлинники писем Акинфия Демидова, его вдовы Ефимии бригадиру Безру и др. (Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 83 об. – 84, 103–104 об.; Ф. 163. Оп. 1. Д. 67. Л. 6–7). Также Н.С. Гуляевым осуществлялось инспектирование архивов округа. В частности, в 1900–1902 гг. им было проведено обследование

архивных дел Салаирского края, которые после тщательного разбора были разделены на учреждения и разряды, в соответствии с чем составлены описи дел (Ф. 4. Оп. 1. Д. 175).

История государственного архива Алтайского края неразрывно связаны с историей края и страны. Все исторические события находили отражение в документах, хранящихся сегодня в архиве. В 2015 г. краевому архиву исполняется 250 лет. Это один из крупнейших архивов в Сибири. По состоянию на 1 января 2014 г. на хранении в краевом государственном учреждении «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК) находятся 6 798 фондов, 2 343 222 ед. хр. за 1744–2013 гг. Процесс комплектования, пополнения архива происходит непрерывно. Архив находится в постоянном развитии, сотрудничает с исследователями и организациями.

*Е.А. Брюханова, Н.В. Неженцева
Барнаул*

ПЕРЕПИСЬ 1897 Г. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.*

Исследования, посвященные занятости населения в прошлом, получили распространения в последнее десятилетие и сформировали отдельное направление исторической науки – историческое профессиоведение. Особенностью данного направления является использование метода классификации занятий населения, позволяющего не только систематизировать сведения о трудовой деятельности, но и реконструировать профессиональный и социальный состав и структуру региона [1, с. 7–8]. Такой подход к изучению занятости населения требует привлечения массовых и статистических источников, содержащих сведения о профессиональной деятельности, что создает целый ряд трудностей для ис-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 15-06-07553А.

следователей, работающих в области исторического профессиоведения.

Проблемы источниковой базы были обусловлены несколькими факторами. Во-первых, сбор сведений о занятиях и профессиональной деятельности жителей в конце XIX – начале XX в. только начинал входить в практику статистических обследований [2, с. 1, 13]. В большинстве массовых источников указание на занятие не являлось обязательным. Так, например, в метрических книгах доля «прямого» указания на профессию лица составляла не более 15% всех записей [3, с. 68; 4, с. 27]. Во-вторых, большой объем и громоздкость сведений требовали большой предварительной работы по созданию информационных ресурсов, позволяющих оперативно обрабатывать значительные массивы данных.

В данном контексте материалы переписей населения, в том числе Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., представляют значительный интерес для исследований в области исторического профессиоведения. Переписи населения, которых, по подсчетам А.И. Гозулова, с 1862 до 1897 г. было проведено 79 в 69 городах, стали основным источником накопления статистического материала [5, с. 64]. Вопрос о занятии населения присутствовал во многих локальных (городских) переписях рассматриваемого периода, часто даже требовалось указать: место занятия в структуре хозяйства (основное и побочное) и статус профессионального деятеля (работник, подмастерье, мастер и т. д.). Однако разработка полученных сведений о занятости населения не всегда осуществлялась или предпринималась по сокращенной программе, поскольку в ряде случаев материалы переписей были утеряны. Например, в 1895 г. в Барнауле по инициативе и с организационной и финансовой поддержкой Общества любителей исследования Алтая была проведена однодневная перепись населения, в опросном бланке которой содержался вопрос о занятии [6, с. 1–4], но данные ответов не были опубликованы, а сами материалы переписи не сохранились. Тем не менее, даже агрегированные данные переписей XIX в. содержат уникальный материал о занятиях населения, который сложно найти в других источниках.

Актуальность использования материалов переписей населения для целей изучения профессионального и социального состава и мобильности населения подтверждается международными проектами, такими как проект по созданию Международной исторической стандартной классификации занятий (HISCO) [7] и основанные на нем проекты HISCLASS (A Historical International Social Class Scheme) и HISCAM (A Historical Social Interaction and Stratification Scale). Кроме того, в европейских странах и США получили развитие проекты, направленные как на оцифровку массовых и статистических источников, так и на создание международных банков данных, содержащих персональные сведения, полученные из исторических источников. Заметное место среди них занимают переписи населения. Наиболее масштабными проектами такого рода являются NAPP (North Atlantic Population Project), IPUMS (Integrated Public Use Microdata Series), MOSAIC project. Таким образом, зарубежные ученые используют уже готовые информационные массивы исторических источников для проведения международных компаративных исследований в области демографии, этнологии, социальной и экономической истории.

В России процессы по оцифровке архивных материалов, особенно данных переписей населения, и созданию на их основе информационных массивов только набирают силу. В данном случае материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. представляют особый интерес, в т. ч. для целей изучения занятий населения. Особенностью переписи 1897 г. является наличие двух уровней данных для ряда регионов России. С одной стороны, собранные самым масштабным статистическим обследованием конца XIX – начала XX в. данные были весьма качественно обработаны по широкой программе и опубликованы по каждой губернии, уезду и городу. С другой стороны, в некоторых архивах сохранились уникальные переписные листы переписи 1897 г., отражающие персональный уровень данных. Подобные архивные материалы переписи 1897 г. в едином комплексе в России не сохранились. Более того, долгое время они считались полностью уничтоженными и до сих пор не

выявлен весь комплекс сохранившихся материалов первой и единственной переписи населения Российской империи.

Один из наиболее полных комплексов переписных листов переписи 1897 г. отложился в Государственном архиве Тюменской области в г. Тобольске (Ф. 417. Оп. 2). Стоит отметить успешную и весьма ценную работу архива г. Тобольска по оцифровке всего комплекса архивных материалов переписи 1897 г. [8], в рамках проекта по созданию региональной системы Электронного архива Тюменской области [9]. Агрегированные результаты переписи 1897 г. были оцифрованы научными библиотеками и размещены на их сайтах и специализированных порталах.

Несмотря на огромную работу по переводу статистических источников в электронный вид, для проведения научных исследований зачастую этого оказывается недостаточно, так как оцифровка не решает проблему обработки больших числовых массивов. В связи с этим возникает необходимость создания баз данных и информационных систем. С целью изучения занятий населения в контексте исследований в области исторического профессиоведения на историческом факультете Алтайского государственного университета были созданы две базы данных по материалам всеобщей переписи 1897 г.:

1) База данных «Население Тобольска в 1897 г.» включает всех жителей, имевших какое-либо указание на профессиональную деятельность или социальный статус. Всего в базу данных были внесены сведения о 10 203 лицах, имеющих данные об основном (10 124 чел.) или побочном занятии (1 563 чел., из которых 79 чел. указали только побочное занятие). Выборка базы данных составила 50 % от общего числа жителей и 92,5 % населения, имеющего самостоятельные занятия (Ф. 417. Оп. 2. Д. 1–38).

2) База данных «Профессии и занятия населения Российской Империи конце XIX – начала XX в.» включает данные по 59 губерниям (560 уездам и 670 городам) Европейской России и Сибири по следующим показателям: численность групп и видов деятельности, количество занятых мужчин, женщин, а также дополнительные характеристики про-

фессиональных групп такие, как возраст, народности, побочные занятия (для лиц, занятых сельским или кочевым хозяйством, рыболовством, охотой) и грамотность для отдельной профессиональной категории – рабочих. На основе базы данных была создана и опубликована в сети интернет информационная система (<http://hcod.asu.ru>), отражающая информацию о занятости населения на интерактивных картах.

С целью унификации и обеспечения сравнимости агрегированных и персональных данных все сведения переписи 1897 г. о занятиях населения были закодированы в международную классификацию HISCO (Historical International Standard Classification of Occupation) [7].

Использование двух уровней данных первой всеобщей переписи 1897 г. при изучении занятости населения открывает перед исследователями широкие возможности, такие исследование специфики занятости отдельных социальных групп (сословий), межпоколенная профессиональная мобильность (по линии отец–сын), влияние совместного проживания на профессиональный выбор, а также определение типов занятости рассматриваемого региона.

Литература

1. Брюханова Е.А., Владимиров В.Н. К истории классификации профессий // Историческое профессиоведение: профессия, карьера, социальная мобильность. Барнаул, 2012. С. 7–25.
2. Швиттау Г.Г. Профессии и занятия населения. Опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики. СПб., 1909.
3. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.
4. Дьячков В.Л., Канищев В.В. Профессиональная идентификация городских жителей в XIX – начале XXв. (по материалам метрических книг и исповедных ведомостей церковей городов Тамбова, Козлова и Моршанска) // Историческое профессиоведение: профессия, карьера, социальная мобильность. Барнаул, 2012. С. 26–35.
5. Гозулов А.И. Переписи населения земного шара. М. 1970.

6. Швецов С.П. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1898. Т. 2, вып. 1–2.

7. Leeuwen M.H.D. van, Maas I., Miles A. HISCO. Historical International Standard Classification of Occupations. Leuven Univ. Press, 2002.

8. Путеводитель по фондам архива и автоматизированные тематические комплексы по документам архива (АИС ЭЛАР-Архив) [Эл. ресурс]. URL: <http://109.233.229.20:83/Default.aspx?ReturnUrl=%2f>

9. Управление по делам архивов Тюменской области [Электронный ресурс]. URL: <http://archiv.72to.ru/index.php/ga-tobolsk/tobolsk-ob-archiv>

*Ю.А. Орешкова
Абакан*

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СОСТАВ, ФУНКЦИИ

Использование ретроспективной информации становится особенно актуальным в современных условиях глобализации. Потребность в регистрации демографического события и учете всего населения представляется необходимым для культовых и государственных нужд, а затем для регулирования частноправовых отношений. Такие документные системы возникали в свое время во всех государствах и несли огромный информационный потенциал для изучения многих фундаментальных проблем человечества общества, а для генеалогии имеют первостепенное значение.

Национальный архив Республики Хакасия (НА РХ) составляет историко-документальное наследие региона. При этом его особо ценные дореволюционные фонды являются одним из самых важных и наименее изученных пластов культурных ценностей не только Хакасии, но и России в целом.

К числу дореволюционных фондов архива, согласно государственному учету, относятся 26 фондов с литерой «И». Среди них фонды органов ЗАГС (метрические книги), Степных дум, инородных управ, церквей, волостных и сельских

правлений и другие. Всего в 26 фондах насчитывается 2 463 ед. хр., что составляет менее 1 % всего архивного фонда. При этом сохранившиеся документы дореволюционных фондов являются главным документальным историческим первоисточником изучения истории и культуры Хакасии XIX – начала XX в.

Метрические книги – это совокупность хронологических записей о рождении, браке, смерти. В дореволюционной России их вели священнослужители в каждом приходе на протяжении более трех столетий. Как документы, свидетельствовавшие о правах гражданского состояния, они в то же время выполняли функции регулярного статистического учета населения Российской империи.

Метрические книги являются разновидностью приходских регистров – источника, имеющего интернациональный характер. Вместе со сменяющими их актами гражданского состояния, эти книги представляют единую документную систему персонального учета населения. Основное отличие метрических книг – конфессиональность, т. е. избирательная регистрация, например, только православного населения, которое составляло в 1719 г. 86 % от всего населения России, в 1846 и 1858 гг. – 85 % [1, с. 107].

В метрических книгах регистрировалось совершение культового акта, которое приобретает значение юридического факта посредством записи его приходским священником. Эти книги имеют длительный период правовой активности: их информация запрашивается в целях регулирования частноправовых отношений в течение более ста лет.

Метрические книги велись по приходам и позволяли получить информацию не только по приходу, но и по населенному пункту, который мог иметь несколько приходов. Архивные фонды Национального архива «И-28», «И-29» содержат метрические книги следующих церквей, расположенных на территории Хакасии:

- Таштыпская Христорождественская;
- Аскизская Петропавловская;
- Новомарьясовская Троицкая;
- Сонская Михайло-Архангельская;

- Усть-Фыркальская Николаевская;
- Чебаковская Покровская церковь;
- Батеневская Богородицкая;
- Петропавловская церковь с. Усть-Ербинского;
- Бейская Покровская;
- Андреевская походная церковь Веселого прииска;
- Усть-Есинская Евдокиевская;
- Сабинская Петропавловская;
- Усть-Абаканская Николаевская;
- Белоярская Николаевская;
- Верхне-Кужебарская;
- Синявинская Богоявленная.

Метрические книги ГКУ РХ «Национальный архив» охватывают период с 1856 по 1912 г. Разные годы отражены с различной полнотой: менее полно – период с середины до конца XIX в., более полно – с конца XIX до начала XX в.

История формирования метрического учета началась с XVII в., когда практика ведения метрических книг в Российской империи получила первое законодательное оформление в решениях Большого собора в 1666–1667 гг. [2, с. 461–462].

Первым светским узаконением метрических книг был указ, изданный Петром I от 14 апреля 1702 г., по которому все приходские священники Москвы должны были подавать в Патриарший Духовный приказ ведомости о количестве родившихся и умерших. Повсеместно метрические книги в Российской империи были введены в мае 1722 г. Однако исправно священниками они стали вестись и заполняться не сразу. В результате после 1722 г. последовала серия указов Синода о правильном ведении метрических книг и наблюдении за этим: Указ Синода 1724 г., который впервые ввел графические формы метрических книг; Указ Синода 1779 г. «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях»; Указ Синода 1802 г. «О содержании в предписанном порядке метрических книг», по которому запрещалось хранение метрик в домах священников.

Следовательно, именно с указов Петра I метрические книги распространились в Российской империи повсеместно

и просуществовали вплоть до 1917 г., когда их заменили акты гражданского состояния.

Согласно Указу Синода 1779 г. «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях» стало обязательным ведение книг в двух экземплярах. Один из экземпляров хранился в церкви, а другой – в консистории, где книги из разных церквей сшивались в погодные дела. Метрические книги фиксировали демографические (рождение, брак, смерть) и религиозные (крещение, венчание, отпевание) события. Они состояли из трех частей.

Соответственно, по рекомендациям «Духовного регламента» метрическая книга делилась на три части: «О родившихся», «О бракосочетавшихся» и «Об умерших», каждая из которых имеет свои особенности:

Часть 1 «О родившихся». В первой колонке этой части метрической книги регистрировались число и месяц крещения, во второй – порядковый номер отдельно для детей женского и мужского пола. В третьей колонке содержалась собственно метрическая запись, где сообщалось о месте рождения, социальном статусе, имени и фамилии отца, поле ребенка, имени, данном ему при крещении, о социальной принадлежности, именах и фамилиях восприемников (крестных родителей) ребенка, например:

Феоктиста – рождена 29 января 1910 г, крещена 30 января 1910 г.

Сведения о родителях:

Деревни Копьевой крестьянин Михаил Сергеев Семенов и законная его жена Наталия Деонисова, оба православного вероисповедания (так в документе).

Сведения о восприемниках:

Деревни Копьевой крестьянин Ананий Денисов Обедин и той же деревни крестьянская жена Наталия Матвеева Пушкарева (Ф. И-28. Оп. 1. Д. 123. Л. 287).

Завершалась часть «О родившихся» точным подсчетом общего количества окрещенных за год отдельно мужского и женского пола и скреплялась подписью священника.

Часть 2 «О бракосочетавшихся» также делилась на три графы. В первой и второй отмечались дата и порядковый но-

мер совершения таинства. Третья графа являлась основной и содержала сведения о месте жительства, именах, фамилиях и социальном статусе жениха и невесты, а также о том, каким по счету является этот брак для жениха:

Крестьянин Енисейской губернии Ачинского уезда Шарыповской волости и села Дмитрий незаконнорожденный Машков православного вероисповедания, первым браком.

Крестьянская дочь девица Тобольской губернии Ишимского уезда, Малышенской волости и села Дарья Павлова Долина православного вероисповедания (Д. 25. Л. 3).

Часть 3 «Об умерших» представляет собой таблицу из пяти столбцов. В первых двух столбцах указывались дата погребения, порядковый номер записи. Третий содержал запись о месте жительства, имени, фамилии и социальном положении умершего. В четвертом указывался возраст, а в пятом – причина смерти, сопровождавшаяся записью:

Иноходец Басагарского рода Евсиний Нефодиев Арыпкаев.

Дата смерти – 10 декабря 1909 г., дата погребения – 14 декабря 1909 г.

От чего умер – от старости (Ф. И-29. Оп. 1. Д. 138. Л. 273).

Причина смерти устанавливалась самим священником со слов родственников умершего. Поэтому запись о ней носила самый общий характер, например, «натуральною смертью», «от чахотки», «от воспаления легких» и др.

Метрические книги различных церквей существенно различаются по качеству заполнения установленного формуляра. Большинство священников, конечно, старались максимально точно следовать предписаниям и вносить в метрические записи максимум необходимой информации. Однако некоторые из них в силу низкой грамотности или халатности ограничивались весьма краткими сообщениями.

Несмотря на недостаточную полноту сведений, метрические книги являются ценнейшим источником сведений для изучения истории Хакасии XIX – начала XX в.

В российской исторической науке исследования метрических книг имеют достаточно широкий спектр теоретических парадигм. Например, исследователи Д.Н. Антонов и И.А. Антонова разделили содержание метрических книг на

две части: статистическую и номинативную [3]. В статистической части можно выявить число демографических событий за год или период в определенной губернии, сравнить количественные показатели рождений и смертей, показать численность православного населения и другую статистическую информацию. Номинативная часть также представляет интерес для исследователя. Помимо имени и фамилии человека, с которым происходило то или иное событие, можно узнать информацию о его вероисповедании (например, нередко встречаются записи, где указано лютеранское вероисповедание), о месте жительства, социальном статусе и роде занятий. Подобную информацию можно было получить и о родственниках, записи о которых также вносились в метрические книги в предусмотренных для них графах. В третьей части метрических книг «Об умерших» указывалась причина смерти, что позволяет исследователям проанализировать распространенность определенных заболеваний на территории отдельного прихода или населенного пункта, также оценить степень грамотности причта, делающего запись в книге.

В настоящее время метрические книги воспринимаются многими современниками по преимуществу как источник генеалогической информации, по которой можно составлять родословную семьи. Однако документы церковно-приходского учета можно использовать при изучении разных аспектов историко-культурной действительности дореволюционной Хакасии, включая особенности демографических процессов и семейно-брачных отношений у ее жителей в XIX – начале XX в. Ценность метрических книг для изучения истории народонаселения заключается в том, что они представляют собой погодные записи о рождениях, браках и смертях среди населения конкретного прихода, то есть отражают его естественное движение. При этом архивные документы церковного учета остаются одной из наименее изученных и актуальных проблем источниковедения истории Хакасии.

Литература

1. Миронов Б.Н. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. XX. С. 107.
2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1855. Т. 5. С. 461–462.
3. Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII – начала XX в. М., Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 385 с.

*И.Д. Ваулин
Екатеринбург*

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Научно-технический прогресс никогда не стоит на месте и, продолжая активно развиваться, проникает во все сферы общественной жизни. Архивная служба не стала исключением. Работа по использованию архивных документов тесно связана с информационными технологиями, которые постоянно претерпевают изменения, становятся более мобильными, удобными, способными охватить большую аудиторию. Для того чтобы максимально приблизиться к пониманию положения архивного документа в информационной среде, стоит определиться с некоторой терминологией.

Информационная среда – совокупность технических и программных средств хранения, обработки и передачи информации, а также социально-экономических и культурных условий реализации процессов информатизации¹.

Информатизация – направленный процесс системной интеграции компьютерных средств, информационных и коммуникационных технологий с целью получения новых общесистем-

¹ Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 17.12.2014).

ных свойств, позволяющих более эффективно организовать продуктивную деятельность человека, группы, социума¹.

Информационные технологии – это совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, объединенных в технологическую цепочку, обеспечивающую сбор, обработку, хранение, передачу и отображение информации².

Формы использования архивных документов Государственного архива административных органов Свердловской области (далее – ГААОСО): исполнение социально-правовых, тематических запросов; обеспечение доступа к архивным документам и справочно-поисковым средствам к ним в читальном зале; публикация архивных документов; экспонирование архивных документов; проведение информационных и научно-практических мероприятий с использованием архивных документов.

В контексте развития информационных технологий и информационной среды в целом большую роль при исполнении социально-правовых и тематических запросов играет автоматизированный научно-справочный аппарат.

База данных «Картотека военнопленных» создана по фильтрационно-трофейным материалам (далее – ФТМ), в основе которых положена информация о проверке личности советских граждан, находившихся в плену во времена Великой Отечественной войны: Ф.И.О., дата, место рождения, место прохождения воинской службы, место взятия в плен, а также территория, на которой содержался военнопленный.

«База данных архивно-следственных дел» (картотека реабилитированных), которая позволяет оперативно проводить поиск по фамилии, имени, отчеству, месту рождения, жительства, работы, этническому принципу среди осужденных жителей Свердловской области в 1920–1960-х гг. по ст. 58 УК РСФСР.

¹ Wikipedia свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 17.12.2014).

² Информационные технологии [Электронный ресурс]. URL: <http://technologies.su/> (дата обращения: 17.12.2014).

Базы данных существенно сокращают и облегчают работу при исполнении запросов, поступающих в архив в отношении военнопленных и репрессированных лиц, позволяют проводить статистическую выборку по определению количественного состава репрессированных различных половозрастных групп, конфессий, разнообразного этнического и социального происхождения.

В соответствии со ст. 25, п. 3 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 №125-ФЗ и Приказом Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ «Об утверждении Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел» от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 порядок доступа к ФТМ и архивно-следственным делам имеет свои особенности: срок ограничения доступа равен 75 годам.

В рамках использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним в контексте развития информационного общества все большую роль начинает играть сайты архивных учреждений. Сайт ГААОСО содержит классический контент: информацию об архивном учреждении (истории архива, организационной структуре, составе фондов, местонахождения, режиме работы и т. д.), а также выступает в качестве основного источника самопрезентации. В рамках самопрезентации архива в формате удаленного доступа на официальном сайте ГААОСО еженедельно выкладываются новости о деятельности архива и его сотрудников в профессиональной и общественной жизни. Для иностранных посетителей на сайте размещен англоязычный перевод основных разделов сайта. В целях демонстрации деятельности архива на сайте размещены фотогалерея, видеогалерея, электронные выставки архивных документов.

На сайте можно подчеркнуть всю необходимую информацию о порядке предоставления государственных услуг в сфере архивного дела. Для удобства пользователей архивной информацией на сайте архива предусмотрены электронные

(Online) варианты оформления запросов по интересующей пользователя тематике. Таким образом, осуществляется прием запросов граждан в режиме удаленного доступа. Кроме того, на сайте архива по желанию пользователя можно заполнить опросный лист мониторинга качества предоставляемых услуг, что позволяет пользователю архивной информацией оценить работу архива. В дополнение к этому важно отметить, что на сайте архива размещен бланк заявки на выдачу дел, что позволяет в режиме удаленного доступа оформить и направить по электронной почте заявку на работу с документами в читальном зале архива.

Одним из ресурсов для получения архивной информации является наличие удаленного доступа к системе «Электронный архив Свердловской области», Автоматизированная информационная система (далее – АИС) предназначена для работы с архивными описями государственных архивов Свердловской области, в т. ч. для поиска и просмотра описей дел, а в перспективе и электронных копий архивных документов. Архивные описи, внесенные в АИС, представлены в отдельных разделах для каждого из семи госархивов. Каждый раздел представляет собой рубрику, позволяющий систематизировать электронные информационные ресурсы, хранящиеся в АИС¹.

ГААОСО старается активно использовать ИТ-технологии в своей деятельности, однако, дальнейшее развитие сопряжено с целым комплексом проблем, характерных для активной службы в целом:

1. Отсутствие законодательно-нормативных документов, регламентирующих порядок размещения архивных данных в сети Интернет. В действующей нормативной базе: Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10. 2004 № 125-ФЗ, Областной закон «Об архивном деле в Свердловской области» от 25.03.2005 № 5-ОЗ, «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных

¹ Архивы Свердловской области. [Официальный сайт]. URL: <http://www.uralarchives.ru> (дата обращения: 17.12.2014).

архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» (М., 2007) (далее Правила). Отсутствуют сведения, регламентирующие порядок размещения архивных документов в сети Интернет.

2. Оцифровка документов для их размещения на сайте. Оцифровка архивных документов является необходимым шагом в рамках подготовки архивных документов к экспонированию посредством электронных выставок и созданию «Электронного архива». Возможность создавать копии документов непосредственно в архивном учреждении позволит архиву стать наиболее самостоятельной единицей в этом направлении деятельности, а также ускорит сам процесс, который требует значительных финансовых затрат на приобретение технического оборудования, комплектующих, необходимого программного обеспечения и обучение специалистов по оцифровке. Особенно остро встает проблема недостатка квалифицированных специалистов, владеющих навыками по размещению архивных документов в сети «Интернет», созданию и ведению АИС. В перспективе развития данного направления возможно создание специализированного отдела, занимающегося вопросами подготовки и размещения архивных документов в сети. Необходимо определить стандарты качества и формата копий, электронных копий документов, публикуемых в сети.

3. Порядок размещения электронных копий архивных документов в сети «Интернет». В соответствии с Правилами: архивная копия – дословно воспроизводящая текст архивного документа копия, с указанием архивного шифра и номеров листов единицы хранения, заверенная в установленном порядке¹ [5]. Таким образом, остается открытым вопрос способов и форм заверения электронных копий архивных документов и их дальнейшего использования.

4. Порядок доступа к архивным документам. Создавая возможность доступа к архивным документам, необходимо

¹ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. М., 2007. С. 104.

учитывать ограничения, установленные законодательством Российской Федерации, и условия, которые установили собственники или владельцы архивных документов при их передаче в архив, а также решить вопрос возможности скачивания документов пользователями (возможно, сделать это дополнительной платной услугой).

Несмотря на все сложности, которые вызывает размещение архивных документов в сети Интернет, имеется ряд весомых преимуществ в их использовании:

– обеспечение удаленного доступа к архивным документам. Пользователи не будут зависеть от рабочего расписания архива и дальних расстояний;

– снижение необходимости обращения к подлинникам архивных документов, что крайне важно для обеспечения их сохранности;

– создание и использование тематических баз данных сократит время поиска информации о содержании архивных фондов.

Вышеперечисленные положительные стороны внедрения информационных технологий в деятельность архива являются крайне значимыми, способными принести немало практической пользы в упрощении работы по прямым направлениям деятельности архивных учреждений, как непосредственно работникам архивов, так и пользователям документов, полностью исключая затруднения, связанные с использованием оригиналов источников.

С.А. Кондрашова

р. п. Сузун Новосибирской области

3D ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК НОВЫЙ СПОСОБ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Сохранение истории для последующих поколений – глобальная «вечная» задача. Представление исторического наследия в новых, более интересных и понятных для совре-

менных пользователей информации формах – это требование сегодняшнего дня.

В 2014 г. Сузунский район отмечал 90 лет со дня образования. В календаре районных памятных событий особой скорбью отмечен 1919 г. – Гражданская война на Сузунской земле, когда от рук белогвардейских карателей погибло большое количество жителей наших сел. В память о них в 12 населенных пунктах Сузунского района, воздвигнуты памятники, четыре из которых имеют статус памятников истории регионального значения. Большинство обелисков поставлены на братских могилах, расположенных на местах расправ.

Посмотреть эти памятники за один день не представляется возможным!

Так родилась идея представить небольшую часть исторического наследия Сузунского района в виде виртуального 3D тура «Памятники павшим в годы Гражданской войны» (<http://www.suzun-spr.ru>). Проект позволяет совершить экскурсию к памятным достопримечательным местам Сузунского района, находясь у себя дома, сидя у компьютера. Представленные с помощью новейших интерактивных технологий районные достопримечательности позволяют неограниченному количеству пользователей всемирной сети интернет познакомиться с историей района, а затем совершить личное путешествие в Сузунский район.

Виртуальная 3D модель – новая технология представления архивного документа. Она фиксирует и сохраняет качественно больший объем информации об объекте, чем текстовое описание, фото- и киносъемка – в результате (и это самое главное!) мы получаем целую информационную систему, очень удобную в использовании. Формат 3D документа дает более полную информацию о внешнем виде объекта, чем набор фотографий. Более того, и это немаловажно, 3D документ позволяет пользователю самостоятельно исследовать объект: рассматривать 3D модель в разных ракурсах, менять параметры отображения, изучать связанную с визуальным образом дополнительную информацию, выбирать необходимость музыкальной поддержки.

Картой съемки стал Сузунский район, точками перехода – 12 сел района, в которых расположены объекты съемки – сами памятники с фамилиями и фотографиями павших. Внутренняя часть каждой панорамы содержит вкладки: «История памятника», «Список павших», «Архивные документы».

История памятника включает подтвержденную архивными документами легенду расправы над теми, кто боролся за советскую власть или сочувствовал ей, фотографию памятника. Всего представлено 10 архивных фотоснимков памятников, из них один снимок 1957 г., девять – 1969 г. (Отдел архива администрации Сузунского района. Ф. 1-ф. Оп. 1. Д. 20 а. Л. 16в, 63–64, 66–71, 73).

Список павших – всего установлено 112 чел. Восстановлены имена, отчества павших, даты гибели и, впервые, их биограммы: уроженцы какой местности, год рождения, состав семьи, род занятий. Биографические данные взяты из посемейных именных списков за 1908–1910 гг. (Ф. 7. Оп. 1. Д. 2, 4, 5, 7, 11, 17, 18; Ф. 124. Оп. 1. Д. 6), отчетов отдела культуры за 1965–1967 гг. (Ф. 34. Оп. 1. Д. 72), газетных публикаций (Ф. 22. Оп. 1. Д. 22, 62, 103), официальных документов (Ф. 1. Оп. 1. Д. 723. Л. 213; Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 5).

Галерея портретов павших представлена из фондов МТК «Завод-Сузун. Монетный двор» – 27 уникальных фотографий подверглись цифровой реставрации: (20 чел. – похороненных в братской могиле в Панфиловском сквере р. п. Сузун, 2 фото – с. Мереть, 2 – с. Малышево, 2 – с. Бобровка, 1 – с. Шайдурово).

В модель перенесен массив выявленных архивных документов для более детального изучения сведений о погибших. Архивной информацией подтверждены факты биографии 64 чел., просмотр которых возможен во вкладке «Архивные документы» в PDF-формате.

Архивные документы позволили создать живую историю, понять трагедию до глубины души – у всех погибших были семьи, жены, дети. Они вели мирную крестьянскую жизнь, занимались хлебопашеством, кто-то был ситником, кто-то шубником... И тут Гражданская война...

ПОПОВ Илья Петрович (дети Егор, 1901 г.р., Иван, 1906 г.р.), расстрелян, 1919 г. (Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 16; Ф. 22. Оп. 1. Д. 22. Л. 154 об.; Д. 103. Л. 294, 294 об.);

ЗЯТЬКОВ Василий Николаевич (дети Александр, 1908 г.р., Евгений, 1909 г.р.). – комиссар Сузунского партизанского отряда, казнен карателями (Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 26 об.; Ф. 22. Оп. 1. Д. 22. Л. 154 об.; Д. 103. Л. 293). Уроженцы с. Сузунское, крестьяне, по два малолетних сына остались без отцов. Их именами названы улицы в поселке Сузун.

Выявленные материалы войдут во вторую часть «Книги памяти Сузунского района».

Идея виртуального наследия состоит в фиксации уникальной исторической информации, обеспечении широкого доступа к ней, сохранении ее для последующих поколений. Воспитание патриота должно происходить на конкретном документальном материале об этапах исторического развития Сузунского района, различных аспектах жизнедеятельности региона и жизни конкретных граждан, внесших значительный вклад в его становление.

Просмотрев представленный тур, можно составить ясное представление о том далеком грозном периоде, проникнутся чувством уважения и гордости за наших земляков, не сдавших своей жизни за торжество советской власти.

Реализация проекта стала возможной благодаря поддержке Главы Сузунского района Александра Васильевича Дубовицкого. Идея реализована Сибирской панорамной студией (Новосибирск). Проект представлен на сайте «Энциклопедия Сузунского района».

В заключении отмечу, что на практике необходимо применять все доступные способы закрепления информации. 3D моделирование – это также способ сохранения информации, а 3D модель – цифровой документ.

Однако на подготовку подобных материалов уходит времени гораздо больше, чем на подготовку традиционного представления архивных документов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО
НАУЧНО-СПРАВОЧНОГО АППАРАТА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРОСОВ ГРАЖДАН
В АРХИВНОМ ОТДЕЛЕ АДМИНИСТРАЦИИ г. СУРГУТА

В современном обществе архивные учреждения играют большую роль как в жизни общества в целом, так и для каждого гражданина. Ежедневно люди обращаются в архив для того, чтобы изучить историю своего края или города, узнать свое происхождение, а также получить сведения социально-правового характера.

Согласно «Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» (М., 2007; далее – Правила)¹ социально-правовыми запросами являются запросы, отражающие социальную защиту граждан, предусматривающие их пенсионное обеспечение, а также получение льгот и компенсаций в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными актами.

Сегодня выдача архивных справок по социально-правовым запросам граждан и организаций является наиболее значимой муниципальной услугой, оказываемой специалистами архивного отдела Администрации г. Сургута населению города, о чем свидетельствует количество исполненных запросов данного вида, которое увеличивается с каждым годом: так, в 2005 г. архивом выполнено 7 725 справок, в

¹ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (с изменениями и дополнениями) / Инф.-прав. портал Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/190736.htm> (дата обращения: 26.12.2014).

2013 г. – более 20 тыс. Таким образом, количество исполненных запросов за 8 лет возросло почти на 40 %¹.

Архивный отдел Администрации г. Сургута (далее – архивный отдел) является одним из наиболее крупных архивов ХМАО – Югры. Его фонды включают управленческую документацию, а также документы, отражающие социально-экономическое, политическое и культурное развитие г. Сургута и Сургутского района. Также архивный отдел является структурным подразделением исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления – Администрации г. Сургута².

В рамках сотрудничества архивного отдела Администрации г. Сургута с СурГПУ, во время прохождения производственной практики студентам педагогического университета было предложено разработать учетную базу данных «Сведения о юридических лицах, зарегистрированных на территории г. Сургута с 1991 по 2002 г.» в связи с потребностью архивистов получать оперативный доступ к информации, позволяющей определить категории заявителей, имеющих льготы при назначении социальных выплат.

Данная база была создана с использованием прикладной программы Microsoft Access 2007. Эта программа предназначена для создания баз данных, которые обеспечивают удобное, надежное управление данными и хранятся в таблицах.

База данных «Сведения о юридических лицах...» является учетной. Учетные базы данных – разновидность электронного научно-справочного аппарата архивов (НСА).

Она содержит сведения фонда № 33 «Департамент по экономической политике администрации муниципального образования город Сургут», в котором содержатся архивные документы, подтверждающие процесс регистрации юридических лиц, филиалов, представительств, индивидуальных

¹ Годовой отчет архивного отдела Администрации г. Сургута за 2013 г. С. 27.

² Положение об архивном отделе Администрации г. Сургута / Официальный сайт Администрации г. Сургута. – Визуальная механика, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admsurgut.ru/state.php?ftop=120087> (дата обращения: 26.12.2014).

предпринимателей на территории города. Архивный шифр, номера листов единиц хранения и, при необходимости, копии архивных документов из фонда № 33 приводятся в архивной справке (ответе) на запрос гражданина. Данные сведения представлены в форме таблицы под названием «Организации» (рис.).

№ п/п	Название	Форма собственности	ФИО	Приказ и дата регистрац	Приказ и дата ликви	Фонд	Опись	Дело	Лист	Примечани
1	введение	Общество с ограниченной	Гавшин Александр Васил	№ 72 от 01.10.1991		33	3	1	2	Вдовица Вн
2		Частный предпринимател	Павлов Валерий Михайл	№ 171 от 09.08.1993		33	3	4	2	
3		Частный предпринимател	Рисков Евгений Андреев	№ 171 от 09.08.1993		33	3	4	2	
4		Частный предпринимател	Бозов Валерий Андреев	№ 171 от 09.08.1993		33	3	4	2	
5		Частный предпринимател	Дубровская Юлия Ивано	№ 171 от 09.08.1993		33	3	4	2	
6		Частный предпринимател	Афонин Николай Василье	№ 171 от 09.08.1993		33	3	4	2	
7		Частный предпринимател	Бобейко Виктор Иванов	№ 171 от 09.08.1993		33	3	4	2	
8		Частный предпринимател	Таразон Николай Василь	№ 171 от 09.08.1993		33	3	4	2	
9		Частный предпринимател	Мишин Александр Павло	№ 171 от 09.08.1993		33	3	4	2	
10		Частный предпринимател	Герасименко Виктор Васи	№ 171 от 09.08.1993		33	3	4	2	

База данных позволяет осуществлять быстрый поиск сведений по наименованию организаций или ФИО индивидуального предпринимателя, а также вводить информацию об организациях. Разработанный электронный НСА соответствует общим требованиям к учетным базам данных, представленным в Правилах, а именно:

- обеспечение информационной поддержки учета;
- ведение автоматизированного учета архивных документов;
- оперативное представление сведений о наличии в архиве документов.

С помощью базы данных специалисты архивного отдела Администрации г. Сургута, быстро находят информацию о необходимом юридическом лице и сведения о местонахождении документа, подтверждающего регистрацию, реорганизацию или ликвидацию организации, существенно сокращая время на поиск таких документов с помощью описей фонда № 33, которые содержат более 1 тыс. записей. Кроме того, внесение документальной информации в базу обеспечивает сохранность документов при их высокой востребованности и, соответственно, частом использовании.

Таким образом, разработанная база данных «Сведения о юридических лицах...» позволяет оперативно исполнять запросы граждан социально-правового характера путем сокращения временных затрат, а также способствует сохранности архивных документов.

*А.Е. Гончаров
Красноярск*

К ВОПРОСУ О ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ – ОПЫТ ЭЛЕКТРОННЫХ БИБЛИОТЕК И ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВОВ

Это год начался со знакового события для научного общества России – 13 января 2015 г. состоялась презентация портала Национальной электронной библиотеки (НЭБ)¹. Среди планов развития портала декларировался перевод всех имеющихся материалов в Российской государственной библиотеке в электронный формат, доступный через сеть Интернет. Хотя НЭБ не первая электронная библиотека в России, подобное решение, принятое на государственном уровне, подчеркивает значимость электронных баз данных, – как опубликованных работ, так и архивных материалов.

Развитие электронных баз данных кардинально меняет роль библиотек и архивов в современном научно-исследовательском пространстве. Открываются новые возможности для публикации исторических источников, что упрощает доступ к ним исследователей. Одними из первых, кто обратился к этой проблеме в России, были Г.З. Залаев и Е.В. Боброва в статье «Архивы и интернет» [1]. Авторы предвидели широкие возможности всемирной сети в публикации архивных документов. Тем не менее, проведя анализ иностранных и российских архивных порталов, они пришли к выводу, что отечественные архивы используют «всемир-

¹ См.: <http://government.ru/news/16501/> (дата обращения: 19.01.2015).

ную паутину», главным образом, для размещения контактной информации и перечня услуг. К сожалению, 15 лет спустя картина для многих архивов России не сильно изменилась – особенно это касается региональных архивов. Многие архивные агентства создали себе привлекательные сайты, однако наполнение их непосредственными архивными документами еще не произошло. Например, на официальном сайте архивов Красноярского края размещена только опись фондов и подборка документов по ряду актуальных тем. Хотя архив оснащен электронным читальным залом, доступ к нему производится только по внутренней сети¹.

В центральных архивах ситуация лучше – здесь можно встретить опубликованные исторические документы, доступ к которым осуществляется через сайт архивохранилища. Так, на сайте Российского государственного архива древних актов (РГАДА) размещены оцифрованные изображения «уникальных единиц хранения» – всего 164 ед. хр.² Кроме того, на сайте размещены оцифрованные описи документов, что облегчает их дальнейший поиск и работу с ними.

Таким образом, мы видим, что отечественные архивы, хоть и с отставанием от зарубежных, постепенно начинают включаться в информационное пространство.

Следует обозначить суть проблемы «информатизации» архивов и библиотек. К материалам, опубликованным в интернете, по сегодняшний день, многие исследователи относятся предвзято, ставя под сомнения их достоверность. Информационное пространство действительно заполнено различного рода ненаучными и слабонаучными публикациями – многие из них по истории, поскольку эта дисциплина вызывает интерес у широких слоев населения. Кроме того, интернет продолжает выступать площадкой для «скачивания» студенческих рефератов, курсовых работ и др. Поэтому фраза «источник из Интернета» автоматически все-

¹ Архивы Красноярского края / Офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://красноярские-архивы.рф> (дата обращения 20.01.2015).

² Федеральное архивное агентство. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Коллекция уникальных единиц хранения. [Электронный ресурс]. URL: <http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&page=1> (дата обращения 21.01.2015).

ляет недоверие у любого исследователя. В связи с этим, необходимо четко разграничивать исторические источники и научные публикации (в графическом или текстовом формате), которые размещены в интернете на сайте электронной библиотеки или архива с указанием выходных данных, и материалы, опубликованные в интернете в различных социальных сетях, блогах и на форумах. Вторые должны обязательно подвергаться дополнительной экспертизе и проверки на их достоверность. Однако необходимо иметь в виду, что существует большое количество тематических сайтов, на которых обсуждаются различные исторические вопросы (история освоения Арктики, материальная культура и быт, военная история). Здесь часто публикуют свои исследования как профессиональные историки, так и любители.

Для того, чтобы избежать стихийных публикаций исторических источников в интернете, архивам необходимо активизировать свою работу по размещению своих материалов в сети. Достоинства «открытого доступа» к архивным материалам очевидны:

- документы становятся доступными для исследования в любое время и в любом месте, что экономит время и средства исследователя, повышая эффективность его труда;

- архивные документы становятся доступными для более широкого круга исследователей, что делает научные работы «более прозрачными»;

- электронные копии документов обеспечивают сохранность оригиналов источников, представляющих собой историческую ценность;

- занятость архивов работой по оцифровке и размещению материалов в открытом доступе и по требованию гарантирует наличие дополнительных источников финансирования и рабочих мест.

Существуют два основных способа предоставления читателю запрашиваемых материалов:

- непосредственное размещение документа в сети в виде оцифрованного файла или машинописной копии, выполненной в текстовом редакторе;

- оцифровка и отправка документа читателю через электронную почту.

Первым способом активно пользуются электронные библиотеки. Однако, в отличие от книг, архивные документы, как правило, менее востребованы. Объем хранящихся в архивах дел настолько велик, что опубликовать их на сегодняшний день не представляется возможным. Поэтому многие зарубежные архивы практикуют способ «документ по требованию».

На сегодняшний день за рубежом уже накоплен существенный опыт публикации исторических материалов в сети. Среди первых, кто начал широкомасштабную оцифровку книг и документов, был Майкл Харт. В 1971 г. он основал проект «Гутенберг». По сведениям сайта проекта, на сегодняшний день уже оцифровано более 46 тыс. книг и документов¹. Сайт проекта позволяет сохранить или читать книгу в различных текстовых форматах. Впрочем, преобладает формат html, что влияет на качество иллюстраций в книгах.

Иначе к этому вопросу подошел сайт Internet Archive. На нем размещены около 6 млн книг, сборников, рукописей и иных опубликованных исторических источников, у которых истек срок авторского права². В интерфейс сайта встроена система распознавания текста. Она способна распознавать печатные тексты на латинице, опубликованные с XIX в. Система, таким образом, существенно облегчает поиск необходимой информации, что способствует изучению более широкого числа источников в короткий промежуток времени. В целом, интерфейс сайта очень удобен – большинство работ могут быть просмотрены либо непосредственно на самом сайте, либо сохранены в форматах .pdf, .doc, .txt, .html. Отдельные страницы могут быть сохранены в графическом формате. К недостаткам сайта следует отнести низкую распознаваемость поисковой системы (допущенная ошибка в слове или названии препятствует обнаружению требуемой публикации). Кроме того, поисковая система не распознает иные текстовые системы, кроме латиницы, – ра-

¹ Project Gutenberg. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gutenberg.org/wiki/Main_Page (дата обращения: 20.01.2015).

² Internet Archive. Texts. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/texts> (дата обращения: 10.01.2015).

боты на русском языке приходится искать через систему транслитераций.

Следует также отметить цифровой сетевой агрегатор базы данных (The National Resource Discovery Service (Trove)), предоставленный Национальной библиотекой Австралии. На сайте размещен наиболее крупный из существующих фондов оцифрованных газет с 1803 г. – более 147 млн наименований¹. Программа оснащена интегрированной поисковой системой, которая запрограммирована распознавать текст. Это позволяет найти любую фразу или слово на страницах газет. Ввод даты или года позволяет сузить поиск до определенного временного промежутка (год, месяц, день). Графическое изображение газеты дублируется текстом, который можно корректировать. На сайте также доступна опись архивных материалов (более 567 тыс.), которые располагаются в различных архивах Австралии. Некоторые материалы оцифрованы и доступны через сайт.

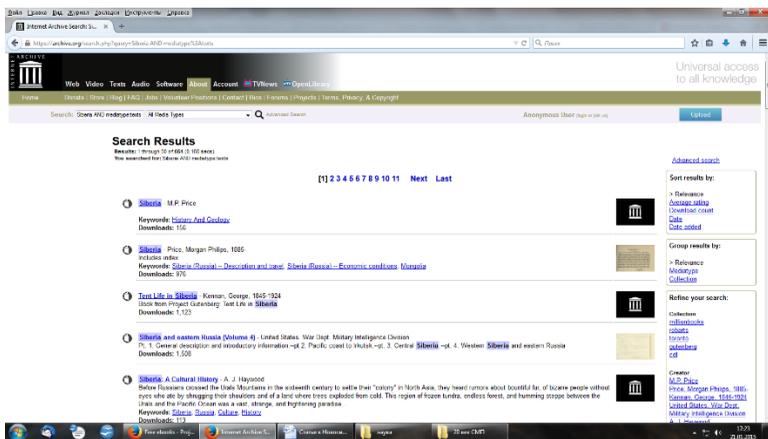

Рис. 1. Снимок экрана с изображением сайта Архива Интернета. Отображены результаты запроса по слову «Siberia». Источник: www.archive.org

К сожалению, отечественные электронные библиотеки существенно уступают по своим характеристикам иностранным аналогам. Во-первых, многие из этих библиотек – част-

¹ Trove. National Library of Australia. Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <http://trove.nla.gov.au/system/counts> (дата обращения: 10.01.2015).

ные. Для просмотра определенных материалов требуется внести плату. Во-вторых, интерфейсы таких библиотек позволяют только читать оцифрованную копию книги или источника. Просмотр, как правило, достаточно медленный. Отсутствуют функции поиска в тексте.

В отличие от библиотек, архивы, как правило, ограничиваются рядом наиболее популярных источников и фондов, выставленных в открытом доступе на сайте (например, списки ветеранов Первой мировой войны, реестры судов, эмигранты и др.). Эти документы, как правило, выставлены не в виде сканированной копии, а введены в автоматизированную поисковую систему, которая позволяет находить и отображать требуемые данные. В то же время, некоторые крупнейшие архивы – например, Национальный архив Великобритании [The National Archives] – размещают на своих сайтах описи дел в автоматизированных поисковых программах, что существенно облегчает поиск материалов. Система позволяет заказать электронную копию требуемого дела через интернет за определенную плату.

Рис. 2. Снимок экрана с изображением сайта Trove национальной библиотеки Австралии. Отображена газетная статья по запросу «Lena Goldfields» с ограничением поиска в пределах 1912 г. Источник: <http://trove.nla.gov.au>

Еще одним новшеством зарубежных архивов можно считать проекты по созданию социальной сети (например, британский проект «Your Archives»), в которой сотрудники и

читатели архивов смогут размещать накопленные исторические источники и комментарии к ним. Это упрощает работу архивистов, кроме того, позволяет в одном месте разместить материалы из разных архивов, сформировав единое информационное пространство.

В итоге следует констатировать, что за четыре десятилетия существования электронных баз данных были заложены основные принципы функционирования виртуальных библиотек и архивов. Опыт показывает, что это направление перспективно для дальнейшего развития и востребовано общественностью. Дальнейшую работу можно обозначить по следующим направлениям:

- оцифровка и размещение материалов в сети;
- совершенствование качества изображений и программ для чтения;
- создание укрупненных сетей архивов и социальных сетей в которых можно будет размещать оцифрованные источники и их описания.

Литература

1. Залаев Г.З., Боброва Е.В. Архивы и интернет // Отеч. архивы. 2000. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://rgantd.ru/content/arkhivy-i-internet> (дата обращения 15.01.2015).

*В.А. Арасланова, Е.С. Бурмистрова
Сургут*

ДОКУМЕНТЫ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(из опыта работы архивного отдела Администрации г. Сургута)

Архивный фонд Российской Федерации как исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, отражающих материальную и духов-

ную жизнь общества, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое, культурное значение, являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации, относящихся к информационным ресурсам, подлежит постоянному хранению в соответствии с российским законодательством¹. Обеспечивая вечное хранение и использование документов Архивного фонда Российской Федерации, архивы способствуют укреплению федерализма, формированию гражданского общества, становлению правового государства, формированию демократических взглядов, воспитанию россиян в духе патриотизма и толерантности.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре функционируют казенное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» и 22 муниципальных архива, одним из которых является Архивный отдел Администрации г. Сургут – один из самых крупных муниципальных архивов округа. Его фонды включают управленческую документацию, а также документы, отражающие социально-экономическое, политическое и культурное развитие г. Сургута и Сургутского района с 1863 г. [1]. Архивный отдел Администрации г. Сургута создан для осуществления приема и хранения архивных документов с целью их использования².

При определении организаций – источников комплектования государственных, муниципальных архивов Методические рекомендации «Определение организаций-источников комплектования государственных и муниципальных архивов», принятые Росархивом в 2012 г., рекомендуют учитывать место организации среди других организаций в зоне комплектования государственного, муниципального архива, в

¹ Об архивном деле в Российской Федерации / Федеральный закон Российской Федерации от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12137300.htm> (дата обращения: 25.04.2014).

² Положение архивного отдела Администрации города Сургута. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admsurgut.ru> (дата обращения: 26.03.2013).

т. ч. градообразующих организаций и наиболее типичных для данной территории организаций. Одной из таких (градообразующих) является открытое акционерное общество «Сургутнефтегаз», которое осуществляет добычу и переработку нефти и газа месторождений на территории Сургута и Сургутского района.

В связи с тенденцией «разгосударствления» всех сфер управления, роль государственных структур в 1990-е гг. значительно сократилась в таких отраслях как экономика, культура, общественно-политическая жизнь. Это коснулось и нефтегазовой отрасли, так, в 1993 г. объединение «Сургутнефтегаз» было преобразовано в акционерное общество, а значит, поменялась и форма собственности с государственной на частную, в связи с чем, передача документов, образующихся в деятельности объединения, в архивный отдел Администрации г. Сургута была прекращена. Сегодня открытое акционерное общество «Сургутнефтегаз» – одно из крупнейших предприятий нефтяной отрасли России. На его долю приходится около 13 % объемов добычи нефти в стране и 25 % газа, добываемого нефтяными компаниями России [2].

С целью сохранения ценных источников истории современности, архив принимает меры по сохранению документов негосударственных структур, одна из которых – оформление договорных отношений между муниципальным образованием городской округ город Сургут и негосударственными организациями. Так в настоящее время архивный отдел ведет переговоры о сотрудничестве с негосударственными организациями, являющимися градообразующими и отражающими промышленное и энергетическое развитие территории г. Сургута и Сургутского района. Проект договора уже разработан, и в одну из таких организаций – ОАО «Сургутнефтегаз» – отправлено письмо с предложением о сотрудничестве.

Согласно методическим рекомендациям договоры негосударственной организации, общественного объединения с государственным, муниципальным архивом фиксируют согласие негосударственной организации, общественного объединения на включение их документов в состав Архивного

фонда Российской Федерации с безвозмездной передачей данных документов на постоянное хранение в государственный, муниципальный архив¹. Предметом договора, в данном случае, являются отношения сторон по вопросам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов, образующихся в деятельности организации. Мы считаем, что оформление договора может стать ключевым решением проблемы регулирования различных видов правовых отношений, предполагающих совместную деятельность ради достижения общих целей. В случае заключения такого договора, архив сможет сохранить многие важные документы.

Комплектуя архивный фонд документами коммерческих предприятий, архивный отдел Администрации г. Сургута осуществляет еще и такое значительное государственное полномочие регионального уровня, как использование архивных документов ХМАО–Югры². Несмотря на то, что в архиве города хранятся документы объединения «Сургутнефтегаз» только с 1978 по 1993 г., документы фонда востребованы и в настоящее время³. Так, Сургутнефтегаз использует копии архивных документов, материалы фотофонда при создании собственного музея и организации выставок. В рамках проведения различных мероприятий, специалисты объединения обращаются с запросами в городской архив о подтверждении исторических фактов, касающихся образования того или иного структурного подразделения, а его бывшие работники обращаются в архив с запросами о подтверждении фактов награждения и подтверждения других социально-правовых гарантий.

¹ Определение организаций-источников комплектования государственных и муниципальных архивов. Метод. реком. / Росархив, ВНИИДАД. М., 2012. 39 с.

² Положение архивного отдела Администрации города Сургута.

³ Путеводитель по фондам архивного отдела Администрации города Сургута. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admsurgut.ru> (дата обращения: 26.03.2013).

Все это актуализирует наметившиеся договорные отношения о взаимном сотрудничестве при организации и проведении публичных выставочных мероприятий между муниципальным образованием городской округ Сургут и ведущими коммерческими предприятиями с использованием архивных документов, позволяющих осуществить исторический экскурс в историю развития нефтяной и газовой промышленности на территории ХМАО–Югры. Такое сотрудничество, на наш взгляд, несомненно, популяризирует исторические источники.

И все-таки, как бы ни трансформировалось общество, главной целью любого архива является выявление и сохранение документов, отражающих материальную и духовную жизнь общества, представляющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, как неотъемлемой части историко-культурного наследия народов Российской Федерации. Следовательно, мы считаем, что от эффективной деятельности архива любого уровня напрямую зависит и то, смогут ли наши потомки унаследовать богатую историю развития своего региона и государства, и будет ли у них возможность обеспечить защиту своих конституционных прав.

Литература

1. Арасланова В.А., Бурмистрова Е.С. Муниципальные архивы ХМАО–Югры: организация и особенности Сургутского архива // Материалы XXXIV Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история». Новосибирск, 2014. С. 89–95.

2. История компании. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.surgutneftegas.ru> (дата обращения: 26.12.2013).

*Н.В. Шарабура
Горно-Алтайск*

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АРХИВНОГО ФОНДА
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ**

На протяжении многих веков Горный Алтай являлся своеобразным «коридором» между таежной Сибирью, степями Монголии и Центральной Азии, а его территория служила ареной для многих исторических, лингвистических и культурных контактов тюркских и нетюркских этнических групп.

Процесс присоединения территории Горного Алтая к Российскому государству занял около двух с половиной веков. История распорядилась так, что в течение этого периода народы нынешней Республики Алтай жили в составе различных территориальных образований, сначала под предводительством огромного кабинетского хозяйства под названием Кольвано-Воскресенского округ. Во второй половине XVIII в. Кабинетом впервые было осуществлено научное изучение территории Горного Алтая, исследовательские экспедиции во главе с опытными геологами и рудоискателями описали не только ее геодезические ресурсы, но и растительный, животный мир, дали характеристику проживающего здесь населения.

Затем история в территориальном плане связывала Горный Алтай последовательно с Алтайским горным округом, Алтайской губернией, Сибирским, Западно-Сибирским и Алтайским краями. Длительный период времени, с момента образования в 1804 г. Томской губернии, Горный Алтай входил в ее состав как южная часть Бийского уезда Кольвано-Воскресенского горного округа.

По этим причинам документальное наследие Горного Алтая прошлых эпох рассредоточено в центральных архивах России в Москве и Санкт-Петербурге (Российский государственный архив древних актов, Архив внешней политики Российской Федерации, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военно-исторический архив и др.), а также в архивах крупнейших городов Сибири – Томска, Новосибирска, Барнаула.

Комплексы документов, объединенных темой состава населения Горного Алтая, его традиционных занятий, исконных промыслов, поземельного устройства, административно-территориального деления, составляют важную и востребованную исследователями составляющую фондов этих архивов. Так,

в архивохранилищах Государственного архива Томской области, в частности, в фондах Томского губернского управления, крестьянских начальников участков Бийского уезда, других местных органов государственного и сословного самоуправления Томской губернии сохранились многочисленные письма, рапорты, отношения томских и Санкт-Петербургских чиновников императорскому двору, служебные записки, которые содержат подробные описания границ с Монголией и Китаем, информацию об учреждении новых дючин, инородческих управ, избрании зайсанов, демичей, переселении казахов в пределы Алтая, создании пограничной стражи. В фондах Томского губернского статистического комитета отложились сведения о численности народонаселения, в том числе и малых народов в губернии, смертности и рождаемости, причислении переселенцев к местным сельским обществам, занятиях жителей земледелием, скотоводством, пчеловодством, промыслами, взимании с населения платежей.

Документы донесли до нас описание торговых путей из Бийска до Кош-Агача, сведения о товарообороте китайских и русских купцов, о знаменитом китайском шелке, кирпичном чае, серебре, соболях. Широко освещены в фондах Томского архива материалы, рассказывающие о быте, обычаях, национальных традициях, религиозных верованиях алтайцев, движении «белой веры», событий первой мировой войны, революционного периода и начала национального самоопределения алтайского народа, получившего название Каракорум.

22 февраля 1918 г. учредительный съезд русско-инородческого населения Горного Алтая принял постановление о выделении Горного Алтая в самостоятельный округ и избрал новый орган управления – Каракорум-Алтайскую окружную управу. С июля 1918 г. она изменила название на Каракорум-Алтайскую земскую управу. В апреле 1920 г. он переименован в Горно-Алтайский уезд, а в марте 1921 г. постановлением Сибревкома была подтверждена самостоятельность Горно-Алтайского уезда в составе Алтайской губернии.

Документы ведомств и учреждений этого периода, в которых отражены насущные вопросы жизни, быта населения Горного Алтая, все повороты его исторического пути в основ-

ном оказались сосредоточены в архивохранилищах Государственного архива Алтайского края (далее – ГААК; в 1996–2011 гг. – Центр хранения архивного фонда Алтайского края). Наибольший интерес для исследователей истории Горного Алтая представляют ценнейшие документы фонда Каракорум-Алтайской уездной земской управы за 1917–1919 гг. – протоколы заседаний, постановления уездных земских управ, Алтайской Горной Думы, съезда алтайцев, волостных и сельских земских собраний, собраний алтайцев о предоставлении Горному Алтаю автономного управления, о разделе волостей, об организации Советов солдатских инородческих, крестьянских и рабочих депутатов, материалы по организации библиотек и народных домов.

Фонд содержит также заявления о приеме в гвардию при Каракорум-Алтайской земской управе, списки гвардейцев, солдат и унтер-офицеров запаса, солдат, вернувшихся из плена.

В ГААК хранятся значительные документальные комплексы Алтайской духовной миссии, Барнаульского духовного правления, отдельных монастырей, церквей и религиозных общин, материалы о раскольничьих скитах, религиозных общинах. Традиционные вероисповедания алтайского народа представлены документами, рассказывающими о шаманизме, бурханизме, миссионерской работе по христианизации коренного населения.

В фондах имеются документы справочно-энциклопедического характера – данные о населении Горного Алтая, об административно-территориальном делении региона, своды социально-экономических сведений, список православных храмов, действовавших на территории нынешней Республики Алтай, список школ и другие.

Нашли свое отражение в фондах ГААК важнейшие документы, освещающие процесс завершения национального становления Горного Алтая. Распорядительные документы фонда Алтгубисполкома за 1918–1925 гг. рассказывают нам о предоставлении автономии Горно-Алтайской автономной области, об организации Горно-Алтайского уезда, о преобразовании его в Горно-Алтайскую (Ойротскую) автономную область.

Огромное историческое и культурное значение имеют документы, рассказывающие о жизни и деятельности выдающегося алтайского общественного деятеля, художника Григория Ивановича Чорос-Гуркина, в частности, материалы работы Алтайской Горной Думы, председателем которой он являлся, доклад Алтайскому Губернскому Земскому собранию, переписка с управлением Алтайской духовной миссии и др.

Таким образом, можно констатировать, что в силу ряда исторических причин документальное наследие прошедших эпох развития Горного Алтая оказалось «разбросанным», рассредоточенным по многим архивам страны. Сделать их достоянием и составной частью Архивного фонда Республики Алтай, конечно, невозможно, но для исследователей истории региона, этнографов, научных работников, историков они представляют огромный интерес. Целенаправленная работа по выявлению этих документов, введению их в научный оборот, популяризации алтайскими архивистами совместно с коллегами из сибирских архивов продолжается уже много лет.

Так, в 2000 г. совместно со специалистами Центра хранения Архивного фонда Алтайского края был издан сборник «Святогорье», в котором нашли отражение основные вехи на пути алтайского народа от времени первых контактов с предками алтайцев до становления в Горном Алтае советской власти, и как продолжение этой большой работы в 2004 г. итогом совместного сотрудничества томских и алтайских архивистов стало издание сборника «В составе Томской губернии», охватывающем период XIX – начала XX в.

В настоящее время в архивах Республики Алтай на государственном хранении находятся 1650 фондов, в них более 350 тыс. ед. хр., многие из них уникальны, имеют большую историческую ценность.

Документы дореволюционного периода представлены фондами пятой землеустроительной партии Алтайского округа, Телецкого и Улалинского лесничеств, Улалинской Спасской церкви и фондов народных управ Бийского уезда Томской губернии. К сожалению, количество этих документов невелико и очень скудно освещает историю Горного Алтая. За последние годы дореволюционные фонды пополнились ценными доку-

ментами XIX – начала XX в. – метрическими книгами церковей Алтайской духовной миссии.

Несомненный интерес для изучения вызывают документы нового периода истории Горного Алтая, отражающие трагические события гражданской войны, становление и упрочение органов советской власти, создание новых советских учреждений, сложный процесс самоопределения – от выделения Горно-Алтайского уезда в самостоятельную административную единицу до создания Ойротской автономной области и образования Республики Алтай. Они дают представление о развитии народного хозяйства автономной области, создании новых промышленных предприятий, колхозов и совхозов, строительстве Чуйского тракта, имеющего общегосударственное значение, других важнейших объектов. Документы освещают сложные и неоднозначные процессы, происходившие в Горном Алтае в период коллективизации в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Наиболее полно в фондах государственного архива представлены такие отрасли как статистика, промышленность, сельское, лесное и водное хозяйства, строительство, торговля, коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание. Особое место среди фондов занимают документальные комплексы научно-исследовательских организаций республики, органов образования, здравоохранения, физкультуры и спорта, культурно-просветительных учреждений, современных политических партий и движений, общественных организаций, национально-культурных центров и ассоциаций.

В архивных фондах народного образования и культуры содержатся сведения о создании нового алфавита, ликвидации неграмотности, об утверждении орфографии алтайского языка, об издании произведений алтайской литературы, деятельности национального театра. Фонд владеет редкими фотографиями, он составляет порядка 5 тыс. ед. хр. и охвачен временными рамками 1900–2014 гг. Фотофонд собран из фотодокументов Горно-Алтайского облисполкома, областных комитетов КПСС и ВЛКСМ, Правительства Республики Алтай, редакций республиканских газет «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны», фотографий из коллекции фотохудожника А.И. Шодоева, института алтаистики им. С.С. Суразакова и мн. др.

Особую ценность представляют документы личного происхождения. Среди них фонды известных общественно-политических деятелей, внесших значительный вклад в развитие Горного Алтая – Григория Ивановича Чорос-Гуркина, Василия Ивановича Галкина, Михаила Васильевича Карамаяева, Даниила Ивановича Табаева и мн. др. Заботливо собраны, бережно хранятся и по возможности пополняются фонды личных документов выдающихся алтайских художников, поэтов, писателей, композиторов, ученых, заслуженных учителей, врачей, всех, кто оставил след в истории нашего удивительного и уникального уголка земли, своей малой родины.

Таким образом, в силу исторических причин в сибирских архивах оказался сосредоточенным огромный массив документов, касающихся истории становления, укрепления и развития национальной государственности Горного Алтая. Он вызывает большой интерес у научных и педагогических работников, общественно-политических деятелей, студентов и всех, кто интересуется историко-правовыми и национальными вопросами, и благодаря содружеству архивов Сибири всегда открыта дорога для интересных исследований по данной тематике.

Литература

Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1973.

История Республики Алтай в документах Центра хранения Архивного фонда Алтайского края XVII – начало XX в. Горно-Алтайск, 2000.

Государственная архивная служба Республики Алтай. От уезда к республике // Сборник арх. документов. Горно-Алтайск, 2001.

Государственная архивная служба Республики Алтай, Государственный архив Томской области. В составе Томской губернии // История Республики Алтай в документах Государственного архива томской области. XIX – начало XX в. Горно-Алтайск, 2004.

Государственное Собрание – Эл курултай Республики Алтай, Правительство республики Алтай, Министерство образования, науки и молодежной политики Республики Алтай, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова. Краткая энциклопедия Республики Алтай. Новосибирск: АРТА, 2010.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЙОННОЙ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ И ШКОЛЫ КАК УСЛОВИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Использование архивных документов постепенно становится обязательной нормой написания любой исследовательской работы. Открытие архивов для большой группы исследователей позволяет в настоящее время ставить перед творческой работой конкретные практические задачи, раскрывать их на более высоком уровне с использованием доказательной базы реальных документов.

Сотрудничество нашей школы с районной архивной службой началось в 2005 г. Сначала оно проходило в форме экскурсий в рамках элективного курса «Введение в исследовательскую деятельность» (9 класс, предпрофильная подготовка) и занятий исторического кружка «Поиск». Первое знакомство с архивными документами произвело большое впечатление на ребят, у многих появилось желание найти в архиве информацию о своих родственниках. За последние 6 лет учащимися нашей школы было написано около 25 исследовательских работ по историческому краеведению. С ними ребята выступали на школьных, районных, областных, региональных, Всероссийских конференциях. Наиболее высокие места всегда занимали работы, написанные на основе архивных документов: «Старожилы и переселенцы старой Сибири: особенности образа жизни и взаимоотношений» (Санькова Кристина, 2006 г.); «Освоение целины в Каргатском районе» (Смирнова Марина, 2009 г.); «Похозяйственные книги села Алабуга и воспоминания старожилов об истории села» (Заяц Юлия, 2010 г.); «Репрессии в Каргатском районе в 30-е годы XX века» (Чуб Александр, 2008 г.); «Реформы образования в советский и постсоветский период: замысел, реализация, итоги. На примере системы образования Каргатского района» (Зайчикова Полина, 2013 г.); «История Каргатского уезда по материалам Уфинотдела» (Михеева Ксения, 2013 г.) и т. д.

Работники архива оказывают нам большую помощь в выборе тем для исследования, подборке источников, организации места работы, консультируют по некоторым вопросам. Учащиеся изучали такие источники как церковные книги конца XIX – начала XX в. (на сегодняшний день переданы в областной архив), протоколы заседаний районного совета депутатов, списки награжденных, подшивки районной газеты «За изобилие», похозьяйственные книги сел района, а также многочисленные справочники, карты, хранящиеся в архиве.

Написание работы проходит следующие этапы: выбор и формулировка темы в самом общем виде; подбор источников в архиве, уточнение темы исследования; изучение источников (чтение, частичное конспектирование, по возможности ксерокопирование.), как правило, работаем с источниками в архиве в мае-июне; составление плана исследования. На каникулах (июль-август) ученик анализирует источники, составляет обобщающие таблицы, графики, пытается писать текст работы. В первой четверти учебного года продолжается обработка найденных источников, написание работы под руководством учителя, редактирование исследования. Публично выступить с результатами исследования ученик может на школьной конференции «Шаг в будущее», районной научно-практической конференции. Лучшие работы принимают участие в региональных и Всероссийских конференциях. Прохождение всех этапов требует от ученика терпения, дисциплины, усидчивости. Степень самостоятельности выполнения работы, как правило, зависит от интеллектуальных способностей и мотивированности ученика на данный вид деятельности.

Вот некоторые результаты наших ребят. Региональная конференция «Эврика»: 2009 г. – 1-е место («Золотая лига»); 2010 г. – 1-е место («Золотая лига»); 2011 г. – 1-е и 2-е место, 2012 г. – два вторых места, 2013 г. – победитель заочного этапа, 2014 г. – два третьих места. В 2013 г. победитель второго регионального конкурса проектов «Познание и творчество» (Красноярск), 3-е место в областном этапе Всероссийского конкурса «Отечество»; приз жюри межрегиональной научно-практической конференции «Освоение и развитие Западной

Сибири в XVI–XX веках», посвященной 300-летию Чаусского острога. Результаты участия во Всероссийских конференциях: 2010 г. – 1-е место («Золотая медаль»), диплом 1-й и 2-й степени конференции «Юность. Наука. Культура. Сибирь» (Новосибирск); 2011 г. – 1-е место («Серебряный крест») и диплом 2-й степени конференции «Юность. Наука. Культура» (Москва). В 2013 г. исследование учащейся 9 класса вошло в сотню лучших работ XIV Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век». 2014-й год – 1-е место в областном этапе Всероссийского конкурса «Отечество».

Хочется выразить благодарность сотрудникам районного архива за помощь в организации исследовательской деятельности школьников. Надеемся, что взаимодействие школы и районной архивной службы будет продолжено и его результатом станут новые оригинальные исследования и новые победы.

БИОГРАФИКА

*Е.Н. Туманик
Новосибирск*

КОМПЛЕКСЫ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ИСХОДНАЯ БАЗА ДЛЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (на примере материалов Ю. Адамовского и Г.С. Бильдзюкевича из Собрания ОР РНБ)

В процессе научного поиска часто обнаруживаются отдельные массивы неопубликованных архивных источников, сосредоточенные, как правило, в рамках отдельной единицы хранения, которые по первой же предварительной оценке представляют собой полноценную основу для создания документальной монографии или же могут служить базой для написания биографического (персонологического) исследования. К числу таких материалов можно причислить недавно введенные в научный оборот и опубликованные в форме отдельных изданий документальные собрания Г.С. Бильдзюкевича и Ю. Адамовского из фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. В отмеченных случаях подготовка к печати и работа над той или иной формой публикации послужила отправной точкой для биографических изысканий с привлечением дополнительных материалов из других архивных собраний.

В 2005 г. вышел в свет «Живописный альбом с приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах р. Шилки, Амура и Восточного Океана. 1859», составленный сибирским чиновником Г.С. Бильдзюкевичем и представляющий собой описание Забайкалья и Приамурья с авторскими иллюстрациями [1]. Оригинальный текст источника хранится в одном деле Фонда отдельных поступлений вместе с письмом Г.С. Бильдзюкевича на имя гр. Н.Н. Муравьева-Амурского (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 110. Л. 1–52). При обработке до-

кументов было признано целесообразным опубликовать альбом в виде документальной монографии со вступительной статьей биографического характера, проливающей свет на личность его создателя. Трудность заключалась в том, что администратор среднего звена Гектор Бильдзюкевич не является видной исторической фигурой, поэтому сведений о его служебной деятельности, карьере и, тем более, частной жизни не сохранилось. Воссоздать биографию Г.С. Бильдзюкевича помогли дополнительно выявленные делопроизводственные материалы из фондов Российского государственного архива Дальнего Востока – послужной список, содержащий сведения об этапах карьеры, образовании, семейном положении и происхождении чиновника, а также его служебные документы – отчеты и записки, поданные в вышестоящие инстанции (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1858. Л. 13 об. – 19 об.; Д. 97. Л. 73–82 об., 83–88). Но формирующий комплекс источников к биографии оказался все-таки не совсем полным для ее написания. Дополнительно к изысканиям были привлечены документы генеалогического характера из собрания Национального исторического архива Беларуси, такие как, например, родословная роспись рода Бильдзюкевичей (НИАБ. Ф. 561. Д. 2. Л. 9 об.). Это завершило формирование источниковой базы, достаточной для воплощения в жизнь главной цели исследовательского проекта – публикации «Живописного альбома» со вступительной статьей, содержащей биографические сведения об авторе, ранее о котором не существовало никаких подробных сведений в литературе, за исключением единственного упоминания в биобиблиографическом указателе Е.Д. Петряева [2]. Наследие Г.С. Бильдзюкевича оказалось востребованным и в работе над исследованиями русского освоения Арктики. Раздел II коллективной монографии «Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI вв.», изданной Институтом истории СО РАН в 2011 г., «Гижигинский округ в середине 1860-х гг.» основан на материалах, выявленных при подготовке к печати «Живописного альбома» и содержит публикации следующих документов, связанных с управленческой деятельностью Г.С. Бильдзюкевича на Крайнем Севере.

ре: это годовой отчет о состоянии Гижигинского округа за 1866 г. и особая докладная записка о торгово-промышленном положении края, национальных отношениях и геополитической ситуации (1866) [3].

Работа с наследием сибирского пароходчика Ю. Адамовского оказалась несколько сложнее, так как ее основной задачей являлось монографическое исследование с публикацией документального приложения, т. е. в центре издания должен был стоять авторский текст, а не документ. Архив Ю. Адамовского и его пароходной компании, как и наследие Г.С. Бильдзюкевича, сосредоточен в рамках одной единицы хранения (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–28). Положительным фактором стало наличие кратких сведений о пароходном бизнесе Адамовского в отечественной литературе; прежде всего, здесь стоит отметить фундаментальные труды Г.А. Титова и В.А. Большакова [4, с. 26, 32, 256–257; 5, с. 79, 108]. Досадным моментом явилось то, что, несмотря на усиленные поиски, не удалось выявить существенных дополнительных данных к биографии предпринимателя в фондах как центральных, так и западносибирских архивов. К счастью, о враче Юзефе Адамовском – политическом ссыльном, начавшем в Сибири собственный бизнес, обнаружилось сведения в польской мемуарной и исследовательской литературе [6, с. 43–49]. Эти данные, правда, не очень обширные, и легли в основу работы над монографией. Большой удачей стало привлечение к работе следственного дела «О Иосифе Адамовском, принадлежащем к делу о лекаре Ловицком и его соучастниках» из Государственного исторического архива Литвы, содержащего богатые биографические данные о периоде жизни предпринимателя до ссылки в Сибирь (LVIA. F. 378. № 71. L. 1–133). Мемуарные источники поведали о жизни Адамовского в Зауралье – в частности, о его врачебной деятельности в Томске. До выявления комплекса документов ОР РНБ считалось, что Юзеф Адамовский после амнистии возвратился в Европейскую Россию, и два героя – Адамовский-ссыльный и Адамовский-предприниматель – не связывались историками в единый образ. При этом польским исследователям вообще не было ничего известно о пароходном

бизнесе Ю. Адамовского в Сибири [6, с. 6]. А в Российской национальной библиотеке как раз и хранится небольшой архив той самой пароходной компании, организованной вчерашним ссыльным, разбогатевшим в Сибири и располагавшим в конце 1850-х гг. многотысячным состоянием [6, с. 10]. Собственно, исследование об Адамовском получилось не столько биографическим, сколько персонологическим, дающим выход на многие проблемы, главными из которых стоит назвать все еще малоисследованные становление пароходства в Западной Сибири, а также освободительное движение в Северо-Западном крае в период между восстаниями 1830 и 1863 г. В приложениях к монографии «Юзеф Адамовский и становление пароходства в Западной Сибири» опубликованы несколько комплексов источников, проливающих свет на историю пароходного бизнеса в нашем крае, а также два биографических перечня. Логически подбор и сегментация документальных приложений восходят к структуре монографии и служат ее опорными звеньями. В приложениях I, II приведены сочинения Юзефа Адамовского «Заметки о Сибири в отношении промышленном» (с таблицами общей навигационной, а также «справочных цен» на основные продовольственные товары по округам Тобольской, Томской и Енисейской губерний за 1840–1858 гг.) и «Значение пароходства в Сибири по привилегированным рекам Бии, Катуня, Васюгану и Кети» [с. 127–143]. В приложении III опубликован собственно архив его пароходной компании (условия привилегии на учреждение и содержание пароходства; состав товарищества на вере пароходства Ю. Адамовского; смета пароходства Ю. Адамовского на 1862 г.; описание рейсов пароходства Ю. Адамовского; расчет предполагаемой прибыли пароходства за двухлетнюю навигацию; примерная смета доходов пароходства после двух лет навигации; условие на строительство парохода между П.В. Гаксом, Г.И. Гуллетом и О.О. Адамовским от 18 марта 1862 г., копия; служебная переписка) [с. 144–167]. Документальный ряд дополнен подборкой документов из фондов Государственного архива Томской области об общем состоянии пароходства в Западной Сибири в середине XIX в. (приложение IV). Это те базовые

источники, на которые опираются все исследователи при раскрытии темы. В этом ракурсе опубликованный архив Адамовского выглядит весьма привлекательно, так как существенно дополняет ставшие почти хрестоматийными данные, дает новые возможности для дополнительного, глубокого и подробного освещения темы, показывает направления дальнейшего архивного поиска [с. 168–179]. Кроме того, особо выделим специально подготовленные биографические перечни, расширяющие текст монографии. Приложение VI, базирующееся на материалах дела из Вильнюсского архива, оформлено в соответствии с методологическими приемами генеалогического исследования и дает обширный материал как для родословных изысканий, так и воссоздания истории повседневности (перечень лиц, упомянутых в «Деле о Иосифе Адамовском...», 1839–1841 гг. [с. 206–214]. Наконец, биографический перечень приложения V представляет собой небольшой словарь предпринимателей-организаторов и видных деятелей сибирского пароходства, а также крупнейших золотопромышленников края, оформленный на базе современной научной литературы и дополненный по публикуемым документам компании Адамовского и Томского губернского правления сведениями, пока не попавшими в поле зрения специалистов [с. 180–205].

Итак, определенный, пусть даже небольшой по объему, комплекс документов личного происхождения при правильной структуре и научной обработке, целью которой является подготовка к публикации, вполне может стать полноценной базой для научного монографического исследования, актуального для современной российской историографии тематически, методологически и концептуально.

Литература

1. Бильдзюкевич Г.С. Живописный альбом с приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах р. Шилки, Амура и Восточного Океана. 1859. Составитель Е.Н. Туманик. Новосибирск, 2005.

2. Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья : Биобиблиогр. указ. Дореволюционный период. 2-е изд., испр. и доп. Чита: Чит. Упрполиграфиздат, 1981.

3. Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI в.: сб. док. и матер. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2011. С. 60–76.

4. Титов Г.А. Возникновение пароходства в Обь-Иртышском бассейне. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990.

5. Большаков В.А. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век. Новосибирск: Наука, 1991.

6. Туманик Е.Н. Юзеф Адамовский и становление пароходства в Западной Сибири в середине XIX в. Новосибирск, 2011.

*Б.Ц. Жалсанова
Улан-Удэ*

САХАР ХАМНАЕВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ БУРЯТСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ XIX В. (Биография по документальным источникам)

В последние годы актуальным становится персонифицированный подход к историческим процессам, взоры исследователей все чаще обращаются к персоналиям прошлого, сыгравших определяющую роль в истории тех или иных регионов в разные исторические периоды. Среди них важное место занимают бурятские тайши – руководители органов местного самоуправления бурятских обществ в XIX – начале XX в.

Местное самоуправление сибирских инородцев было учреждено по Уставу об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского, согласно которому вводилось трехступенчатое самоуправление для бурят, хакасов, тунгусов и якутов в виде: Степная дума – инородная управа – родовое управление.

Баргузинская Степная дума является одной из 12 бурятских Степных дум, учрежденных по Уставу 1822 г. На протяжении двух веков, XVIII–XIX вв., с небольшими перерывами, должность главного зайсана, а затем и главного

тайши, руководителя местного самоуправления баргузинских бурят, занимали представители одной династии: Булугун Ивашиев, Босхол Андреев, Цанкир Андреев, Хамнай Цанкиров, Сахар Хамнаев, Константин и Александр Сахаровы.

В этом ряду особое место занимает Сахар Хамнаев, главный тайша баргузинских бурят в 1854–1875 гг. Из современных исследователей попытку определить роль и место Сахара Хамнаева среди баргузинских тайшей предпринял Н.В. Ким. Он указывает, что С. Хамнаев «проявил себя во многих ипостасях: как зачинатель школьного образования у своих сородичей, как активный поборник расширения русско-бурятских связей и как краевед, собиратель материалов по истории, этнографии и фольклору родного народа» [1, с. 66]. Б.Ц. Жалсанова и Л.В. Курас также высоко оценили его роль в истории Баргузинского ведомства: «Он является выдающимся бурятским общественным деятелем. Благодаря своим личным деловым качествам, незаурядному уму и своей многогранной деятельностью он в значительной мере содействовал развитию своего общества» [2, с. 105].

В данной публикации ставится задача исследования жизни и деятельности Сахара Хамнаева, его роли в истории Баргузинского ведомства. В статье использован комплекс документов фондов Баргузинской Степной думы и Баргузинского бурятского приходского училища Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), в которых содержатся документы о тайшах и других родоначальниках, в частности, о Сахаре Хамнаеве. Особую ценность представляют архивные документы фонда Баргузинской Степной думы: общественные приговоры, формулярные списки, следственные дела, ревизские сказки, донесения, послания Сахара Хамнаева Степной думе.

Сахар Хамнаев родился в 1814 г. в семье бурята Хамная Цанкирова и Сойжит Чубулаевой. Его отец был главным тайшой Баргузинской Степной думы в 1827–1846 гг. Сахар был третьим сыном в семье, кроме него было пять сыновей: Николай, Бадма, Суван, Константин, Иван (ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Л. 367 об. – 369). В возрасте 18 лет, в 1832 г., он совершил восьмимесячную поездку в Санкт-Петербург, где был представлен императору Николаю I (Д. 2047. Л. 17–18).

В 1834 г. Хамнаев впервые поступает на общественную службу: он исполняет обязанности помощника своего отца, главного тайши. Удивительно, но факт, что Хамнай Цанкиров выбрал к себе в помощники из своих шести сыновей именно Сахара, судя по документам, человека болезненного, не совсем здорового. Следует предположить, что Сахар, хорошо знающий русскую грамоту и отлично владеющий русским языком, выделялся среди братьев другими качествами, необходимыми для общественной службы: ум, знание законов, дальновидность, гибкость и т. д. В 1838 г. Сахар Хамнаев был произведен в чин XIV класса за «усердие по службе» (Д. 409. Л. 2–2 об.).

В 1841 г. он уходит в отставку по семейным обстоятельствам и занимается домашним хозяйством. 4 сентября 1854 г. Сахар Хамнаев избирается главным тайшой баргузинских бурят. Эти 13 лет «отставки» не прошли для него даром. Уже через полгода после вступления в должность главного тайши он пишет послания Баргузинской Степной думе, в которых излагает свое обстоятельное видение дальнейшего развития Баргузинского ведомства, которое, безусловно, явилось результатом многолетних раздумий.

Письма-послания Сахара Хамнаева на сегодняшний день представляют интерес не только как источник, но и, на наш взгляд, как памятник эпистолярной литературы. Так, в послании от 9 февраля 1855 г. Степной думе им были подняты вопросы «умножения хлебопашества инородцев и ограничения роскоши между ними». Содержание письма свидетельствует о том, что Сахар Хамнаев был лично знаком с Н.Н. Муравьевым-Амурским (Д. 432. Л. 1–9). В своем следующем послании Степной думе Сахар Хамнаев излагает свои взгляды на развитие земледелия в Баргузинском ведомстве (9 февраля 1855 г.), в котором дает подробную инструкцию по земледелию, вплоть до назначения ответственных за распространение земледелия должностных лиц.

Интерес представляет еще один замечательный документ – «Описание образа жизни и хозяйства баргузинских бурят» (1855 г.), написанный Сахаром Хамнаевым для генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского (Д. 450. Л. 1–

23). Безусловно, описание жизни и быта представляют большую источниковую ценность, однако, самым примечательным в этом документе является изложение взглядов С. Хамнаева на развитие хозяйства баргузинских бурят, свидетельствующие о его таланте, как хозяйственника и предпринимателя. Так, он последовательно выступает за развитие скотоводства, земледелия, которые составляют основной источник жизнеобеспечения бурят. Автор подробно описывает выгоды, получаемые бурятами от скотоводства, именно от разведения крупного рогатого скота и овец, при этом отмечает, что «конное стадо не приносит особенную выгоду».

В отличие от многих родоначальников, Сахар Хамнаев ставит вопрос о развитии экономического собственного производства, например, тканей из льна (Д. 450. Л. 4–5). Он пишет о «полезности получения с таких необходимых никому предметов деньги», предлагая заработать деньги на ярмарках путем постройки торговых лавок и предоставления их в аренду приезжим купцам. Идеи о приобретении общественных весов и сдаче их в аренду, о строительстве общественных мельниц, о предоставлении рыболовных тоней в оброчную статью также свидетельствуют о его огромном предпринимательском потенциале.

Об успешной хозяйственной деятельности тайши свидетельствует «Записка об устройстве хозяйственных заведений баргузинских бурят» (1855 г.), в которой подробно описываются результаты его нововведений:

– в 1855 г. в семи бурятских улусах были устроены «самопрядки и станки для ткания сукна и сукманки», обучены эти ремеслам семь буряток (Д. 456. Л. 5). (В 1856 г. по ведомству работало уже 45 самопрядок (Д. 532. Л. 6 об.);

– в 1855 г. было построено пять мельниц. Как пишет Сахар Хамнаев, устройством мельниц инородцы остались весьма довольными, «особенно дальних улусов, тогда как они прежде ездили в русские селения для молотбы хлеба» (Д. 456. Л. 5–13 об.);

– площадь посевов была увеличена с 500 до 1866 $\frac{1}{2}$ дес.; были приобретены 180 сошников на Петровском заводе, установлен надзор должностных лиц думы за водопроводом и распашкой земель;

– «при четырех экономических магазинах вновь построены четыре амбара хозяйственным распоряжением, а один из них выстроен инородцем Енхобо Хонхоевым, который вызвался на мое предложение выстроить безденежно, в пользу общества» (Д. 456. Л. 5–13 об.);

– своими силами были построены новые лодки и плоты на всех перевозах (до этого платили русским крестьянам) и т. д.

Приступив к обязанностям тайши Баргузинской Степной думы, Сахар Хамнаев сократил расходы на содержание местного самоуправления. Прежде всего, он сократил караульного думы, возложив его обязанности на караульного хлебозапасного магазина, который располагался всего в 23 сажнях от здания думы; 12 рассыльных с лошадьми, содержащихся обществом для рассылки почты, возложив их обязанности на междудворных ямщиков; переводчика (толмача) в связи с тем, что все члены думы знают русский язык (Д. 456. Л. 13–13 об.).

Сахар Хамнаев был не только великолепным хозяйственным деятелем, но и занимался вопросами развития просвещения, здравоохранения, сохранения истории, исследованиями этнографии и фольклора баргузинских бурят и тунгусов.

Благодаря его стараниям 20 октября 1844 г. было открыто Баргузинское бурятское приходское училище в улусе Улюнском (Ф. 56. Оп. 1. Д. 138. Л. 52 об.). Именно тайша Сахар Хамнаев «...устроил архив при Баргузинской Степной думе», за что получил благодарность за усердие по службе от ревизовавшего Восточную Сибирь сенатора И.Н. Толстого (Ф. 7. Оп. 1. Д. 409. Л. 2–2 об.).

Сахар Хамнаев принимал активное участие в различных выставках, так, в 1862 г. на выставку сельских произведений в Читу им были отобраны пара сапог юфти из конской кожи, брюки юфтильные, также из конской кожи, теплые бараньи ичиги, варежки из сукна, все товары собственного производства (Д. 1049. Л. 9).

За свою многолетнюю общественную деятельность Сахар Хамнаев неоднократно отмечался вышестоящим начальством. Он был награжден серебряной медалью на Аннинской

ленте для ношения на шее, золотой медалью на Аннинской ленте для ношения на шее за «неутомимое усердие по службе», орденом Святого Станислава 3-й ст. за «усердную службу и особую заботливость к распространению хлебопашества между инородцами», орденом Святой Анны 3-й ст. «за деятельные труды в присоединении Амура к России» (Д. 2047. Л. 17–18).

Сахар Хамнаев со своей семьей исповедовал буддизм, он поддерживал материально и морально буддийское духовенство, и в то же время не оставлял без своей заботы и православие. Как пишет в своем отчете о деятельности миссионерских станов Забайкальской духовной миссии епископ Мартиниан, «в день освящения церкви Баргузинский тайша, человек влиятельный и благоразумный, но к несчастью язычник, в благоговейном восторге от сего торжественного христианского священнодействия высказал желание принести в новоосвященный храм Божий свою лепту – покрыть листовым железом весь купол и снаружи обшить тесом всю церковь» [3, с. 361–362].

При Хамнаеве баргузинские буряты выделили земли Улюнскому миссионерскому стану: общественным приговором от 20 апреля 1873 г. они отвели миссионерскому стану под усадьбу 5 дес., сенокосных 50 дес., а всего 55 дес. (ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1607. Л. 10–10 об.).

С. Хамнаев был знаком с выдающимися учеными того времени и активно сотрудничал с ними. Так, он близко знал Д.П. Давыдова, русского этнографа, поэта и учителя, сыновья Хамнаева даже жили у него на квартире во время учебы в Верхнеудинском уездном училище. Н.В. Ким писал о сотрудничестве Сахара Хамнаева с О.М. Ковалевским, известным ученым монголоведом, профессором Казанского университета, для которого собирал бурятские пословицы и поговорки [1, с. 66]. О его знакомстве с первым бурятским ученым Доржо Банзаровым свидетельствуют баргузинские летописи: «...в 1854 г. ученый ориенталист буддийской веры, окончивший курс в Казанском университете кандидатом – Доржо Банзаров рассказывал бывшему тайше Сахару Хамнаеву, что он читал описание в китайских и маньчжурских историях, что за 1000 лет китайские войска проходили вниз по р. Селенге...» и т. д. [4, с. 31].

Источники свидетельствуют о том, что С. Хамнаев занимался этнографическими, историческими исследованиями. Особое место среди его письменных работ представляет малоизвестный исследователям «Исторический очерк города Баргузина и населяющих его округ инородцев», написанный им не ранее 1880 г. В данной работе он показал себя, безусловно, как человек, обладающий широкими познаниями в истории своего края, этнографическими знаниями. Его подробные описания обрядов богослужения баргузинских лам, традиционной медицины лам, молебнов шаманов представляют большой интерес для современных исследователей.

О его работах над статьями и интересе к печатным материалам свидетельствуют воспоминания Л.В. Аксеновой: «На другой день нашего приезда после утреннего чая Хамнаев просил нас прослушать его статью, приготовленную для напечатания, желая знать наше мнение. Он описывал состояние другой бурятской орды, которую недавно посетил, сравнивал ее положение и состояние со своей, и выражал мнение о том, что следовало бы применить и у своих бурят» [5, с. 740].

В 1875 г. С. Хамнаев уходит в отставку, передав власть своему сыну Константину Цырен Жабу, что было результатом его огромного влияния и авторитета среди баргузинских бурят. Надо отметить, что к этому времени принцип наследственной передачи власти в бурятских ведомствах уже не соблюдался.

Таким образом, исследование жизни и деятельности Сахара Хамнаева на основании архивных документов и других источников позволяет делать вывод о том, что он является выдающимся общественным деятелем баргузинских бурят XIX в., внесшим значительный вклад в экономическое, социальное и политическое развитие Баргузинского ведомства.

Литература

1. Ким Н.В. Вопросы истории становления бурятской национальной историографии в XIX в. // Вопросы историографии истории Бурятии XIX – начала XX в. Улан-Удэ, 1994. С. 64–70.

2. Жалсанова Б.Ц. Курас Л.В. Место Баргузинской Степной думы в истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск: Оттиск, 2013. 160 с.

3. Иркутские епархиальные ведомости. 24 октября 1870 г. № 43. С. 361–362.

4. Востриков А.И. Поппе Н.Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 76 с.

5. Аксенова Л.В. Шесть месяцев в сибирской тайге // Русский вестник. 1880. Т. 145, № 2. С. 735–743.

С.Г. Петров
Новосибирск

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ТОМСКОМ АРХИЕПИСКОПЕ ДИМИТРИИ (БЕЛИКОВЕ)

Это краткое сообщение посвящено выявленным недавно в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге источникам, содержащим сведения о видном сибирском иерархе Русской православной церкви – архиепископе Томском Димитрии, в миру – Дмитрие Никаноровиче Беликове (1852–1932 гг.). Владыка известен как заслуженный профессор Томского императорского университета и почетный член Казанской духовной академии, доктор церковной истории, знаток истории сибирского старообрядчества [1, с. 34–37; 2, с. 491–492; 3, с. 76–77]. До революции о. Димитрий трудился председателем Учебного комитета при Святейшем синоде, был избран от белого духовенства в члены Государственного совета Российской империи [4, с. 17–18]. После прихода к власти большевиков он, возведенный в архиерейский сан, возглавил Омскую, а затем – Томскую епархию. В последние годы жизни стоял во главе григорианского церковного раскола в Сибири [5, с. 61–62; 6, с. 72–77; 7, с. 70–73].

Обнаруженные недавно в РГИА и введенные в научный оборот мной источники – это личное дело председателя Учебного комитета Святейшего синода протоиерея Димитрия Беликова, включающее формулярный список и прило-

женные к нему документы, и рапорт священника из г. Новониколаевска (Новосибирска) Трифона Шостака, адресованный предстоятелю Русской православной церкви патриарху Тихону [8, с. 361–363]. Несомненный интерес представляют и документы, посвященные присвоению о. Димитрию звания почетного члена Казанской духовной академии (РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 264)*. Сведения из этих источников дополняют и уточняют известные факты из биографии сибирского иерарха.

Сохранившееся личное дело уже своим названием говорит о составе и хронологических рамках включенных в него документов: «О службе в Учебном Комитете при Св[ятейшем] Синоде Председателя оного Протоиерея Димитрия Беликова» (Оп. 10 (1907 г.). Д. 97. Л. 1–103). В этом деле, охватывающим период с 1907 по 1914 г., имеется формулярный список и разнородные документы, посвященные службе о. Димитрия на высоком церковном посту, преимущественно – денежным его доходам и всевозможным выплатам. Сам формулярный список с традиционной бланковой формой представляет собой неоднократно правленный текст с многочисленными дополнениями, обусловленными изменениями в служебной жизни протоиерея (Л. 5–18). Первоначальный вариант этого текста составили в январе 1907 г., после прибытия Д.Н. Беликова в Петербург для работы в Государственном совете, когда священника из Томска пригласили еще и преподавать в Петербургском женском педагогическом институте и назначили настоятелем церкви при этом учебном заведении. Последняя запись, фиксирующая его увольнение с высокого поста председателя Учебного комитета, датируется ноябрем 1913 г. Однако данное дело пополнялось и после названной даты, так как о. Димитрий был оставлен настояте-

* Дело имеет следующий заголовок: «Дипломы об избрании директора Хозяйственного управления П.И. Остроумова почетным членом Петербургской духовной академии и председателя Учебного комитета Д.Н. Беликова почетным членом Казанской духовной академии» (1898, 1911 г.).

лем храма Святых отцов семи Вселенских соборов при Святейшем синоде (место, которое он занимал с мая 1908 г.).

Пожалуй, сведения, внесенные в формулярный список из РГИА, отличаются предельной точностью и позволяют проследить этапы жизненного пути о. Димитрия вплоть до весны 1914 г., причем факты петербургского периода его жизни (изменений в служебной деятельности, наградений, назначений пенсионных выплат и многого другого) проверяются приложенными к формулярному списку документами, например, выписками из определений Святейшего синода, на основе которых заполнялись соответствующие графы бланка. Наличие же среди этих документов февральского 1911 г. прошения о награждении Д.Н. Беликова за наибольшую долю труда в пересмотре уставов духовных семинарий и училищ позволяет однозначно говорить о самом активном участии протоиерея в реформе среднего звена учебных заведений Русской православной церкви того времени (Л. 41). Об этой стороне его деятельности на посту председателя Учебного комитета, к сожалению, практически ничего не говорится в современной историографии, освещающей указанную проблему. Сведения же формулярного списка, касающиеся предшествующих периодов (симбирского, казанского и томского) вполне соотносятся с данными из введенных уже в научный оборот, в первую очередь томскими исследователями, исторических источников из региональных архивов.

Помимо служебной биографии рассматриваемое личное дело дает новые сведения и о семье Д.Н. Беликова. Напомню, что его жена – Надежда Степановна Адоратская скончалась в 1903 г. Из четырех детей о. Димитрия в формулярном списке указаны только трое – Борис (род. 28 июня 1883 г.), Нина (род. 9 января 1888 г.) и Екатерина (род. 4 июля 1889 г.) (Л. 6). Не указан Глеб, что позволяет сделать вывод о его кончине еще до отъезда Беликовых в Петербург. Нина в формулярном списке зачеркнута. Это бюрократическая корректировка перечня детей также позволяет установить, хотя бы приблизительно, время ее смерти. Среди удостоверений, выданных дочерям о. Димитрия для поездок к родственникам и на лечение, самое позднее с именем Нины

датировано 10 мая 1910 г. (Л. 35). В этом удостоверении срок пребывания на лечении был ограничен началом сентября 1910 г. Вероятно, учитывать здесь нужно и мартовскую 1911 г. телеграмму членов Учебного комитета с пожеланиями скорейшего выздоровления тяжело заболевшему о. Димитрию. Не исключено, что болезнь его была последствием переживаний, связанных с уходом дочери в мир иной (Л. 44–45).

Весьма любопытны включенные в личное дело Д.Н. Беликова вырезки с публикациями о нем из столичных газет «Свет», «Вечернее время», «Биржевые ведомости», «Речь», «Гражданин», «Новое время» с июля 1912 по ноябрь 1913 г. (Л. 74, 76, 77, 79–81, 82а, 85, 88). Статьи из этих периодических изданий специально подбирало и присылало в Учебный комитет Осведомительное бюро Главного управления по делам печати МВД. Из подборки газетных публикаций, освещающих в основном увольнение протоиерея Беликова с поста председателя Учебного комитета, видно, что пресса считала его жертвой учебно-духовных реформ и выражала ему свое сочувствие. Виновниками отставки «прогрессивного» протоиерея считались стойкие противники предложенных им новых уставов для духовных семинарий и училищ – архиепископы Сергей (И.Н. Страгородский) и Антоний (А.П. Храповицкий).

Рапорт священника Трифона Шостака патриарху Тихону от 23 августа 1923 г. раскрывает механизм назначения владыки Димитрия на томскую архиерейскую кафедру в условиях инспирированного большевиками обновленческого церковного раскола (Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 76–76 об.), когда подавляющее большинство законных архиереев были устранены, а вместо них делами заправляли схизматические архипастыри. До сих пор в историографии по данному вопросу не было точных данных. Как следует из рапорта, инициатива назначения его исходила из Новониколаевска, где местное духовенство решило использовать сложившуюся ситуацию в интересах Томской епархии, оставшейся без архиерея. Напомню, что временно управляющий епархией епископ Виктор (В.С. Богоявленский) к этому времени был осужден за сопротивление изъятию церковных

ценностей, а назначенный патриархом на епархиальную кафедру епископ Андрей (А.А. Ухтомский) не смог прибыть в Томск. Изгнанный же обновленческими раскольниками из Омска архиепископ Димитрий, по всей видимости, благодаря ходатайству высокопоставленного родственника В.В. Адоратского перед видным сибирским большевиком В.Д. Вегманом [9, с. 256–257], определил Томск местом своего проживания.

Все это и позволило новониколаевскому священнику Трифону Шостаку обратиться к патриарху с просьбой дать указание Димитрию «взять на себя руководство и управление православными приходами всей Томской Епархией с ее Викариатствами Бийским, Барнаульским и Ново-Николаевским до его возвращения на Омскую кафедру или до приезда по местам епископов» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 76 об.). Резолюцией патриарха Тихона от 24 августа 1923 г. архиепископ Димитрий был назначен временно управляющим оставшимися верными первосвятителю приходами Томской епархии и ее викариатств (Л. 76, 326). В мае 1924 г. в списках членов формируемого патриархом Священного синода Русской православной церкви владыка уже значился как правящий архиерей Томской епархии [10, с. 370–371].

Несомненно, рассмотренные выше источники, выявленные в фондах РГИА, дополняют и корректируют известные факты из биографии томского архиепископа Димитрия (Беликова), уточняют наши представления о пройденном им жизненном пути.

Литература

1. Луков Е.В. Беликов Дмитрий Никанорович // Профессора Томского университета: биогр. слов. Томск, 1996. Вып. 1.
2. Покровский Н.Н. Димитрий (Беликов Дмитрий Никанорович) // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1.
3. Фоминых С.В. Беликов Д.Н. // Профессора медицинского факультета Императорского (Государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): биогр. слов. Томск, 2004. Т. 1.

4. Бородин А.П. Беликов Дмитрий Никанорович // Государственный совет Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.
5. Дмитриенко Н.М. Беликов Дмитрий Никанорович // Энциклопедия Томской области. Томск, 2008. Т. 1.
6. Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи: биографический словарь. 1834–2002. Томск, 2002.
7. Ковырзин К.В. Дмитрий (Беликов Дмитрий Никанорович) // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XV.
8. Петров С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (источниковедческое исследование). Новосибирск, 2013.
9. Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: Сб. док к 90-летию Сибархива / сост. Л.С. Пашенко, Е.А. Мамонтова, С.Г. Петров, Л.И. Пыстина. Новосибирск, 2010.
10. Следственное дело патриарха Тихона: сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / гл. ред. протоиерей В.Н. Воробьев, отв. сост. Н.А. Кривова. М., 2000.

*Д.Н. Москаленская
Новосибирск*

ЛИЧНЫЕ ДЕЛА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ- «ЛИШЕНЦЕВ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ

На протяжении 1918–1936 гг. в советском государстве действовала ограничительно-дискриминационная мера, выражавшаяся в лишении избирательных прав части граждан. Ее особенностью и отличием от других избирательных цензов являлось наличие ряда дополнительных ограничений в социальных и гражданских правах. По Конституции 1918 г. к «лишенцам» относились лица, живущие на нетрудовой доход, использующие наемный труд с целью извлечения прибыли, частные торговцы, монахи и духовные служители церквей и религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции, душевнобольные, осужденные. Положения Конституции детализировались, дополнялись, пояснялись Инструкциями о выборах в Советы, и в дальнейшем список лишае-

мых избирательных прав дополнился членами семьи «лишенца», находящимися на его иждивении. С конца 1920-х гг. делопроизводство, связанное с лишением избирательных прав стало более упорядоченным, и начали формироваться личные дела «лишенцев».

Исследования, базирующиеся на личных делах «лишенцев» появляются с начала 1990-х гг. Проводится изучение «лишенцев» отдельных регионов, в т. ч. Сибири [1; 2], вырабатываются методы в изучении данной проблематики. При изучении личных дел «лишенцев» исследователи используют количественные методы, в этом отношении особо необходимо отметить работу московских исследователей «Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы», в которой применены новейшие методы источниковедческого анализа. Была разработана компьютерная модель личного дела и использована источникориентированная система KLEIO [3].

На основе данных личных дел изучаются и различные категории «лишенцев». Среди них особый интерес представляет группа священнослужителей [4]. Особенность положения православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» внутри группы «лишенцев» состояла в том, что, в отличие от других крайне разнородных по своему составу категорий, священно- и церковнослужители являлись органичной частью действовавшей церковной организации.

Целью данного исследования является анализ личных дел православных священнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири как источника для создания коллективной биографии. Работа базируется на материалах личных дел 30 районов Западносибирского края, хранящихся в Государственном архиве Новосибирской, Томской областей и Алтайского края.

При работе с делами «лишенцев» использовалась методика «унифицированной» анкеты. При определении информационных полей базы данных брались пункты анкет из личных дел и признаки, ответы на которые содержатся в большинстве личных дел. База данных подготовлена с использованием программы Microsoft Excel, включает 51 поле и

содержит информацию о 326 «лишенцах». Чтобы сохранить информацию из источника, касающуюся каждого «лишенца», и иметь возможность анализировать данные, были выделены поля с формализованной информацией и поля, воспроизводящие информацию источника.

Личные дела «лишенцев» крайне разнородны как по объему, так и по составу документов. Процедура рассмотрения заявления «лишенца» предполагала участие в ней нескольких сторон, субъектов дела: 1) «лишенца»; 2) различных физических и юридических лиц, характеризовавших личность лишенца и подтверждавших или опровергавших факты его биографии; 3) членов избирательной комиссии. В соответствии с этим в комплексе документов личного дела выделяют три группы: 1) личные документы «лишенцев»; 2) сопроводительные документы; 3) документы комиссии [3, с. 52].

Первую группу составляют документы, написанные непосредственно самим «лишенцем» или с его слов, в том случае, если проситель был неграмотен (среди священнослужителей таковых не встречалось, но часть псаломщиков и старост писать не умели). К данной группе относятся жалобы и ходатайства в избирательные и налоговые комиссии, а также карточки и анкеты. Священнослужители, оставившие службу в церкви, обращались с заявлениями о восстановлении в избирательные комиссии, а продолжавшие служить – с просьбами о снижении налогообложения.

Ценность данной группы документов заключается в том, что в них зачастую отражается не только период времени, связанный с лишением и попыткой восстановиться в избирательных правах, но и весь предшествующий жизненный путь. Многие священнослужители начинали свои заявления с описания всей своей биографии. Сложность в обработке данного массива заключается в нарративном характере информации. Но если в заявлениях сведения представлены в неформализованном виде, то анкеты и карточки «лишенца» несут более упорядоченную информацию. Хотя и в этом случае возникают сложности, так как единого формуляра анкеты и карточки не существовало и в разных районах и городах

они различались. Особенно разнилась информация у сельских и городских священнослужителей-«лишенцев». У городских «лишенцев» в деле присутствовала анкета-опросник, содержащая информацию о месте и времени рождения, образовании, социальном происхождении, местах работы, членстве в профсоюзе, участии в гражданской войне на стороне Белой или Красной армий. В делах сельских «лишенцев» таких анкет нет, вместо них заводились карточки, которые отражают состав хозяйства, но несут мало сведений о самом «лишенце». Хотя в некоторых районах в карточках и содержался вопрос о деятельности до революции, но заполнялся он не всегда. Кроме того, зачастую в качестве причины лишения избирательных прав указывалась общая формулировка «служитель религиозного культа» без какой-либо конкретизации.

Вторую группу составляют сопроводительные материалы. Для того, чтобы повысить шансы на восстановление в избирательных правах, «лишенец» старался документально подтвердить факты, изложенные в заявлении. Кроме того, члены избирательной комиссии могли обращаться с запросами в различные органы для сбора более полной информации о «лишенце». Данная группа очень разнообразна по составу, к ней относятся справки с работы, учебы, места жительства, от приходских советов, справки о социальном положении, о налогах и доходах. Сюда же относятся справки о состоянии здоровья, копии свидетельств о расторжении брака, свидетельств о смерти. Встречаются копии или оригиналы трудовых книжек, профсоюзных билетов, окладные листы, удостоверения от частных лиц (например, коллективное письмо от жителей села), доносы на «лишенцев».

Данные сопроводительных документов значительно дополняют сведения, полученные из заявлений. Однако это не означает, что сопроводительные документы менее тенденциозны. На содержание многих документов «лишенец» мог оказать влияние – различные отзывы, характеристики, справки с работы, например, от членов приходского совета. Еще более тенденциозные сведения содержат доносы соседей. Поэтому необходимо сопоставлять сведения из разных видов докумен-

тов, чтобы иметь возможность объективно судить о «лишенце».

В третью группу входят документы, составленные в избирательной комиссии, отражающие ход и этапы рассмотрения дела. К ним относятся выписки из протоколов избирательных комиссий с решением по делу, резолюции комиссии с обоснованием того или иного решения, промежуточные директивные указания.

Для частичной верификации сведений личных дел и дополнения базы данных использовалась справочная книга по Томской епархии за 1914 год [2], так как большая часть священнослужителей начали свою службу до революции. Она содержит сведения о годе рождения, образовании и времени рукоположения священнослужителей.

На основе материалов личных дел можно получить информацию о времени и месте рождения, образовании, составе семьи, социальном происхождении, имущественном положении, времени начала и окончания службы в церкви, последующих местах работы священнослужителя-«лишенца». Созданная база данных позволяет проследить динамику обращений священнослужителей в избирательные комиссии, а также динамику восстановления в избирательных правах.

Таким образом, материалы личных дел священнослужителей-«лишенцев», формализованные и упорядоченные с помощью электронной базы данных, позволяют воссоздать социокультурный облик православного духовенства конца 1920-х – 1930-х гг. Личные дела являются ценным источником по социальной истории и истории повседневности.

Литература

1. Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917 – конец 1930-х гг. Новосибирск, 1998.

2. Саламатова М.С. Лишение избирательных прав в Советской России 1918–1936 гг. (итоги изучения) // Маргиналы в советском обществе 1920–1930-х гг.: историография, источники. Новосибирск, 2001. С. 3–37.

3. Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998.

4. Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 119–129.

*Л.Е. Винокурова
Якутск*

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ: П.А.ОЙУНСКИЙ

1920-е гг. в истории Якутии, как и всей страны, – один из самых событийных периодов. В феврале 1920 г. при Сибревкоме было образовано Сибирское областное управление архивным делом (Сибархив), в ведении которого находились губернские архивы, в т. ч. в Якутске. Заведующим архивом Якутской области был назначен Е.Д. Стрелов (историк-архивист, ученый-археолог) [1, с. 46]. В 1922 г. после образования Якутской Автономной Советской Социалистической Республики архив получил статус Центрального государственного архива ЯАССР, позже – Национального архива Республики Саха (Якутия). Отложившиеся в нем документы советского периода отражают борьбу за установление советской власти в Якутии и ее первые мероприятия по осуществлению социально-экономических и культурных преобразований [2, с. 271].

В современный период для исследователей большой интерес представляет государственная деятельность сформировавшейся в Якутии в 1920-е гг. партийно-советской элиты Якутии. В связи с этим интерес представляет личность П.А. Ойунского (Слепцова) – одного из руководителей развития и становления государственности республики. Есть люди, чей авторитет и прожитая жизнь не позволяют говорить о них в прошедшем времени, так как их дела и помыслы живут в настоящем. К таким личностям относится Платон Алексеевич. Он родился в III Жехсогонском наслеге Таттинского улуса Якутской области. Начало его революционной и литературной деятельности относится к

марту 1917 г. В 1917–1918 гг. он учился в Томском учительском институте, в 1918–1922 гг. участвовал в борьбе за установление советской власти в Якутии, в 1922 г. – председатель СНК ЯАССР, затем председатель ЯЦИК. Член ЦИК СССР II и III созывов, делегат X съезда РКП(б), XI Всероссийского, II Всесоюзного съездов Советов и I Всесоюзного съезда советских писателей, где был избран членом правления Союза писателей СССР. На I Всеякутской конференции советских писателей (1934 г.) избран председателем правления Якутского отделения Союза писателей СССР.

В 1935 г. в Институте национальностей при ЦИК СССР П.А. Ойунский защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата лингвистических наук и стал директором созданного по его инициативе Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК Якутской АССР. В декабре 1937 г. был избран депутатом Верховного Совета Союза ССР, а в начале 1938 г. необоснованно арестован и 31 октября 1939 г. умер в якутской тюрьме. Реабилитирован в декабре 1955 г. [3, с. 7].

С середины 1980-х гг. исследователи стали интенсивно вводить в научный оборот новые источники, доказывать необходимость специального изучения теоретического наследия П.А. Ойунского. В фондах Национального архива Республики Саха (Якутия) хранятся дела, свидетельствующие об участии П.А. Ойунского в общественно-политических процессах в Якутии. Эти документы позволяют определить его позицию по отношению к общественно-политическим событиям, а также показать его видение будущего национально-государственного устройства Якутии.

Среди архивных документов можно выделить отдельные группы. Первая – это источники личного происхождения: телеграммы, черновые записи, свидетельствующие о происходивших событиях и позиции их автора; личные письма (в основном к М.К. Аммосову), сохранившиеся в составе личного архива М.К. Аммосова.

Вторая группа источников представлена партийными документами и подготовительными материалами к ним: рукописи, а это черновые варианты многих официальных до-

кументов, докладные записки, постановления, отчеты. Среди них особое место занимают «Декларация прав и обязанностей трудящихся ЯАССР», «Манифест ревкома ЯАССР», «Проект постановления Положения ВЦИК об образовании ЯАССР» и др. Следует заметить, что многие из них являются черновыми записями; некоторые не датированы; значительную часть материалов составляют рукописные протокольные записи, написанные неразборчивым почерком и содержащие пропуски.

Во многих сборниках документов, опубликованных в 1980-е гг. архивные материалы опубликованы с купюрами. В частности, в сборник документов «Образование Якутской АССР (1917–1923 гг.)» вошла лишь часть важнейших документов. Так, например, составители, публикуя «Протокол совещания по вопросу о присоединении Якутской области к Иркутской губернии на правах особого района» (9 мая 1920 г.), опустили выступление П.А. Ойунского [4, с. 34]. Кроме того, в сборнике из доклада «Об автономии Якутии» (26 апреля 1921 г.) напечатана лишь выдержка и его заключительная часть [с. 56]. Полный текст доклада хранится в НА РС(Я).

В 1935–1937 гг. П.А. Ойунский был директором НИИ языка и культуры при СНК ЯАССР. Платон Алексеевич в период своей деятельности на посту директора сумел провести значительную работу по научно-организационному становлению института. За короткий период он сумел, используя свои широкие знания, опыт и огромный авторитет, сплотить первых немногочисленных ученых республики и наметить основные направления гуманитарного исследования в Якутии. В связи с этим представляет интерес выявленная нами докладная записка П.А. Ойунского руководству республики «Об организации Якутской секции при монгольском кабинете Института востоковедения Академии наук СССР» от 13 апреля 1937 г.

Этот документ хранится в НА РС(Я) (Ф. 52. Оп. 15. Д. 212. Л. 1–3). Он напечатан на писчей бумаге формата А4 и содержит рукописную правку ученого секретаря Института А.Г. Мординова. Докладная записка публикуется впервые, в соответствии с современными правилами правописания сохранены особенности стиля автора документа. Данный доку-

мент имеет определенную ценность, ибо освещает малоизученную страницу деятельности П.А. Ойунского на посту директора Института языка, литературы и истории при СНК ЯАССР: «Разработка вопросов истории Якутии, истории материальной и духовной культуры и особенно истории национально-освободительных движений ее народов у нас местными силами встречает огромные затруднения, ибо:

1) Нет достаточно квалифицированных сил.

2) Наиболее ценные архивные материалы из Якутии вывезены в центр (Москва, Ленинград, Иркутск).

3) Ввиду отсутствия подготовленных, сложившихся научных сил мы не имеем возможности быстро вырастить молодые научные кадры. Этой возможности у нас не будет в течение ближайших лет.

В силу вышеизложенного вытекает необходимость правительству ЯАССР возбудить перед Академией наук СССР вопрос об организации Якутской секции при Монгольском кабинете Института востоковедения в АН.

Секция должна в ближайшие 3–4 года заниматься:

1) Подготовкой к переизданию на новом алфавите словаря Э.К. Пекарского.

2) Изучением и подготовкой к печати материалов В.М. Ионова (вопросы культуры и быта якутов, фольклорные материалы). Материалы эти находятся в институте востоковедения.

3) Разработкой и изданием архивных документов по истории Якутии (на базе материалов Сената, головной комиссии Сената и др.).

Якутская секция в своей работе будет располагать гораздо большими возможностями и в виду наличия высококвалифицированных работников в Институте востоковедения, и в виду непосредственного руководства им (Так в тексте. – Л. В.) Академии наук. Расходы по содержанию аппарата секции нес бы сам Институт *востоковедения*^{*}, а финансирование издательской и исследовательской работы осу-

* Здесь и далее выделенные курсивом слова отражают рукописные правки текста черными чернилами, сделанные ученым секретарем А.Г. Мординовым.

ществлялось бы *Академией наук* и правительством Якутии через Институт языка и культуры. Якутия, дала бы 2–3 работников для секции получая, таким образом, через 2–3 года квалифицированных научных работников для нашего Института языка и культуры.

Таким образом, Якутская АССР заинтересована в организации этой секции, так как она провела бы в течение 4–5 лет такую работу, которую мы своими силами закончим в течение может 10–15 лет при трате средств в несколько раз превышающих расходы секции на эту же работу, да еще с вероятно низким качеством продукции ввиду недостатка у нас высококвалифицированных научных работников. Мы заинтересованы в организации этой секции еще и потому, что она поможет нам подготовить квалифицированные кадры, знакомые со всеми материалами богатейших архивов Союза СССР.

Секция эта также поможет быстро расти нашему Институту, т. к. она, [как] видно из вышеизложенного, будет заниматься, главным образом, научной обработкой, редактированием и изданием готовых архивных материалов, которые будут положены в основу исследовательской работы нашего Института. Росту Института будет способствовать и то, что финансирование ученой работы Якутской секции будет осуществляться *отчасти* через него, т. е. Институт в состоянии будет направлять деятельность ее по линии разработки наиболее актуальных с точки зрения партийных и правительственных организаций Якутии материалов.

Излагая все это, Институт языка и культуры просит ЯАССР ходатайствовать перед президиумом всесоюзной Академии наук об организации в 1937 г. Якутской секции при монгольском кабинете Института востоковедения».

Таким образом, извлеченные из архива документы позволяют специалистам более последовательно показать взгляды П.А. Ойунского, формирование его, пересмотреть некоторые оценки, в частности составить наиболее полное представление о его государственной деятельности.

Литература

1. Архивное дело в Якутии: сб. док. / сост. Н.С. Степанова, В.В. Горохова, И.Н. Каженкина и др. Якутск: Бичик, 2011. С. 46.
2. Энциклопедия Якутии. М., 2000. С. 271.
3. Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований академии наук РС(Я): Биобиблиогр. справ. Якутск, 2005. С. 7.
4. Образование Якутской АССР (1917–1923 гг.). Сб. док. и мат. Якутск: Кн. изд-во, 1982. С. 34, 56.

Е.А. Мамонтова
Новосибирск

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ БИОГРАФИИ ГРИГОРИЯ ИВАНОВИЧА ЖЕРНОВКОВА

При подготовке биографических статей путеводителя по личным фондам и документам личного происхождения Государственного архива Новосибирской области (ГАНО) были тщательно подобраны, пересмотрены и уточнены сведения из уже ранее публиковавшихся документов, выявлены новые документальные источники по каждой биографии. Один из примеров – работа над биографией Г.И. Жерновкова. Политик, общественный деятель, публицист, краевед играл заметную роль в общественно-политической жизни Новониколаевска – Новосибирска. Его деятельность началась еще до революции и продолжалась в советское время, и он единственный деятель, кто оставил такой крупный по объему и по временным рамкам комплекс документов личного происхождения. Документы были обнаружены в 1972 г. при сносе его дома в пойме р. Каменки по адресу: ул. Рабочая, 46. Владелец архива была одна из его дочерей, которая и передала документы в разные руки, многое оказалось утрачено. Но все же часть архива попала в ГАНО в 1972 г. и тогда же была описана; часть стала собственностью краеведов и библиофилов С.А. Савченко и Мамаева. При подготовке биографической статьи для путеводителя использовались материалы личного фонда Д-38 ГАНО (отметим, кстати, что весь ком-

плекс документов личного фонда еще не стал объектом тщательного полноценного исследования). Кроме того, биографические документы Г.И. Жерновкова выявлены в фондах Сибплана, Сибревкома, Сибирского и новониколаевских уездного и губернского отделов народного образования. Значительное количество документов о деятельности Г.И. Жерновкова, как гласного городской думы, выявлено в фонде Новониколаевской городской управы. Кроме того, архивисты в 2014 г. получили возможность ознакомиться с дневником Жерновкова, который сейчас находится частных руках. Документы личного фонда относятся к периоду не позднее 1928 г., выявленные в других фондах ГАНО – к первой половине 1920-х гг., записи дневника относятся к 1936–1937 гг.

Биография Г.И. Жерновкова – это прежде всего биография общественного деятеля. За революционную деятельность, еще будучи студентом Казанского университета, он подвергся обыскам и тюремному заключению (1898 г.), ссылке (1902 г.), после которой вынужден был эмигрировать (в Париже проучился некоторое время в Русской школе общественного и естественных наук). Закончил образование в Томском университете (1906 г.) и во время учебы (в 1905 г.) еще раз пострадал за свои революционные убеждения: был уволен со службы в управлении Томской железной дороги как член забастовочного комитета.

В Новониколаевск Жерновков приехал в 1906 г., работал корректором, журналистом в нескольких городских газетах, его имя стоит в истории новониколаевской журналистики рядом с именем Н.П. Литвинова. С 1907 г. занялся адвокатской практикой: в материалах его личного фонда в ГАНО примерно половину составляют материалы судебных (в основном имущественных) дел, которые он вел. В 1909 г. избран гласным Новониколаевской городской думы. В протоколах заседаний городской думы часто встречается его имя в связи с обсуждением различных проектов, важных для функционирования городского хозяйства, а также и в отчетах различных комиссий думы и управы. С 1914 г. он работал в Новониколаевском отделе Всероссийского Союза городов. Григорий Иванович, будучи гласным городской думы, пробыл в

городе весь период до декабря 1919 г., до прихода Красной армии, занимаясь организацией повседневной жизни города в тяжелых военных условиях, хотя часть его коллег покидали свои посты. Его усилиями были сохранены архивные фонды новониколаевских учреждений и организаций (Новониколаевской городской управы и думы, Новониколаевского реального училища, очень ценный и полный по составу архивный фонд всесибирской кооперативной организации «Закупсбыт» (центр организации находился в г. Новониколаевск) и др.), и эти комплексы документов стали ядром Новониколаевского губернского архива. Примечательно, что он выступал и берегателем культурных ценностей, будучи председателем созданного в 1913 г. Новониколаевского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (с центром в Петербурге). Отметим, что в личном фонде Жерновкова сохранилось письмо к нему Г.Н. Потанина с поздравлением по поводу избрания и с обсуждением программы работ отдела (ГАНУ. Ф. Д-38. Оп. 1. Д. 143). После восстановления Советской власти вместе с В.А. Анзимировым он стал основателем Новониколаевского губернского музея (в анкете, которая отложилась в его личном деле сотрудника Сибплана, он указал, что работает в Новониколаевском губоно лаборантом-инструктором краеведческого музея и председателем Совета музея) (Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1953). Еще в годы войны Жерновков был избран председателем построечной комиссии Народного Дома в Новониколаевске (успели построить фундамент, но потом стройка была разграблена). И он вернулся к обсуждению этого вопроса 20 января 1920 г. на заседании коллегии Новониколаевского губоно, выступив с предложением возобновить строительство «используя всемерно революционный подъем и творческий энтузиазм народа» (Ф. Р-1349. Оп. 1. Д. 19. Л. 60–60 об.). И это очень характерно для Жерновкова, даже по стилю его высказываний видно, что революционность его имела внеклассовый, общедемократический характер. По политическим убеждениям он являлся областником, после Февральской революции вступил в Сибирский союз социалистов-федералистов, в октябре 1917 г. на съезде областников был избран в состав Сибирского областного исполнительного ко-

митета. В 1920–1928 гг. Жерновков работал консультантом-экономистом в Сибревкоме, юристом в губоно, юристом в экономической секции Сибплана, секретарем дирекции в Сибгосторге, экономистом в управлении «Сибстройпуть».

Дневник является очень ценным и редким источником, характеризующим не только самого Г.И. Жерновкова, но и реалии жизни Сибири 1930-х гг. Дневниковые записи он вел в пронумерованных школьных тетрадях, обнаружены только две из них – № 2 и 3. В тетради № 2 велись записи с 20 декабря 1936 г. по 28 апреля 1937 г., в тетради № 3 – с 30 апреля по 24 августа 1937 г.; тетрадь № 3 обрывается на середине фразы. Дневник позволяет уточнить некоторые детали его биографии. С декабря 1936 г. и до своего отстранения от должности 15 апреля 1937 г. Жерновков работал в пос. Гольбштадт Немецкого района заведующим опорным пунктом Западно-Сибирской опытной зональной станции плодово-ягодных культур Центрального НИИ плодоводства им. Мичурина.

В дневнике описываются каждодневные хлопоты по отводу земельного участка, по закладке плодового-ягодного питомника, «выбиванию», а точнее сказать, выпрашиванию полагающихся по сметам денежных средств. Работая в своей должности, Григорий Иванович, по своему старому обыкновению, прикидывает, какой бы общественный проект можно было осуществить. Так, он прорабатывает предложение об организации водоснабжения пос. Гольбштадт с использованием мелиоративных сооружений питомника Агролеса и опорного опытного плодоводческого пункта. В местной школе, кроме того, ведет юннатский кружок. Жерновков описывает, как ему приходится бороться с чиновничьим произволом, его возмущает обстановка бесхозяйственности, в которой он вынужден работать. Он характеризует себя человеком, «выпавшим из времени», никому не нужны здесь его знания и опыт. «Какой же я, следовательно, низкий человек в [их] глазах, что со мной можно не считаться... Вероятно, я здесь в их глазах выгляжу каким-нибудь “чортом малеванным”, вроде “фашист”, “троцкист”, да мало ли». Когда он был уволен, то дела ему пришлось передавать работнику, ко-

торый не вполне владел даже четырьмя арифметическими действиями, о чем с большой иронией повествует в своих записях Григорий Иванович.

Одно из рассуждений автора дневника заставляет согласиться с оценкой Жерновкова как «советского областника», который признавал советскую власть, считая, то она претворяет в жизнь в Сибири программу областников. Он пишет в дневнике о случае, когда во время полевых работ, которые он организовывал на опорном пункте, колхозники отказались работать при низких расценках: «Петерс (помощник Жерновкова. – *Е. М.*) пришел возмущенный вероломством колхозников. Он еще не понял, что это совершенно сознательный саботаж советской работы, характернейшее явление в жизни “американцев” Немецкого района. Они мстят за то, что не удалось им уехать в Америку, откуда пишут пробравшиеся (Парагвай, Мексика), что там живут недурно – своеобразный “фашизм в Немецком районе”».

Записи в тетради № 3 относятся ко времени пребывания Жерновкова в г. Мичуринске Воронежской области, где он обучается на курсах при ЦНИИ им. Мичурина, надеясь вернуться в Кулунду на опытную станцию. Но при этом чувствует какую-то шаткость своего положения: уже месяц проживает на квартире без прописки; в дневнике воспроизводит свой разговор с соседом (по-видимому, это советский работник), который выведен под инициалами «А.И»: – Да, а вы знаете? М. 3-го дня спрашивал тогда после урока эсперанто – кто такой, да что он делает?» «И глаза его округлились, бородка выдвинулась вперед, ощетинилась» – замечает Жерновков. Тетрадь заканчивается славословием советской власти и НКВД. Обращаясь в письме, которое приводится в дневнике к уже упомянутому А.И. (письмо, конечно же, не было никуда отослано) он пишет: «Конечно, были годы для нас, уходящих корнями... в мрачное дореволюционное подполье [когда] и нас стариков держали в подозрении. И над Вашей головой пронеслась Нарымская непогода неправды, говорите? Да! И у Вас прощупывали нутро, как и у всех... И это революцией оправдано, как необходимость, но это все сегодня миновало... НКВД, умудренное опытом десятилетий,

уже видит в нас, с боем подошедших к советской власти, ядреных республиканцев не за страх, а за совесть, подкупленных чарами слов драгоценных “родина”, “отечество”, “человечество”, дорожайших идеологических ценностей нашего всегда интернационального сознания... но сначала патриот, потом космополит. Сегодня мы первосортная соль земли советской...» А на последней странице рукой Жерновкова переписан текст песни из как раз вышедшего тогда фильма «Дети капитана Гранта». Представляется, что здесь не маскировка текста под определенный стандарт на случай, если записи попадут в руки «органов», а скорее наивность и запоздалый революционный романтизм. Хотя он описал, например, инцидент, когда в вагоне поезда сделал замечание попутчику, который оказался сотрудником НКВД, тот осыпал Жерновкова отборной бранью и угрозами, пообещал с ним посчитаться, дескать, разболтался старик, в подвале не сживал. Между тем, Григорий Иванович испытал на себе действие репрессий, будучи приговорен в 1928 г. коллегией ОГПУ к трехлетней ссылке по обвинению в антисоветской агитации (ст. 58-10 УК РСФСР). Из-за неполноты источников пока не удается установить многие детали биографии, в т. ч. даты жизни – в одних публикациях указан год смерти 1938, в других – 1937.

*А.А. Николаев
Новосибирск*

В.Н. ОСТАЛЬЦЕВ – ВИДНЫЙ ОРГАНИЗАТОР ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В СИБИРИ

В.Н. Остальцев – первый председатель Правления Закупсбыта, сыгравший ведущую роль в его учреждении и разработке принципов и стратегии развития. Основные вехи его жизненного пути с рождения до декабря 1925 г. стали известны во второй половине 1990-х годов после выявления его автобиографии в музее Новосибирского областного союза потребительской кооперации. Документ, как часть более

объемного дела, поступил Государственный архив Новосибирской области хранение 3 июня 1997 г. и опубликован в сборнике документов по истории Закупсбыта (1999 г.). Выявленные в дальнейшем документы (анкеты, листки по учету кадров ответственных работников Сибирского отделения Центросоюза, делопроизводственная переписка) подтверждают сведения автобиографии, написанной В.Н. Остальцевым в декабре 1925 г., когда он работал в Сибирском отделении Центросоюза. Более сложным, оказалось, последить дальнейший жизненный путь.

В.Н. Остальцев родился в 24 декабря 1882 г. в г. Елабуге, Вятской губернии в бедной семье. Отец и его ближайшие родственники летом занимались рыболовством на р. Каме, а зимой служили у частных предпринимателей. Мать добывала средства поденными работами. Судьба с раннего детства послала мальчику тяжелые испытания. В 1887 г. умер отец, а в 1894 г. от скоротечной чахотки скончались мать. До 1894 г. он жил на иждивении родного дяди, тоже рыбака, помогая ему в промысле в летнюю пору, а зимой обучался в начальной земской школе в Елабуге. Закончив ее в 12-летнем возрасте, он поступил мальчиком в торговый дом Д.Г. Ижболдина с сыновьями. Трудное детство закалило молодой характер, а приобретенная торговая практика послужила началом профессиональной карьеры. В торговом доме Д.Г. Ижболдина он проработал восемь лет, причем уже в возрасте 18 лет занял достаточно высокую профессиональную должность служащего.

Достигнув совершеннолетия и приобретя у Д.Г. Ижболдина навыки коммерческой деятельности, В.Н. Остальцев активно занялся в 1900-е годы поиском новой работы, которая могла бы не только дать средства к существованию, но и обеспечить карьерный рост. В 1902 г. он переезжает в губернский центр Сибири город Томск и поступает в товарищество Второва приказчиком по мануфактурному отделу. Разразившаяся русско-японская война отрывает его от гражданской службы. В конце 1904 г. он призывается в армию и поступает в распоряжение тыловой службы в качестве писаря при Томской команде. Через девять месяцев демобилизуется по болез-

ни, вновь поступая в фирму Второва, но уже в Бийске, где работал до 1906 г. Революционно-реформистские настроения, охватившие городскую молодежь в годы Первой русской революции, оказали влияние на формирование мировоззрения В.Н. Остальцева. Работая в частных кампаниях, он понимает необходимость создания институтов по защите социальных гарантий наемного труда и принимает участие в организации профсоюза торгово-промышленных служащих в Бийске. Хозяева увольняют способного организатора торговли и создают негативное реноме на местном рынке труда. Вернувшись в Томск он поступает на службу в чайную фирму «Торговый дом Вогау и К^о» в качестве районного продавца чаев. В 1907–1909 гг. служит в частных фирмах Бокарева в Тюкалинске и товариществе братьев Хейфиц в Мариинске. На этом заканчивается его работа в частных фирмах в качестве наемного работника.

Достигнув 27-летнего возраста, В.Н. Остальцев имел за плечами, начальную земскую школу, армейскую службу и богатую практику в частных торговых кампаниях. Скорее всего, этот человек обладал обостренным чувством социальной справедливости и активной гражданской позицией. Увольнение за попытку организации профсоюза торгово-промышленных служащих, дало ему импульс к поиску других институтов защиты наемного труда. Детально изучив опыт организации частной торговли в крупных сибирских городах, В.Н. Остальцев обращает внимание на новые социально ориентированные формы организации бизнеса. Еще проживая в Мариинске, он начал работу по организации потребительской кооперации, и в частности стал одним из учредителей первого Мариинского общества потребителей, которое стало впоследствии организующим и объединяющим центром для всей потребкооперации Мариинского уезда и трансформировалось в Союз кооперативов. В 1910 г. переезжает в Барнаул и устраивается на постоянную работу в Общество потребителей «Труженик», а в 1911 г. поступает на службу в Союз сибирских маслодельных артелей сначала в качестве инструктора, а потом заведующего торговым отделом в Кургане. Здесь работает до середины 1914 г., внося большой вклад в развитие экспортного маслоделия в Сибири. В

удостоверении-характеристике от 20 мая 1914 г., сообщалось, что при исполнении возлагаемых на него обязанностей на должности заведующего оптовым складом товаров при Курганской конторе Союза он «показал себя отлично знающим товарное дело, вполне компетентным во всех его отраслях, распорядительным по управлению складом, энергичным и честным работником».

Получив огромный опыт организационно-хозяйственной работы в маслодельном союзе В.Н. Остальцев вместе с другими одиннадцатью ответственными работниками, выразил протест против «Балакшинской» системы кооперирования, и переехал на работу в Барнаул. Здесь в качестве члена Правления Алтайского союза кооперативов он проработал до начала 1916 г. Всю первую половину 1916 г. В.Н. Остальцев ведет активную работу по созданию общего закупочного центра для потребительской кооперации в Сибири сначала в виде товарного отдела Новониколаевского филиала Московского Народного банк, а затем комиссии сибирских кооперативных союзов по закупкам и сбыту. На организационном собрании Союза сибирских кооперативных союзов он избирается членом и председателем Правления Закупсбыта. За ним закрепляется руководство ключевыми отделами кооперативного союза союзов: торговым, транспортным и складским хозяйством. В составе самого большого торгового отдела насчитывалось 7 подотделов: лабазный, мануфактурный, шапочно-обувной, кожевенно-шорный, железно-скобяной, посудолампочный и центральный склад. Именно в этих сферах В.Н. Остальцев обладал большим опытом, приобретенным в частной торговле. Высокий профессионализм позволил ему сохранить управленческий статус и при советской власти. После включения в феврале 1920 г. Закупсбыта в состав Сибирского отделения Центросоюза В.Н. Остальцев становится членом коллегии распорядителей СОЦ и командирован коллегией в качестве особо уполномоченного СОЦ на Восток для окончательного проведения слияния Закупсбыта с отделением Центросоюза. Одновременно по личному распоряжению председателя Центросоюза Л.М. Хинчука он изучает товарные рынки Америки и Европы. Доверие высшего кооперативного

руководства к беспартийному человеку могло объясняться только его исключительной порядочностью, честностью и высокими профессиональными качествами. В ходе зарубежного турне 1921–1924 гг. В.Н. Остальцев принимает участие в сохранении юридического статуса и хозяйственных активов зарубежных контор Закупсбыта. 17 июня – 4 июля 1921 г. в Лондоне состоялась серия совещаний при Главном Заведовании заграничными конторами Закупсбыта 1921 г. в результате которых на него было переоформлено все имущество Закупсбыта, находящееся в Америке. Это позволило пролонгировать полномочия кооперативной организации на три года и впоследствии решить комплекс вопросов правопреемственности и возврата собственности в распоряжение Сибирского отделения Центросоюза.

После возвращения из-за границы В.Н. Остальцеву не предлагается первых должностей, но он по-прежнему остается авторитетным руководителем, и по решению Сибкрайсоюза направляется для работы в его Московскую контору помощником управляющего и членом Правления. Находясь в Москве, в 1924–1926 гг. В.Н. Остальцев выполняет ответственные поручения Правления Сибкрайсоюза, Центросоюза и Наркомвнешторга по проведению целевого импорта. В 1927–1930 гг. он продолжает работать в Московском представительстве Сибкрайсоюза и его фамилия всплывает в связи с проводимой чисткой кооперативного аппарата, развернувшейся в 1930 г. По документам также проходят все участники дореволюционного кооперативного проекта члены правления Закупсбыта К.Г. Петунин, П.И. Швейцер, К.И. Бажутин, которые находились на высоких управленческих должностях в системе Центросоюза. Но, занимаясь ответственной хозяйственной работой, они находились под постоянным наблюдением органов политического руководства. В.Н. Остальцев упоминается в докладной записке «Об итогах чистки аппарата Центросоюза» от 13 июня 1930 г., которая легла в основу решения Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР. В этом обширном документе ключевое значение отводилось характеристике руководящего состава Центросоюза в первую очередь с точки

зрения политической лояльности по отношению к советской власти.

При оценке руководителей учитывалось дореволюционное прошлое, а также такие существенные критерии как связь с частными предпринимателями, соответствие практической работы установкам директивных органов, личные моральные качества. Основное обвинение, предъявленное В.Н. Остальцеву, сводилось к заключению торговых сделок с частными предпринимателями. По меркам той жестокой эпохи это выглядело, скорее всего, как мелкая придирка. Но и ее было достаточно для отстранения профессионального работника от принятия управленческих решений. На закате своей карьеры в возрасте 48 лет он стал заведовать музеем истории потребительской кооперации. К сожалению, проследить дальнейшую его судьбу пока не представляется возможным.

Основной причиной отставки стало изменение политического курса и отказ от рыночных методов хозяйствования в конце 1920-х годов. Опыт старых кооператоров оказался не только не нужным, но и опасным для выполнения государственных программ. Приоритетными методами хозяйственно-кооперативной работы становились не торговля и закупки сельскохозяйственной продукции, а плановые заготовки и карточно-фондовое распределение товаров. С потерей квалифицированного кадрового корпуса советская потребительская кооперация окончательно утратила навыки и опыт работы в рыночных условиях, что крайне болезненно сказалось на деятельности современной российской кооперации.

*А.Л. Посадков
Новосибирск*

ЖИЗНЬ КАК БЕГСТВО: К ВОССОЗДАНИЮ БИОГРАФИИ ИСТОРИКА- АРХИВИСТА В.И. ОГОРОДНИКОВА

Настоящая статья посвящена судьбе одного из известных историков-сибиреведов постреволюционной эпохи, выпускника

Казанского университета 1910 г. Владимира Ивановича Огородникова. Он родился 28 мая (н. с.) 1886 г. в с. Пустополье Уржумского уезда Вятской губернии в семье деревенского учителя. Огучившись в Вятской духовной семинарии, будущий ученый в августе 1905 г. поступает на историко-филологический факультет Казанского университета. Окончив университет с дипломом 1-й ст., Огородников был с 1 января 1911 г. оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. В 1912 г. он был избран на должность преподавателя русской истории в Казанских высших женских курсах. Три года преподавания дали ему возможность опубликовать в 1915 г. свою программу курса по истории России XVIII–XIX вв. [1]. Вехой в научной деятельности В.И. Огородникова стала публикация им важного исторического источника – «Донесения о Московии второй половины XVI века» анонимного итальянца [2]. Историк быстро набирает служебный и научный авторитет: 26 мая 1914 г. он, выдержав магистерский экзамен, избирается приват-доцентом Казанского университета по кафедре русской истории. Поддерживая связи с московскими коллегами, он в 1912–1916 гг. собирает источники в крупнейших архивах Империи: Обществе архивной истории и этнографии, архиве Министерства юстиции и в архиве Министерства иностранных дел [3].

Революция 1917 г. вызвала резкие перемены в судьбе молодого ученого, весьма восприимчивого, судя по документам, к общественным событиям. В сентябре 1917 г. он избран доцентом историко-филологического факультета родного университета (избрание было утверждено Советом университета в 1918 г.). В должности доцента В.И. Огородников публикует работу о государственных реформах Петра I [4]. Приняв Февральский переворот и низвержение монархии, В.И. Огородников пишет и издает две брошюры, посвященные популяризации принципа выборности в общественной жизни новой России, причем одна из этих публицистических работ, разъясняющая всеобщее избирательное право и порядок выборов в Учредительное собрание, выдерживает в течение 1917 г. сразу три издания [5; 6].

Объективных данных о том, как воспринял В.И. Огородников приход к власти в России большевиков, в распоряжении

историков не имеется. Но сам «вектор движения» Огородникова на восток – в «белую» Сибирь, а затем в Дальневосточную республику – говорит о многом. Сказанное вовсе не означает, что Огородников был нелоялен или враждебен советской власти. Наоборот, он замечательно умел с ней ладить, хорошо вписываясь со своим «беспартийным марксизмом» в управленческую среду переходной эпохи. Дальнейшие события показали, что историк, основываясь то ли на чутье, то ли на знании законов развития бюрократических сообществ, умел даже извлекать пользу для дела из той ведомственной каши, которая царила в управлении наукой сразу после прихода большевистской власти на новую территорию.

Когда в сентябре 1918 г. войска белых генералов Пепеляева и Гайды оставляли взятую было Казань, В.И. Огородников присоединился к числу уезжающих из Поволжья. Но он не был просто беженцем – ученый уезжал на новое место работы. Его ждал только что созданный Иркутский университет, открывший в октябре 1918 г. свои двери для студентов. В том же октябре В.И. Огородников был избран и. д. экстраординарного профессора, а 22 октября – первым деканом историко-филологического факультета Иркутского университета [7, с. 332]. Начав с чистого листа, первый декан провел большую организационную работу: он создал, в частности, кафедру русской истории, которую сам возглавил, открыл три отделения факультета – славяно-русское, историческое и восточное. Ко всему прочему, Огородников в 1919 г. читал лекции в Иркутском народном университете [8, с. 91]. В должности декана В.И. Огородников пробыл до 3 декабря 1919 г. [3].

Новое место службы определило и новый круг интересов ученого – Огородников наряду с общим курсом российской истории начинает читать студентам и курс истории Сибири – второй (после Томского университета) в регионе. С приходом в Иркутск в январе 1920 г. советской власти стремление В.И. Огородникова изучать неизведанные дебри сибирской истории получило новый импульс. Уже в феврале 1920 г. В.И. Огородников подает две записки в губернский Комиссариат народного просвещения об организации в Иркутске центрального архива для всей Восточной Сибири. Не дожидаясь

никаких указаний от властей, Огородников вместе с другими профессорами университета – Б.Э. Петри, М.П. Овчинниковым добивается создания в подотделе охраны ценностей архивной секции и становится ее ученым руководителем. 15 марта 1920 г. подотдел охраны ценностей по докладу архивной секции принимает решение о создании в Иркутске Центрального архива Восточной Сибири, финансируемого из бюджета губревкома [9, с. 10; 8, с. 92]. Современные исследователи отмечают огромный объем работы, которую В.И. Огородников и сотрудники его многочисленного штата (5 чел.) провели за год с небольшим. Огородников как руководитель архива подобрал квалифицированный коллектив, сформировал план работы, определил задачи архива, писал сметы и должностные инструкции работников, вместе с которыми он изучил и поставил на государственный учет и под охрану 20 ведомственных архивов Иркутской губернии [8, с. 92–93].

Но общая тяжелая обстановка в «военно-коммунистическом» Иркутске не могла вдохновлять на плодотворный труд. Многие из ученых старались уехать в более сытую и свободную в смысле гражданских прав соседнюю Дальневосточную республику. Как только в октябре 1920 г. войска атамана Семенова были выбиты из Читы и появилась возможность свободного проезда на Дальний Восток, В.И. Огородников стал хлопотать о своем переводе во Владивосток [10, с. 66].

Советские власти, в итоге, пошли навстречу желанию В.И. Огородникова уехать из Иркутска в ДВР. Летом 1921 г. он был направлен в Читу для руководства вновь созданным Государственным институтом народного образования. а в сентябре избран его ректором [8, с. 93; 10, с. 66].

Должность ректора единственного вуза столицы ДВР стала своего рода тестом на пригодность В.И. Огородникова к роли руководителя «революционного» учебного заведения. К этому времени он уже выработал формулировку, которой затем всегда объяснял в анкетах свою политическую позицию: «Внепартийный марксист, ни к какой политической партии не принадлежу, по научным убеждениям – последователь теории исторического материализма» [10, с. 67]. В 1920-е гг. такой ученый вполне

устраивал партийную бюрократию во главе научного или учебного заведения. И о желании В.И. Огородникова работать во Владивостоке вскоре вспомнили. На исходе 1922 г., после изгнания из Приморья интервентов и белогвардейцев, Дальревком поставил вопрос об объединении трех владивостокских вузов в один – Государственный Дальневосточный университет (ГДУ). Главой комиссии по слиянию вузов и уполномоченным Дальревкома по делам высшей школы во Владивостоке Дальбюро ЦК ВКП(б) и Дальревком назначили «читинца» Огородникова, предрешив таким образом вопрос о его руководстве объединенным университетом [с. 64]. Профессор-историк стал первым избранным советским ректором Дальневосточного университета [с. 66]. На этом посту Огородников пробыл до октября 1925 г.

Период 1920–1925 гг. стал временем не только административных успехов В.И. Огородникова, но и высшей точкой его творческой активности. Все выходявшие в это время труды Огородникова были посвящены истории Сибири и Дальнего Востока. Самый крупный из них, задуманный в двух частях, начал выходить в Иркутске в 1920 г. Первая часть фундаментальной работы «Очерк истории Сибири до начала XIX столетия» включал разделы «Введение» и «История до-русской Сибири». Тематика второго раздела являлась для исторической науки того времени почти новаторской – история сибирских народов рассматривалась ранее лишь как фон для рассказа о приходе в Сибирь русских. Второй том этого труда автор разбил на отдельные выпуски, один из которых, именуемый «Завоевание русскими Сибири», успел выйти в 1924 г. уже в издании Дальневосточного университета [11]. Оба тома снабжены историко-географическими картами. Одновременно с главным трудом своей жизни В.И. Огородников публикует крупные монографические статьи (выходящие затем отдельными изданиями), которые дополняют и развивают содержание двухтомника – «Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв.» [12] и «Из истории покорения Сибири. Покорение Югорской земли» [13]. Последнее произведение историка, увидевшее свет в 1927 г. в издании Дальневосточного университета – монография «Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII

в.» – связывает его имя с началом профессионального изучения исторического прошлого Дальнего Востока» [14].

Не обладая точной информацией, трудно судить о причинах ухода В.И. Огородникова с поста ректора ГДУ в 1925 г. 1 октября 1925 г. ученый написал уполномоченному Наркомпроса по Дальневосточной области прошение об отставке, мотивировав его сильным переутомлением и желанием обратиться к исследовательской и руководящей научной работе [10, с. 67].

Начало 1930-х гг. Огородников встретил в должности сотрудника Акционерного Камчатского общества (АКО). Стремясь согласовать всевозможные ведомственные амбиции, АКО (за спиной которого стоял Далькрайисполком) вел линию на создание единого института, который являлся бы представителем всех научно-исследовательских учреждений, заинтересованных в изучении Камчатки. Для решения вопросов о едином институте, путем переговоров с Академией наук и другими организациями, в Москву и Ленинград был командирован Огородников.

Историк провел в столицах все лето (с 20 мая по 19 августа 1930 г.), непрерывно общаясь с начальниками всех рангов. Но всю огромную работу В.И. Огородникова в столицах сводили на нет указания из Владивостока и Петропавловска от его непосредственных начальников: одни из этих телеграмм полностью противоречили другим. Замысел оказался не реализованным.

О дальнейших событиях приходится только догадываться. Прождав реализации своих замыслов два года, В.И. Огородников, по-видимому, согласился с предложением Всесоюзного Арктического института о создании на Камчатке филиала этого учреждения. 8 апреля 1933 г. в газете «Камчатская правда» появилось объявление об организации в Петропавловске Камчатского отделения Всесоюзного Арктического института (КО ВАИ) [15]. В.И. Огородников к этому времени был назначен (или намечен) заместителем директора отделения, он жил в Петропавловске. Но пробыл ученый в этой должности около месяца.

Полномочное представительство ОГПУ по Дальневосточному краю не отличалось полетом фантазии: стержневым

«проектом» дальневосточных чекистов стала якобы существовавшая в Дальневосточном крае «контрреволюционная организация» во главе с умершим в 1930 г. В.К. Арсеньевым. Кроме него организацией, по сценарию фальсификаторов, руководили профессора В.М. Савич (арестованный в 1933 г. во Владивостоке), В.И. Огородников, Е.Ф. Чепурковский (долго живший в Харбине) и др. [16, с. 49]. Как ветвь этого большого «плана» было сформировано «Дело об Автономной Камчатке». Аресты по «делу» начались в 1933 г.

В.И. Огородникова арестовали 5 мая 1933 г. После почти годичного ожидания в застенках он предстал 29 апреля 1934 г. перед судебной тройкой ОГПУ Дальневосточного края по обвинению в том, что «являясь участником контрреволюционной организации, проводил организованную вредительскую деятельность по научной и хозяйственной линиям, направленную на подрыв экономической мощи советского государства» [15]. Судебная тройка приговорила В.И. Огородникова к 10 годам заключения в лагерях. Первой инстанцией стал Дальлаг НКВД. 22 мая 1938 г. Огородников был отправлен по этапу в Севжелдорлаг Архангельской области. 52-летний ученый скончался здесь 22 сентября 1938 г. Состоявшаяся в 1956 г. реабилитация полностью отменяла выдвигавшиеся против него нелепые обвинения.

Литература

1. Огородников В.И. Программа по истории России в XVIII и XIX веках (Общий курс русской истории, ч. 3): Курс, чит. для слушательниц I–II сем. Казанск. высш. женск. курсов в 1914–1915 акад. г. Казань, 1915. 4 с.

2. Огородников В.И., сост. Донесение о Московии второй половины XVI в. : пер. с итал., с предисл., примеч. и прил. // Чтения Московского о-ва истории и древностей российских. М., 1913. С. 18–44. (Отд. изд. М., 1913. С. 18–44).

3. Петрушин Ю.А. Сибиревед Огородников В.И. // Четвертые Романовские чтения : материалы науч. конф. Иркутск, 2008. С. 106–108.

4. Огородников В.И. Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом (Приказы, канцелярии, коллегии). Казань: Типо-лит. ун-та, 1917. 47 с.

5. Огородников В.И. Как выбирать народных представителей? (Учредительное собрание и всеобщее избирательное право). Изд. 3-е, испр. и доп. описанием пропорциональных выборов по Временным правилам 15 апр. 1917 г. Казань: Изд. Маркелов и Шавронов, 1917. 16 с.

6. Огородников В.И. Обновление городского самоуправления в России. Городовое положение 1892 г. и Временные правила 15 апр. 1917 г. Казань: Типо-лит. ун-та, 1917. 36 с.

7. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. 2-е изд., испр. Владивосток: Дальнаука, 2004. 617 с.

8. Бедулина И.П., Моисеев В.В. Владимир Огородников и Борис Кубалов: сибирские страницы жизни и сотрудничества двух историков-архивистов // Новый исторический вестник. М., 2011. № 3(29). С. 88–102.

9. Бедулина И.П. Становление и развитие государственной архивной службы в Иркутской области в 1920–1938 гг. (Исторические очерки). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005. 144 с.

10. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. 704 с.

11. Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1–2. Иркутск; Владивосток, 1920–1924.

12. Огородников В.И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. (Отд. отг. из «Сборника трудов проф. и препод. Гос. Иркут. ун-та», вып. 1. С. 69–113). Иркутск, 1920. 45 с.

13. Огородников В.И. Из истории покорения Сибири. Покорение Югорской земли. Чита, 1922. 104 с., 1 л. карт (Отд. отг. из «Трудов Гос. ин-та нар. образования в Чите». Кн. 1. Чита, 1922. С. 249–252).

14. Огородников В.И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVIII в. Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1927. 91 с., [1] вклад. л. карт. (Труды Гос. Дальневост. ун-та. Серия III. № 4).

15. Намжилова Г.Б. История одного экслибриса. Дело профессора Владимира Ивановича Огородникова. Загадка одного института [Электронный ресурс]. URL: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-66.htm> (дата обращения 13.01.2015).

16. Намжилова Г.Б. О чем рассказали экслибрисы, маргиналии, штампы // Библиотека. М., 1995. № 12. С. 46–49.

«ВРЕДИТЕЛЬСКИЕ» ПРОЦЕССЫ НАЧАЛА 1930-х гг.
И РАБОТНИКИ ОГПУ: МЕТОДЫ СЛЕДСТВИЯ,
КАРЬЕРА И СУДЬБЫ*

Большевицкая власть разрушила сложившиеся в России структуры правового государства и учредила специфически-репрессивные формы следственного производства и суда, основывавшиеся на упрощенных методах следствия и классовом подходе к обвиняемым. Практически сразу в органах ВЧК, милиции и революционных трибуналах появилась поговорка: «Был бы человек, а дело (статья) для него найдется!» Именно этот афоризм лег в основу всей большевицкой юстиции, опиравшейся на принципы массовой классовой расправы.

Специфической стороной коммунистического следствия было сознательное истребление арестованных в местах заключения, где невыносимые условия содержания были созданы сразу после организации органов ВЧК, отличаясь очень высокой смертностью от болезней, истощения и побоев. В массовых задержаниях при отсутствии улик и содержании при убийственном режиме, часто без допросов, власть видела способ запугивания нелояльных лиц. Анкеты множества специалистов содержат сведения о кратковременных арестах и прекращенных следственных делах, преимущественно по наиболее легко фабрикуемым служебным преступлениям. О распространенности фальсификации дел делегат Всероссийской конференции ВЧК Аркин в феврале 1920 г. открыто заявил Ф.Э. Дзержинскому и коллегам: «...Если просмотреть наши дела, то мы все пошли бы под суд, потому что в них не доказано, что такой-то преступник белогвардеец, а есть только постановление о расстреле» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 118).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00101.

Другая специфика подхода к политическим противникам ярко видна в секретном циркуляре Особого отдела ВЧК от 1920 г., который предписывал следующее: «Если в городе, уезде и деревне замечается вредное в интересах Р.К.П. политическое течение, то нужно его прекратить... сделать так чтоб главарь этой группы и влиятельные ее члены не заметно для широких масс были бы привлечены к судебной ответственности за уголовное преступление которое при искусной работе... Ч.К. можно им создать... возложить это дело на милицию и Уголовный розыск» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 41).

В начале 1920-х гг. власть приступила к организации масштабных открытых судебных процессов. Чекисты отработали методику, при которой достигалось согласие обвиняемых с ложными обвинениями и их покаяние с помощью сломленных чекистами подследственных и секретных сотрудников «органов». О том, что власти знали о методах своей охраны, говорят слова М.И. Калинина в 1927 г.: «...В ГПУ, как и в других советских органах, бывают ошибки, самоуправство и даже злоупотребления, которые, конечно, жестоко отзываются на попавших под воздействие ГПУ, это понятно, с этим руководящие органы самого ГПУ решительно борются» [1, с. 122–127]. Однако на деле именно руководство ОГПУ при согласии партийных верхов создавало стиль шантажно-пыточного следствия.

Эпоха «великого перелома» сопровождалась кампаниями по поиску врагов народа среди внутривластных оппозиционеров и интеллигенции. «Шахтинский процесс» положил начало целой серии «вредительских процессов». В 1929 г. Сталин заявил о виновности большинства лучших специалистов: «Наиболее квалифицированная часть старой интеллигенции была заражена болезнью вредительства. Более того, вредительство составляло своего рода моду» [2, с. 459]. Сталинцы активно раздували обвинения во «вредительстве», давая вполне однозначные установки руководителям ОГПУ. Нарком РКИ Г.К. Орджоникидзе 24 февраля 1930 г. просил Г.Е. Прокофьева из ЭКУ ОГПУ ускорить выявление вредительства в ирригации Средней Азии. По словам Орджоникидзе

зе, вредительство подтверждено показаниями арестованного инженера Новащи, но дело затянулось, поэтому чекистам необходимо «взять на себя ведение следствия по этому делу и ускорить его окончание» (ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1161. Л. 337).

Прокуратура ОГПУ по делам вредительства за 1931 г. прекратила за отсутствием данных для обвинения 21 дело на 59 чел., направила на доследование 19 дел на 51 чел., переквалифицировала с 58-й ст. на должностные преступления 25 дел на 75 чел. Также по предложению прокуратуры уже во время заседаний Коллегии ОГПУ были прекращены дела за отсутствием достаточных улик в принадлежности к вредительским организациям в отношении 100 чел. Таким образом, прокуроры в течение года освободили 159 «вредителей» и облегчили участь еще примерно такому же числу арестованных. Вместе с тем за 1931 г. Прокуратура ОГПУ согласилась на рассмотрение во внесудебном порядке Коллегией ОГПУ дел по ст. 58-7 УК РСФСР (вредительство) на 2 490 чел., включая 85 профессоров, 1 152 чел. инженерно-технического персонала, 249 экономистов, 310 агрономов, 22 ветврача и 666 «прочих служащих» (бухгалтеров, «ответственных работников по меньшевистским делам») (Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1074. Л. 38).

Для следователей рубежа 1920–1930-х гг. было характерно фабриковать также обвинения в должностных и общеуголовных преступлениях, если вменение ст. 58 УК оказывалось затруднительным. Эта тенденция видна в громких политических процессах начала 1930-х гг. Коммунист А.Л. Маковский, заместитель начальника управления заграничных операций Наркомторга СССР, в декабре 1929 г. был арестован и под влиянием «незаконных методов следствия» сознался во взяточничестве, вредительстве и шпионаже [3, с. 316–318]. Старый меньшевик В.В. Гомбарг, заместитель председателя правления Всесоюзного химсиндиката, подвергался пыткам на Лубянке, о чем в 1930 г. ухитрился сообщить в инстанции [4, с. 114].

О том, как ОГПУ игнорировало даже решения Политбюро ЦК ВКП(б), говорит факт реакции чекистов на постановление Политбюро от 13 ноября 1932 г., в котором Коллегии

ОГПУ предписывалось предать суду четырех следователей из ЭКУ ОГПУ, виновных в «недопустимых методах допроса» по отношению к работнику Внешторга А.Л. Маковскому который был высшим партийным синклитом реабилитирован. Судя по тому, что упоминавшийся в решении Политбюро бывший уполномоченный ЭКУ С.М. Деноткин до 1934 г. работал начальником ЭКО ПП ОГПУ по Средней Азии, а в 1935 г. возглавил УНКВД АССР немцев Поволжья, виновники фабрикации дела на Маковского отделались легким испугом. Хотя в решении Политбюро от 13 ноября 1932 г. недвусмысленно указывалось: «О мерах наказания [виновным чекистам] Коллегии ОГПУ предварительно доложить ЦК ВКП(б)» [3, с. 317–318].

После процессов 1930–1931 гг. методы следствия не изменились. В 1933 г. к М.И. Ульяновой обратился осужденный по громкому делу Трактороцентра А.Г. Ревис, который признался в заговоре «под воздействием незаконных приемов следствия следователем Вильдоновым», ранее участвовавшего в деле Промпартии. В ответ Сталин в сентябре 1934 г. велел «очистить ОГПУ от носителей специфических “следственных приемов”» и наказать последних, «не взирая на лица», что и было оформлено решением Политбюро ЦК [5, с. 139]. Однако серьезных наказаний для чекистов снова не последовало, хотя оперуполномоченный 1-го отделения ЭКУ ОГПУ–ГУГБ НКВД СССР С.А. Вильдонов, недавно награжденный знаком почетного работника ВЧК–ОГПУ, был уволен и перешел на хозяйственную работу.

Судьбы следователей-фальсификаторов целиком отражали извывы карательной политики, обрушивавшейся и на самих чекистов. Первоначально все они ощутили резкое карьерное ускорение, продолжавшееся до 1937–1938 гг. Затем большинство видных чекистов оказались причислены к «заговорщикам» из окружения Г.Г. Ягоды и Н.И. Ежова, что привело к их уничтожению. Летом 1931 г. куратор дела Промпартии Я.А. Агранов возглавил основной отдел политического сыска ОГПУ – Секретно-политический, а с 1934 г. был заместителем наркома внутренних дел, но, как человек Ягоды, в 1937 г. оказался арестован и годом позднее расстрелян. Выдвинулись, а затем пошли под расстрел все руководи-

тели следствия по делу Промпартии из Секретного отдела и ЭКУ ОГПУ: Г.Е. Прокофьев (будущий заместитель НКВД СССР), В.М. Горожанин (заместитель начальника СПО и Иностранного отдела НКВД), А.П. Радзивилловский (начальник УНКВД по Ивановской области), А.С. Славатинский (помощник начальника Транспортного отдела НКВД), Д.М. Дмитриев (начальник УНКВД по Свердловской области), А.А. Наседкин (нарком внутренних дел БССР), М. О. Станиславский (начальник Главного управления пожарной охраны НКВД СССР). Были расстреляны и не реабилитированы активисты ЭКУ ОГПУ А.Л. Молочников, награжденный в 1930 г. орденом Красного Знамени, и А.П. Ржавский. Активнейший следователь И.И. Черток (в 1937 г. – помощник начальника КРО ГУГБ НКВД СССР) выбросился из окна, не дожидаясь ареста. Бывший следователь Секретного отдела Г.Я. Врачев в 1938 г. работал начальником СПО УНКВД по Читинской области и был осужден на 10 лет ИТЛ за фальсификацию следственных дел и участие в избииении арестованных. В конце 1942 г. Врачев был амнистирован и отправлен на фронт, а к 1946 г. этот чекист трудился референтом Совета по делам религиозных культов при СНК СССР [6, с. 145–146, 267–268, 317, 357, 389]; (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1038. Л. 44).

Что касается рядовых оперативников, применявших к арестованным всевозможные методы морального и физического воздействия, но не достигших крупных должностей к эпохе Большого террора, то у них был шанс уцелеть: например, следователь ЭКУ Я.Б. Радищев-Фейгин дослужился до начальника контрразведывательного отдела УНКВД по Орловской области, был в 1939 г. уволен, но в годы войны вернулся в НКВД в звании майора госбезопасности. Однако уволенный из НКВД С.А. Вильдонов не избежал расстрела (ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 2. Л. 405; Т. 10. Л. 245–246; Сведения А.Н. Жукова (Москва)). Методы следствия и суда в последующие годы не изменились, и знаменитые Московские процессы 1936–1938 гг. продемонстрировали не менее впечатляющие промахи следствия, что, возможно, сыграло свою роль в прекращении практики крупных открытых политических судебных постановок. А кураторы

следствия по этим делам и многие рядовые следователи вновь разделили судьбу своих жертв.

Литература

1. Калинин М.И. О социалистической законности. М., 1959.
2. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 2-е изд., доп. М.; Л., 1930.
3. Генис В.Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). М., 2009. Кн. 1. С. 316–318.
4. Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. Сб. документов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 114.
5. Викторов Б.А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М.: Юр. лит., 1990. С. 139.
6. Тумшис М.А., Золотарев В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. Самара, 2012.

*А.О. Катионова
Новосибирск*

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Индивидуализация жизни граждан страны способствует развитию такого явления, как персональная или семейная история. В условиях возросшей мобильности населения, смены мест жительства, утраты традиции передачи устной истории семьи размещение в Сети архивных фондов выполняет компенсаторную функцию по пополнению недостающей информации о членах семьи.

В последние годы архивы становятся все более доступными. Появляются электронные ресурсы, на которых размещаются документы, позволяющие привлечь внимание части граждан нашей страны к прошлому. Это расширяет возможности многих семей при составлении родословной оперативно получать необходимую информацию, в то время как ранее необходимо было делать запросы в архивы, затем длительное время

ожидать результаты этих запросов. Электронные ресурсы с архивными материалами для массового пользователя способствуют эффективному поиску данных о людях, не успевших оставить информацию для своих потомков. В этом контексте значимым ресурсом является портал Военного архива «Мемориал», данные которого позволяют найти родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне, погибших или пропавших без вести, либо вернувшихся с войны с боевыми наградами, но никому не рассказывающих о своих ратных делах.

Рассмотрим на примере моей семьи Катионовых–Королевых–Николаевых. На сайте Министерства обороны «Электронный банк документов “Подвиг народа в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.”» (<http://podvignaroda.mil.ru>) имеется рубрика «Люди и награды». Указав данные моей бабушки – Королевой Надежды Васильевны, получаем следующие сканированные копии архивных документов о награждении ее медалью «За боевые заслуги»: Приказ (указ) о награждении и сопроводительные документы к нему. Из этих документов мы узнаем, что на момент награждения Н.В. Королева имела звание «красноармеец», служила «в РККА с 1941 года». Награждена приказом № 11 от 10.03.1943, изданным по частям 179 СД (стрелковой дивизии) Калининского фронта (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 34. Л. 318]; Действующая армия.

В перечне награжденных четыре человека. Запись под номером два: «Красноармейца Королеву Надежду Васильевну, санитарку Отдельного Медико-Санитарного Батальона». Среди награжденных по этому приказу и служившая вместе с Надеждой Королевой старший военфельдшер Давшан Елизавета Спиридоновна. Из ее наградного листа узнаем, что она была призвана в Красную армию Новосибирским РВК (Л. 320). Если бы бабушка в свое время могла ознакомиться с этими наградными делами, то, вероятно, могла бы вспомнить и рассказать о своих однополчанах, в частности о тех, кто был призван из Новосибирска.

Из приказа о награждении мы узнаем номер стрелковой дивизии – 179 и часть, в которой служила Надежда Ко-

ролева – Отдельный медико-санитарный батальон, а также название фронта – Калининский (Л. 318).

В бланке указывается структура состава: командиры, политработники, военные инженеры и техники, медсостав – 2, адм. состав, санинструкторы, санитары – 1, мл. командиры – 1, красноармейцы, партизаны и гражданские работники. Далее идут наградные листы по очередности списка. Первый лист – Давшан Е.С., второй – Королева Надежда. Если у Давшан Е.С. (Л. 320) и других наградные листы на отпечатанном бланке с соответствующими графами, которые необходимо было заполнять полностью, то на Н. Королеву наградной лист заполнен на простом листе, видимо, не хватило бланков. Графы заполнены от руки (Л. 321).

В результате выяснения данных о наградах Н.В. Королевой (Л. 318, 321) обнаруживается сопутствующая важная информация для персонификации и событийности. Н. Королева получила свою первую боевую награду спустя один год и пять месяцев после поступления в медико-санитарный батальон, когда ей не исполнилось еще 18 лет. Затем был орден «Красной звезды» (Оп. 686196. Д. 7731. Л. 178, 188), присвоение звания старшего сержанта медицинской службы.

Ее отец, Королев Василий Александрович, и брат, Королев Иван Васильевич, наград не имели. Они пропали без вести в самом начале войны. И опять об этом мы узнаем из документов архива Минобороны.

На сайте Мемориал я обнаружила «Список пропавших без вести в/служащих Луковниковского р-на Калининской области». Список имеет десять граф: 1 – № п/п; 2 – фамилия, имя, отчество; 3 – в[оинское] звание; 4 – партийность; 5 – год рождения; 6 – место рождения; 7 – каким РВК призван и когда; 8 – когда прекратилась связь [с родными. – А. К.]; 9 – ближайшие родственники; 10 – домашний адрес родственников. Под номером пятым списка значился Королев Иван Васильевич. Дата выбытия указана только апрелем месяцем 1942 г. (Ф. 58. Оп. 977520. Д. 422. Л. не указан).

Важно отметить, что именной список пропавших без вести по Луковниковскому району Калининской области был окончательно составлен лишь 12 июня 1947 г. под грифом

«секретно». Однако официальные данные могли противоречить рассказам однополчан. Так, мать Ивана Васильевича узнала о гибели сына раньше, чем была составлена справка из военкомата в 1947 г. о том, что он пропал без вести. Если бы он попал в плен, то информация должна была быть добавлена в список пропавших без вести позже (Там же. Л. не указ.). Скорее всего, брата моей бабушки Ивана Королева, не вышедшего из боя, поэтому и считали пропавшим без вести, не имея другой дополнительной информации.

Прадед мой – отец Ивана и моей бабушки, Василий Александрович Королев, добровольцем ушел на фронт в самом начале войны и пропал без вести летом 1941 г. под Смоленском. Информация о нем обнаружена на сайте «Мемориала» (Оп. 977521. Д. 78. Л. не указ.]. Название документа «Список военнослужащих, потерявших связь в период Великой отечественной войны по Луковниковскому району Калининской области». Четвертым по списку документа идет Королев Василий Александрович, которого можно идентифицировать по месту проживания и по имени жены.

Дед по маминой линии, Николаев Николай Петрович, тоже воевал. В наградных списках фамилий и имен Николаевых Николаев Петровичей много. Нам удалось выявить по дате рождения и званию – 1925 г.р. и гв. мл. лейтенант. В наградных листах писалось, что он командовал взводом автоматчиков и проявил мужество и героизм, лично уничтожив несколько фашистов при наступлении в 1944 и 1945 гг., получив ордена «Красной Звезды» (Ф. 33. Оп. 690155. Д. 4851. Л. 57, 72; Оп. 686196. Д. 6004. Л. 2, 34).

Надо отметить, что в последнем наградном листе командир полка ходатайствовал о награждении Н.П. Николаева орденом «Отечественной войны» II ст., однако командир дивизии написал на наградном листе «наградить орденом “Красной Звезды”» (Оп. 686196. Д. 6004. Л. 34). В семейном фонде хранится медаль «За боевые заслуги» Н.П. Николаева, информация о которой отсутствует на сайте Минобороны. Подобный пробел присутствует в информации о наградных делах другого моего дедушки – Катионова Николая Лукьяновича.

Н.Л. Катионов в 1942 г. был награжден медалью «За отвагу», в 1943 г – орденом «Красной звезды» и в конце войны – орденом «Отечественной войны» II ст. Однако на сайте Министерства обороны содержится лишь информация о награждении орденом «Красной звезды». Соответственно, процесс наполнения информационного ресурса открытого доступа еще не завершен и находится в работе (Оп. 686044. Д. 1803. Л. 214, 220).

Обнаружено разночтение в написании фамилий. Так, фамилия Катионов в поисковике сайта и некоторых наградных документах написана и через «А» (Л. 220) и через «О» (Оп. 686196. Д. 382. Л. 28, 47). Это обнаруживается как в самих приказах (Оп. 686044. Д. 1803. Л. 214), так и в сопроводительных документах к ним (Л. 220).

Была найдена информация о брате моего дедушки, погибшем в 1943 г. в Орловской области при штурме с. Хлебтово Комаричского района, по спискам погибших, выставленных ЦАМО. Похоронен Николаев Владимир Петрович в братской могиле, что зафиксировано в донесении о безвозвратных потерях (Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1132. Л. 40). О том, что это именно брат моего дедушки, можно узнать из списка погибших, где в одной из граф указывалось имя одного из близких родственников. Владимир указал имя моего прадеда, Николаева Петра Ильича.

Однако еще не вся информация о ветеранах представлена в полном объеме. Например, пока ничего неизвестно о брате моего деда, Катионове Кирилле Лукьяновиче, 1923 г.р., погибшем в 1943 г. в Запорожье.

Информация сайта «Мемориал» постоянно пополняется сведениями со стороны Минобороны. Сочетание устных преданий, домашних архивов, в которых хранятся военные билеты, орденские книжки, письма, Книги Памяти, с документами Архива Минобороны позволяет расширить семейную историю и максимально полно передать ее следующим поколениям. Кроме того, материалы с сайта Минобороны можно использовать в работе со студентами и школьниками на занятиях по истории, составляя их родословные. Для самостоятельной работы – это обширное поле информации.

Ресурсы Минобороны должны служить обществу при формировании своей идентичности, сохранению исторической памяти и формированию гражданской позиции.

*В.И. Бельков, Л.Е. Косарев
Кемерово*

ИСТОЧНИКИ БИОГРАФИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ:
ПРЕДСЕДАТЕЛИ ИСПОЛКОМОВ КЕМЕРОВСКОГО
ОБЛСОВЕТА В ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЛАСТИ
(1943–1955 гг.)

Изучение истории региона через призму биографий ее первых лиц становится новым явлением в исторической науке. Заполняется пробел и в исследовании биографий региональных лидеров советской эпохи. Все это, на наш взгляд, представляется весьма перспективным научным направлением. Однако сказанное относится лишь к освещению биографий самых первых региональных руководителей – первых секретарей обкомов и крайкомов ВКП(б)–КПСС.

В истории Кузбасса только в последние годы, трудами доктора наук А.Б. Коновалова, эта проблема стала успешно решаться. Из многих трудов профессора-историка хотелось бы выделить такие издания, как двухтомный биографический справочник «Депутатский корпус Кузбасса» (2002–2003), в котором он был автором-составителем и его монографии: «История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991)» (2004) и «Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964)» (2005).

Биографии руководителей регионов, стоящих на второй ступени советской иерархической лестницы, пока не получили должного освещения. Данные тезисы являются скромной попыткой показать роль председателей Кемеровского облисполкома в период образования области и ее становления как крупного промышленного региона страны в 1943–1955 гг. Источниковой базой публикации являются,

преимущественно, документы личных дел руководителей регионов того времени, хранящиеся в Государственном архиве Кемеровской области. (В этих делах хранятся листки по учету кадров, анкеты, характеристики, выписки из протоколов об утверждении в должности, поощрениях, наказаниях и т. д. – т. е. все основные моменты деятельности человека на руководящем посту.)

Кемеровская область выделилась из состава Новосибирской Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 января 1943 г. В начале февраля 1943 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) в Кузбасс для работы на руководящих должностях были направлены работники аппарата ЦК ВКП(б), органов власти и управления Новосибирской области, утверждено бюро Кемеровского обкома ВКП(б) и исполнительный комитет Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся. Первым секретарем Кемеровского обкома партии стал член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР С.Б. Задионченко, работавший до приезда в Кемерово первым секретарем Башкирского обкома ВКП(б). Председателем исполкома областного Совета стал В.А. Гогосов, работавший до этого председателем Ярославского облисполкома [1, т. 1, с. 12, 13].

Первый председатель Кемеровского облисполкома Владимир Антонович Гогосов родился в 1900 г. в г. Мцхета Тифлисской губернии. Ко времени приезда в Кузбасс В.А. Гогосов окончил Новочеркасский авиационный институт, был на стажировке в США и Франции, работал на производстве и обладал уже не малым опытом руководящей работы (ГАКО. Ф. П. 75. Оп. 14. Д. 364. Л. 17).

Будучи председателем Кемеровского облисполкома, В.А. Гогосов много времени и сил отдавал работе промышленности, развитию сел и деревень, бытовому устройству угольных городов, продуктовому обеспечению шахтеров, металлургов и химиков. Он внимательно относился к нуждам рядовых рабочих и колхозников, организации эффективной работы всех областных органов управления, а также социально-культурным мероприятиям, направленным на улучшение культурно-бытовых условий кузбассовцев. За самоот-

верженную работу и успешное выполнение заданий ГКО на посту председателя исполкома Кемеровского областного Совета В.А. Гогосов указами Президиума Верховного Совета СССР в 1945 г. был награжден орденом Трудового Красного знамени и орденом Отечественной войны 1-й ст., медалями «За оборону Москвы» и «За оборону Ленинграда» (Л. 15, 16). В ноябре 1947г. В.А. Гогосов распрощался с Кузбассом и уехал на новое место работы в Москву [1, т. 1, с. 13]; (Л. 1).

С ноября 1947 г. по июнь 1950 г. председателем Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся был Василий Арсентьевич Москвин. В.А. Москвин родился в 1910 г. в Республике Хакасия. Образование среднее специальное, в 1932 г. окончил Кузнецкий металлургический техникум в Сталинске по специальности техник-металлург по мартеновскому производству, с 1937 г. на партийной работе [1, т. 2, с. 75]; (Д. 1067. Л, 1, 3 об., 14). За успешное выполнение заданий ГКО по обеспечению металлом военной промышленности в годы войны В.А. Москвин был награжден орденами: Ленина, «Знак Почета», Красной звезды, Отечественной войны 1-й ст. В 1946 г. он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Л. 12, 14).

Василий Арсентьевич возглавил исполком в годы стремительного роста промышленного производства в Кузбассе. В вопросах руководства хозяйственным строительством приоритет видел в социальном и жилищном развитии городов Кемеровской области. Выходец из Сталинска, В.А. Москвин много сил отдавал помощи металлургическим предприятиям «южной столицы».

Значительным успехом первого секретаря Кемеровского обкома партии Е.Ф. Кольшева и председателя облисполкома В.А. Москвина стала проведенная в Кемерове в ноябре 1948 г. научно-практическая конференция по изучению производительных сил Кузбасса. В ее работе принимали участие крупнейшие ученые страны – академики Л.Д. Шевяков, А.А. Скочинский, И.П. Бардин, А.В. Винтер и др. Итогом работы конференции стало определение перспектив развития экономики Кузбасса на период до 1965 г. Материалы конференции Ака-

демия наук опубликовала в течение 1950–1951 гг. в трехтомном издании «Народнохозяйственные проблемы Кузбасса».

В последующее время работы в должности председателя облисполкома В.А. Москвин вложил много знаний и сил в решение проблем развития отраслей экономики Кузбасса. В 1950 г. Василий Арсентьевич был направлен с столицу на курсы переподготовки. Позднее он работал инспектором ЦК ВКП(б), первым секретарем Томского и Курганского обкомов КПСС [1, т. 2, с. 75]; (Л. 21, 22).

После отъезда В.А. Москвина в Москву, 15 августа 1950 г. бюро Кемеровского обкома ВКП(б) утвердило председателем областного Совета Михаила Ильича Гусева, освободив его от обязанностей второго секретаря обкома партии (Оп. 15. Д. 314. Л. 15,16).

М.И. Гусев родился в с. Залари Иркутской губернии. В 1929 г. окончил Томский технологический институт по специальности «горный инженер». По окончании института работал научным сотрудником этого вуза, на преподавательской, руководящей хозяйственной и партийной работе (Л. 1, 2 об., 4, 5, 7, 8).

С августа 1950 г. в течение двух лет Михаил Ильич работал председателем областного Совета депутатов трудящихся (Л. 1, 15,16). На этом посту он смог показать свои качества хозяйственника. Не влезая в идеологические дебри, Михаил Ильич занимался развитием жилищно-коммунального хозяйства и капитальным строительством. По существу, в этот период было завершено создание градостроительного облика двух крупных городов Кузбасса – Кемерово и Сталинска. Нарастивалась добыча угля, выплавка чугуна и стали, на подъеме была химическая промышленность. Вместе с первым секретарем обкома партии Е.Ф. Колышевым Гусев сделал очень много для развития экономики области.

Политический вес М.И. Гусева увеличился после приезда в Кузбасс первым секретарем В.М. Мокрушина. Тот был нерешительным руководителем и часто передоверял Гусеву решение самых важных хозяйственных вопросов.

В августе 1952 г., когда созрело решение отозвать Мокрушина из Кузбасса, ЦК партии рекомендовал пленуму Кемеровского обкома ВКП(б) избрать первым секретарем М.И. Гусева. Этот шаг московских чиновников представлялся необычным: впервые в истории областной парторганизации Кузбасса лидером становился человек, ни одного дня не работавший в Москве. Первый и последний раз им становился председатель облисполкома [2, с. 128]; (Л. 17,18).

26 сентября 1952г. Центральным комитетом партии на должность председателя Кемеровского областного Совета был утвержден П.И. Морозов. Петр Иванович Морозов, 1908 г. р., уроженец г. Мариинска Томской губернии, имел высшее образование, в 1934 г. окончил Омский сельскохозяйственный институт. С конца 1920-х гг. работал на различных должностях, связанных с сельскохозяйственным производством (Д. 875. Л. 1–2 об., 9).

В 1952 г. П.И. Морозов был направлен работать в Кемеровскую область, где он был избран секретарем областного комитета партии, а затем председателем исполкома Кемеровского областного Совета (Л. 5, 6, 8–8 об.). За время его работы в этой должности, как отмечено в его характеристике, утвержденной на секретариате обкома КПСС 14 декабря 1954 г., за подписью секретаря обкома партии «т. Морозов зарекомендовал себя положительно. В работе энергичен и инициативен, обладает организаторскими способностями, пользуется авторитетом среди партийного и советского актива области» (Л. 10, 11).

Отличительной чертой правления П.И. Морозова является то, что, будучи по образованию и опыту своей работы аграрием, он, являясь председателем облисполкома, усилил и улучшил руководство вопросами сельского хозяйства. В то же время, особенно в последние два года работы Петра Ивановича, лучше стали работать и другие отрасли. Достаточно сказать, что в 1954. и 1955 гг. было построено 400 тыс. кв. м жилой площади и 168 объектов культурно-бытового назначения (Оп. 8. Д. 18. Л. 6). В марте 1955 г. П.И. Морозов был переведен на должность министра сельского хозяйства РСФСР, в которой проработал до 1957 г., впоследствии он – первый секретарь Амурского обкома КПСС (Оп. 15. Д. 875. Л, 1, 12); [1, т. 2, с. 73].

Таким образом, 1943–1955 гг. – это годы становления Кемеровской области и формирования органов представительной власти Кузбасса, это начальный период расширения функций органов этой власти и усиления их роли в хозяйственном и культурном строительстве. Итоги развития Кузбасса в эти годы поистине впечатляющи. В послевоенные годы было много сложностей и проблем в развитии хозяйства области, однако, в целом, перестроив производство, все основные отрасли стали успешно развиваться. В эти годы была проделана значительная работа по удовлетворению жилищных и культурно-бытовых нужд рабочих и служащих области, осуществлен переход ко всеобщему обязательному семилетнему обучению (Оп. 2. Д. 306. Л. 4, 5; Д. 387. Л. 57, 77; Оп. 7. Д. 107. Л. 6, 8). За последние пять лет рассматриваемого периода, все хозяйственные отрасли продолжали успешно развиваться. В 1956 г. по сравнению с 1953 г. население в городах и рабочих поселках области увеличилось на 211 тыс. чел. В области было образовано два новых промышленных города – Юрга и Междуреченск (Оп. 8. Д. 18. Л. 5, 6); [2, с. 154; 3, с. 4, 319].

В развитии области, в рассматриваемые годы, есть и труд руководителей представительного органа власти, председателей облисполкома – В.А. Гогосова, В.А. Москвина, М.И. Гусева и П.И. Морозова.

Литература

1. Депутатский корпус Кузбасса. 1943–2003. Биограф. справочник. Кемерово, 2002. Т. 1. 584 с.; 2003. Т. 2. 616 с.
2. Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово. 2004. 492 с.
3. Ведомости ВС СССР. 1953. № 7; 1955. № 11.

Ю.В. Тимченко
Омск

ПАМЯТИ АРХИВИСТА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ
Н.С. КОЛМОГорова

В январе 2015 г. исполнится 90 лет со дня рождения Колмогорова Николая Сергеевича – историка, архивиста Государственного архива Омской области (сейчас – Исторического архива Омской области) с 1955 г., участника Великой Отечественной войны.

Николай Сергеевич Колмогоров родился 4 января 1925 г. в Омске. С наступлением войны он начал работать на оборонном заводе № 166 (в настоящее время – объединение «Полет») токарем-слесарем. В сентябре 1943 г. добровольно вступил в ряды РККА и был направлен в город Ленинск-Кузнецкий в офицерское училище. С мая 1944 г. по апрель 1945 г. Н.С. Колмогоров воевал на 3-м Белорусском фронте в Восточной Пруссии. В апреле 1945 г. был контужен под Кенигсбергом и демобилизован из армии по ранению. Награжден медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

После войны, в 1946 г. Николай Сергеевич Колмогоров окончил курсы плановиков-экономистов в УК УСУ Госплана СССР в Омске. Затем он работал начальником плановой части УИТЛК УМВД г. Омска, руководил плановым сектором «Омхудожника», работал старшим инструктором общества «Спартак», был контролером завода п/я № 64 г. Омска [1, с. 29].

Но призвание Николая Сергеевича было другим, его тянуло к творческой деятельности. В своей автобиографии он писал: «Еще на фронте начал писать стихи, после войны увлекся ими, стал печататься» (ГИАОО. Ф. 3283. Оп. 1. Д. 33. Л. 7 об.). В 1950 г. Колмогоров решил сменить сферу деятельности и поступил в Московский государственный историко-архивный институт на заочное отделение, совмещая учебу с производственной деятельностью. 24 ноября 1955 г. Колмогоров Н.С. был принят заведующим отделом дореволюционных фондов Государственного архива Омской области, 27 апреля 1965 г. он стал руководителем участка использования и публикации архива. В Государственном архиве Омской области Николай Сергеевич проработал 10 лет, вплоть до трагической кончины в июле 1965 г. в возрасте 40 лет.

Личный фонд Колмогорова Н.С. (Р-3297) был сформирован в 2004 г. из его документов, ранее хранившихся в Копийном фонде Исторического архива Омской области (Р-2086), представляющем собой ценные документы, отложившиеся в процессе работы омских архивистов, копии выявленных особо ценных документов, в фонде Государственного архива Омской области (Р-715) и документов, переданных на государственное хранение женой Николая Сергеевича, он составляет 32 ед. хр. В составе фонда имеются традиционные биографические материалы: автобиография Колмогорова, написанная в годы войны, удостоверения к медалям, справки о ранении, паспорт, диплом. Имеется большое количество приглашений, поздравительных телеграмм, открыток к праздникам, личная переписка с коллегами и друзьями, которые позволяют дать представление о широком круге общения архивиста.

Основную часть фонда Колмогорова составляют творческие материалы: книги, статьи, доклады, заметки. 1950–1960-е советские годы придавали архивным исследованиям определенное направление. Работая в архиве, Колмогоров увлекся исследованием гражданской войны в Сибири, ее участниками, оставившими след в истории города Омска, пребыванием венгерских военнопленных на Омской земле. Им был подготовлен ряд статей в периодических изданиях и брошюрах, посвященных этой теме: «Первый красный генерал Сибири» (к столетию со дня рождения А.А. Таубе), «Рядовой ленинской гвардии» (о деятельности П.И. Воеводина), «Его имя дорого омичам» (к 70-летию со дня рождения Кароя Лигети), «Волнующие страницы истории» (о первомайской демонстрации 1918 г. в Омске), «Из истории партийной печати Омска», «18-я годовщина освобождения Венгрии Советской армией», «Улица имени В.И. Ленина», «Восстание омских рабочих против Колчака 22 декабря 1918 г.» и др. Колмогоров Н.С. принимал участие в издании книги-энциклопедии «Из истории города Омска», являлся автором киносценариев телевизионных фильмов «Слово о горящем сердце», «Красный мадьяр», «Легендарный генерал», «Певец корейского народа» (о корейском поэте Те Ги Чене) (Ф. 3297. Оп. 1. Д. 21–24).

Большое внимание в своей исследовательской деятельности Николай Сергеевич посвятил Карою Лигети – венгерскому интернационалисту, который в 1917 г., попав в омский лагерь для военнопленных, вскоре установил связи с местными большевиками и стал одним из руководителей большевистского подполья в Омске. Колмогоров являлся переводчиком стихов К. Лигети. Советский журналист и писатель А.М. Дунаевский так определял сферу интересов архивиста: «Колмогоров был неутомимым искателем материалов о Карою Лигети и его сподвижниках... Не один год отдал этот энтузиаст поискам материалов об участии красных мадьяр за власть советов Западной Сибири» (Ф. 2200. Оп. 2. Д. 960. Л. 1).

В рамках этой тематики исследователь активно сотрудничал с обществом советско-венгерской дружбы и способствовал открытию в 1962 г. Омского отделения этого общества (Ф. 3297. Оп. 1. Д. 18. Л. 32–33]. Дочь Николая Сергеевича вспоминала: «...отец очень много работал, иногда без выходных. Семья редко видела его дома, хотя он очень любил своих детей [...]. Он был занят написанием 2 книг по венгерским военнопленным, и все свободное время использовал для встречи с венграми, приходил за полночь» (Д. 25а. Л. 1 об.).

Главным трудом Колмогорова стала книга «Красные мадьяры (Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске. 1917–1919 гг.)», изданная спустя пять лет после смерти архивиста. Исследование было написано в научно-популярной форме, освещало роль Омска как центра революционного движения венгерских военнопленных. При его написании автор работал в государственных архивах СССР, привлекал воспоминания участников событий, вел переписку с венгерскими общественными деятелями, с венгерским писателем Дьердем Милеи, с сестрой Кароя Лигети – Р.К. Цирок. Особое место занимает активная переписка Николая Сергеевича с вдовой Кароя Лигети – Зофией Людвиговной Венцкович-Лигети. В архивном фонде отложились как письма З.Л. Венцкович-Лигети за 1958–1961 гг., так и письма Н.С. Колмогорова к ней за 1958–1967 гг. (Ф. 3283.

Оп. 1. Д. 33; Ф. 3297. Оп. 1. Д. 30). Они делились друг с другом своими исследованиями, обсуждали выявленные материалы и воспоминания бывших участников Гражданской войны, стараясь наиболее полно и точно восстановить события тех лет.

Дополнением личного фонда Колмогорова также являются фотодокументы: снимки венгерских интернационалистов и снимки, присланные Колмогорову из Венгрии обществом советско-венгерской дружбы.

Помимо исследовательской деятельности Н.С. Колмогоров на протяжении всей работы в архиве вел деятельную общественную жизнь. Он являлся членом Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР, в 1957 г. получил благодарственную грамоту данного общества, ездил с выступлениями в муниципальные архивы и колхозы Омской области, проводил лекции в организациях и учреждениях Омска. На основании архивных документов он выявлял исторические места, связанные с революционной деятельностью венгерских интернационалистов (Ф. 3297. Оп. 1. Д. 17. л. 3). По его инициативе проводились работы по созданию серии выставок, посвященных Венгрии, интернационалистам, Карою Лигети. В памяти омичей Колмогоров остался как замечательный лектор (большинство слушателей даже не замечали сильного запинания – последствия тяжелой фронтовой контузии) [2, с. 1].

Преждевременная гибель помешала реализации многих замыслов Николая Сергеевича Колмогорова, но память о нем сохранена, личный фонд архивиста представляет интерес для краеведов, занимающихся исследованиями Гражданской войны в Сибири, показывает вклад Колмогорова в организацию архивного дела на территории Омской области. В 2004 г. в Госархиве Омской области состоялся вечер памяти Николая Сергеевича, на котором присутствовала вдова погибшего – Н.А. Бородина, имя Колмогорова омские архивисты помнят и чтут.

Литература

1. Знаменательные и памятные даты Омского Прииртышья, 2005. Омск, 2004. С. 29; Историческая справка к фонду Р-3297.

2. Колмогоров Н.С. Красные мадьяры (Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске. 1917–1919 гг.). Новосибирск, 1970.

СОХРАНЕНИЕ АРХИВНОЙ ПАМЯТИ ОБ АРХИВИСТАХ

Одним из интереснейших источников, отражающих историю и культуру края, являются документы личного происхождения. На сегодняшний день на постоянном хранении в нашем архиве содержатся 220 фондов личного происхождения. Фондообразователями являются известные личности Омской области: писатели, поэты, художники, актеры, журналисты, общественные деятели, ветераны Великой Отечественной войны, историки-краеведы, ученые, преподаватели различных вузов. Особое место в этом ряду занимают девять личных коллекций выдающихся архивистов.

Их вклад в архивное дело, как и в целом в культурное развитие Сибири, значителен. Все они были, а некоторые и остаются до сих пор, известными людьми. Личные коллекции документов архивистов наглядно демонстрируют их главные миссии – сохранение исторического и культурного наследия, служение исследователям в их поиске информации.

Одним из самых почитаемых и известных архивистов Омска был историк Николай Васильевич Горбань (1899–1973). В 1930 г. Н.В. Горбань был избран действительным членом археографической комиссии Всеукраинской Академии наук, в Центральном архивном управлении УССР работал в качестве ученого секретаря археографической комиссии, а затем ученого секретаря предкапиталистической секции истории Украины. В 1931 г. он был арестован по обвинению в участии в подпольных националистических организациях на Украине и выслан в Алма-Ату, затем в Тобольск. В 1936 г. был освобожден, восстановлен в правах, а в 1937 г. переехал в Омск, где стал работать научным сотрудником в областном архиве. 30 декабря 1946 г. решением Совета Ленинградского государственного университета Н.В. Горбаню, первому в Омске, была присвоена ученая степень кандидата исторических наук (ГИАОО. Ф. Р-

261. Оп. 2. Д. 5. Л. 28, 55). В 1960 г. Н.В. Горбань переехал в Ташкент. Первые документы коллекции были сданы на хранение самим фондообразователем в 1958 г., последующие передала на хранение в 1988, 1996 и 2000 гг. его вдова Дебора Яковлевна Сапожникова. Собранные материалы отражают широкий круг творческих интересов автора. Большое место в исследованиях этого историка занимала тема крестьянской войны 1773–1775 гг. – в фонде отложилось 3 экз., из них два рукописных, этой работы с авторскими пометками, ссылками на фонды архивов (Ф. Р-2071. Оп. 1. Д. 2, 3, 13). За долгие годы Н.В. Горбанем были подробно изучены фонды нашего и Тобольского архивов, составлены путеводители и обзоры. Им были подготовлены: сборник документальных материалов «Омск в дни Октября и установление советской власти (1917–1919 гг.)», серия брошюр о выборной системе в Омске до революции. В фонде имеются также несколько авторских работ по истории Украины, изданных еще в 1920-е гг. на украинском языке. Из биографических документов представлены аттестат зрелости, справки, подтверждающие трудовой стаж, характеристики с мест работы, диплом кандидата наук и членский билет географического общества, личные фотографии.

Дважды (2002, 2005 гг.) в Государственном архиве Омской области проходили архивные чтения памяти Н.В. Горбаня, в которых принимали активное участие омские архивисты, историки, краеведы.

Одним из крупных фондов личного происхождения (580 ед. хр.) является коллекция научного сотрудника партийного архива Омского обкома КПСС Галины Михайловны Шлевко (1922–1986), активная творческая деятельность которой была направлена на сбор и изучение документов о ветеранах партии, комсомола, участниках Великой Отечественной войны – ветеранах омских воинских соединений. Особый интерес представляет обширная переписка Галины Михайловны по розыску сведений об омичах – Героях Советского Союза (Ф. П-9668. Оп. 1. Д. 122, 123), а также фотографии участников Октябрьской революции, Гражданской войны.

Имеются на хранении личные фонды заведующих партийным архивом Омского обкома КПСС Веры Францевны Садовской (1921–1979), занимавшей эту должность с 1958 по 1979 г., и Виктора Анисимовича Карпенко (1937–2004), с 1982 по 1995 г. руководившего партархивом (с 1991 г. – Центр документации новейшей истории Омской области). В 1995 г. Виктор Анисимович был назначен первым начальником Государственной архивной инспекции. Работая в архивных учреждениях, он являлся членом коллегии архивного управления, принимал активное участие в заседаниях межотраслевой комиссии по развитию архивного дела при администрации области, экспертно-проверочной комиссии. В 1998 г. прекратил свою трудовую деятельность в связи с уходом на пенсию.

Помимо биографических документов, личной переписки, фотографий, статей и лекций, в его фонде отложилась коллекция книг и брошюр, многочисленных статей о диссидентах.

На протяжении многих лет комплектует свой личный фонд и Галина Максимовна Ипатова – начальник архивного управления Омской области (с 1989 по 2000 г.), начальник отдела научно-справочного аппарата Государственного архива Омской области (по 2011 г.). В настоящий момент он состоит из 160 ед. хр.: биографические документы, статьи, материалы конференций и форумов, тексты сообщений на зональных научно-методических советах, многочисленные фотографии, стихи, поздравительные открытки, письма и многое другое. Особый интерес представляют материалы по разработке первого закона Омской области «Об архивном фонде Омской области и архивах» (1994 г.), а также его редакция 2002 г. (Ф. Р-3237. Оп. 1. Д. 6).

В 2004 г. из нескольких частей был сформирован личный фонд коренного омича Николая Сергеевича Колмогорова (1925–1965) – научного сотрудника, работавшего в госархиве в 1955–1965 гг. В фонд вошли материалы, собранные Николаем Сергеевичем для его книги «Красные мадьяры» о венгерских интернационалистах – главной темы, которую он разрабатывал, а также статьи, киносценарии, стихи и др. Коллекция сложилась из документов, переданных его вдовой

Ниней Борисовной Бородиной, а также документов, оставшихся в рабочем столе после его трагической гибели.

Личный фонд Константина Викторовича Канаки (1950–2003), как и в случае с коллекцией Колмогорова, передала на хранение в наш архив его вдова – Валентина Николаевна. Долгие годы К.В. Канаки работал в Центральном государственном архиве Казахской ССР, а в 1990 г., после переезда с семьей в Омск, поступил в наш архив в отдел использования и публикации документов археографом 1-й категории. Несмотря на то, что в последние годы жизни Константин Викторович занялся журналистской работой, его связь с архивом не терялась. Принимал участие в подготовке ряда сборников архива. Например, подготовленное к 400-летию г. Тары издание «Тарская мозаика», подготовленная при его активном участии, стало лауреатом Всероссийского конкурса архивных работ (2-е место).

После научного описания документов, проводимого в 2005–2006 гг., была составлена опись из 156 дел. В самом большом разделе «Коллекция документов, собранных фондообразователем» представлены материалы, собранные им в разное время по истории Западной Сибири, деятельности Сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского, графа А. Аракчеева, Г.Е. Катанаева, Второй мировой войны, документы на другие темы, охватывающие широкий круг научных интересов Константина Викторовича, книги, научные статьи по истории и общественно-политической жизни, карты отдельных районов, открытки с видами Омска и др.

Все вышеперечисленные фонды достаточно объемны. Однако, иногда в «рабочем кабинете» остается интересный материал, который можно собрать в несколько единиц хранения и, для таких случаев в 2008 г. было принято решение о создании фонда «Коллекция документов архивистов – ветеранов Омского областного архива», куда вошли на первом этапе документы профессора, доктора исторических наук Вячеслава Ильича Стрельского и главного археографа архива Натальи Георгиевны Линчевской.

Вячеслав Ильич Стрельский (1910–1983) в Великую Отечественную войну был эвакуирован в Омск. Во время работы старшим научным сотрудником в областном архиве он

написал две книги: «Сибирь в Отечественной войне 1812 года» и «Сибирь в Великой Отечественной войне», а также многочисленные статьи, лекции, тексты радиопередач. В феврале 1944 г. В.И. Стрельского отозвали из Омска для работы в освобожденных от фашистской оккупации районах Украины. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. нашим архивом подготовлено издание, включавшее и работу В.И. Стрельского. Два экземпляра были направлены его дочери Л.В. Шевченко в Киев. Растроганная, что в Омске помнят и ценят труд отца, она прислала материалы: книги, статьи, фотографии. В одном из последних писем его дочь пишет: «Многие документы, которые папа тщательно и аккуратно, как архивист, собирал в папки по хронологии, я отдала в Киевский городской архив, где создан его персональный фонд. Там около 1000 единиц хранения с фотографиями и его картинками» (Ф. Р-3410. Оп. 1. Д. 6а. Л. 3).

Н.Г. Линчевская – составитель многих сборников документов, автор ряда статей и публикаций, опубликованных в научных журналах, справочных изданиях, средствах массовой информации, материалы которых представлены в данной коллекции. Профессия архивиста предполагает приобретение, сохранение и предоставление для исследования подлинных первичных исторических материалов. Работая в отделе использования и публикации документов, в совершенстве владея скорописью, Наталья Георгиевна была главным популяризатором документов XVIII в., настоящим пропагандистом исторического и архивного документального наследия, вводя в научный оборот многие неисследованные ранее источники, хранящиеся в нашем архиве.

Наиболее интересные наработки научных сотрудников за разные годы: копии ценных документов по истории Сибири, собранные в других архивах, исторические справки, обзоры, перечни, статьи, сценарии теле-, радиопередач и др. хранятся также в Копийном фонде архива. В том числе в нем есть как статьи всех вышеперечисленных фондообразователей, так и отдельные работы архивистов А.Д. Ярошенко, Е.Н. Евсева, Г.Я. Цветковой, Л.А. Кугаевской, Л.И. Огородниковой и др.

Работа по пополнению Архивного фонда документами личного происхождения, в том числе документами архивистов, надеемся, будет активно продолжаться. Личные архивы заслуживают самого внимательного к себе отношения. Документы, рукописи, письма, фотографии, фоно- и видеозаписи рассказывают о жизни и быте, условиях существования различных слоев общества, отклики современников на те или иные события времени. Материалы из личных фондов архивистов активно используются исследователями в читальном зале, сотрудниками, в т. ч. для выставок документов.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

*В.И. Баяндин
Новосибирск*

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РЕГИОНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. В АРХИВАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Исследователям военной истории дореволюционной России хорошо известны такие центральные архивы, как: РГИА, РГВИА, РГА ВМФ, ГА РФ. Архивам Сибири и Дальнего Востока, сложно конкурировать с центральными архивами страны, но сибирским исследователям известно, что и в архивах региона находится весьма значительный пласт исторических материалов и документов. Среди них мы находим немало малоизвестных и интересных фактов, сведений по истории создания, формирования, существования и эволюции военных учреждений, структур и воинских частей на востоке страны. Не вдаваясь в характеристику и описание фондов и материалов конкретных архивов, но опираясь на собственный опыт, дадим общую и сравнительную характеристику основных материалов по военной истории, которые можно найти в этих архивах.

За последнюю четверть века автору этой статьи довелось поработать почти во всех областных и краевых архивах Сибири и Дальнего Востока (за исключением архивов Амурской и Курганской областей). В ряде архивов более десятка раз (Барнаул, Красноярск, Иркутск, Омск, Томск), несколько раз (в Кемерово, Тюмени, Улан-Удэ, Чите, Якутске, Владивостоке), единожды (в Абакане, Тобольске, Хабаровске). Поэтому автор рассчитывает на то сложившееся представление о том, какими материалами, в рамках изучаемого вопроса, располагают эти архивы и что эта публикация может помочь тем, кто лишь начинает заниматься изучением разных аспек-

тов военной истории региона. Все архивы региона можно разделить на три группы.

К первой группе, располагающую весьма скромными фондами по военной истории, можно отнести государственные архивы Кемеровской и Новосибирской областей, Приморского и Хабаровского краев, Государственный архив Хакаской автономной области (ныне НАРХ – Национальный архив республики Хакасии), архив Якутской автономной области (ныне НАРС(Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия)). Как правило, в них можно найти документы местных воинских частей и отдельных воинских команд, а также материалы периода Первой мировой войны. Эти фонды весьма малочисленны и часто неполные по годам. К примеру, в ГАПК это фонд 12 – Восточно-Сибирского стрелкового полка, насчитывающий всего 12 архивных дел за 1906–1914 гг.

Ко второй группе мы относим государственные архивы Томской, Тюменской (с филиалом в г. Тобольске) областей; Алтайского, Забайкальского и Красноярского краев, а также ЦГА РСФСР ДВ (ныне – РГА ДВ). В названных архивах сохранилось достаточно обширные и разнообразные материалы по военной истории местных военных структур и воинских частей, о рекрутских наборах и наборах новобранцев на военную службу, в т. ч. о волнениях в воинских частях и гарнизонах азиатских военных округов. К примеру, в ГАЗК это фонд 212 – Забайкальское областное по воинской повинности присутствие. В ГАТО фонд 500 – Томское губернское рекрутское присутствие. Встречаются и материалы о состоянии и службе местных и конвойных команд. Последний из названных архивов, как известно исследователям, до начала 1990-х гг. находился в Томске, а затем был возвращен во Владивосток. Сравнить условия работы этого архива в Сибири и на Дальнем Востоке было бы некорректно. Когда этот архив находился в Томске, документы хранились в здании собора. Зимой сотрудники читального зала архива сидели в зимней одежде, да и посетители одевались потеплее (хотя других исследователей в этом читальном зале я встретил там всего один или два раза). Во Владивостоке, где архив был размещен в специально построенном здании, условия для ис-

следователей были созданы очень хорошие. Следует отметить, что во Владивостоке и ГАПК и РГА ДВ размещены в одном здании, что несомненно весьма удобно для исследователей.

К третьей группе следует отнести архивы Иркутской и Омской областей. Во второй половине XIX – начале XX в. на востоке страны существовали три военных округа: Омский (центр – г. Омск), Иркутский (центр – г. Иркутск), Приамурский (центр – г. Хабаровск). В рассматриваемый нами период эти округа меняли свою конфигурацию, название. Менялось и их значение. Не касаясь истории возникновения и существования военных округов Сибири и Дальнего Востока, обратимся к вопросу о местах хранения делопроизводственной документации этих военных округов. На первый взгляд ответ очевиден: необходимо обратиться к областным и краевым архивам соответствующих городов. Но если архивы являются хранилищами времени, то и время властно над архивами. В областных архивах Омска и Иркутска сохранился обширный пласт материалов по военной истории: делопроизводственные документы штаба округа, отчеты военных управлений: интендантского, артиллерийского, медицинского и др., подготовительные материалы к ежегодным отчетам, отсылаемым в Военное министерство. К примеру, в ГАИО ф. 544 – Управление Иркутского губернского воинского начальника. Кроме того, окружные штабы издавали в печатном виде отчеты о наличии и состоянии воинских частей за определенные годы и эти отчеты иногда встречаются в фондах архива. Частично сохранилась и переписка окружного штаба с военными учреждениями и воинскими частями, размещенными в других городах округа, запросы, рапорты, донесения командования воинских частей.

Казалось бы, все вышесказанное можно отнести и к государственному архиву Хабаровского края, где в XIX – начале XX в. располагался окружной штаб и различные военные управления, но тут ситуация с сохранностью архивных фондов этого периода совершенно иная. Практически дореволюционный период архивными материалами не представлен, и как объяснили сотрудники архива, дореволюционные

архивные материалы где-то в 1920–1930-х гг. продали как макулатуру. Это было первое и очень неприятное открытие, которое мне удалось сделать в читальном зале ГАХК. Безрадостную ситуацию скрасило лишь то обстоятельство, что в библиотеке этого архива оказалось несколько десятков годовых выпусков приказов по военному ведомству: приказы и объявления по гарнизону Хабаровска; приказы по войскам Приамурского военного округа, приказы по крепости Владивосток за разные годы. Приказы, приказания, объявления, отданные по войскам дают возможность понять как была организована учеба нижних чинов, распорядок дневных занятий воинских частей, и как проходили танцевальные вечера офицеров и чиновников военного ведомства. В качестве примера приведем помещенное январское сообщение (точная дата не была указана) в «Объявлениях по Хабаровскому гарнизону за 1913 год»: «Во время танцевальных вечеров в гарнизонном собрании позабыты и утеряны следующие вещи: 1) офицерская шашка выделки Златоустовского оружейного завода с черными темляком; 2) брелок желтого металла в виде буквы О; 3) два веера с белыми ручками; 4) три костяных дамских гребешка и две костяные шпильки; 5) пара черных перчаток; 6) дамская белая длинная перчатка; 7) дамский корсет; 8) носовой платок. Все вещи можно осмотреть и получить у швейцара собрания, причем выдаются вещи только под расписку. И. д. коменданта города полковник Якубовский».

Несомненно, что даже хранящиеся в архивах документы и материалы могут быть доступны исследователям, если в архиве созданы условия для работы и сотрудники архива готовы оказать необходимую помощь. Абсолютное большинство сотрудников в сибирских и дальневосточных архивах, где нам пришлось побывать, очень благожелательно относятся к исследователям, среди которых нередко встречаются люди с разным характером и темпераментом. Однако, к сожалению, встречаются изредка и другие примеры.

Речь идет о весьма значимом по своим дореволюционным фондам Государственном архиве Иркутской области. Впервые мне довелось побывать в этом архиве в годы своей

аспирантуры – в 1984–1987 гг. А всего с материалами этого архива удалось поработать в разные годы более полутора десятков раз. Однако последние годы я стараюсь обходить стороной этот архив, когда бываю в Иркутске. А причина очень простая: за последние десятилетие в этом архиве созданы такие условия для работы исследователей (я говорю, прежде всего, от имени приезжих исследователей), что становится понятно, как при желании можно весьма умело отвести исследователей от работы с материалами этого богатейшего по своим фондам архива Сибири. Автору в разные годы в читальном зале ГАИО приходилось наблюдать скандалы, которые устраивали профессиональные исследователи (!), возмущенные организацией работы читального зала архива. Кроме того, нередко доводилось видеть, как в читальном зале ГАИО после обеда оставалось всего 1–2 исследователя: для других – уже не имелось архивных документов, в то время как во многих дальневосточных и сибирских архивах звонок об окончании работы читального зала с трудом отрывает исследователей, среди которых профессиональные историки, аспиранты, студенты, краеведы и даже старшеклассники от увлекательного изучения архивных документов. Это единственный архив Сибири, в котором уже долгие годы в читальном зале узаконен выходной день среди рабочей недели – в среду. И архив многие десятилетия хранит верность такой «замечательной» традиции. Поэтому, исследователя надо быть готовым к тому, что, явившись в читальный зал ГАИО в понедельник утром и сразу заказав лишь пять, не больше (!) архивных дел, смогут получить заказанные дела лишь в четверг. И хорошо, если это будет утром в четверг, а не к обеду.

Поэтому выражая глубокую признательность и благодарность руководству и сотрудникам архивов Сибири и Дальнего Востока, в которых довелось поработать, за помощь и поддержку, которую они оказывают, в том числе иногородним исследователям, я уверенно исключаю из этого списка ГАИО – государственный архив Иркутской области.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РУССКОЙ АРМИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение участия сибиряков в масштабных военных конфликтах первой половины XX в. (Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая мировая война 1914–1918 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг.) осложняется отсутствием в местных архивах фондообразований, дающих представление об участии местных жителей и сибирских формирований (бригад, дивизий, корпусов) в них, поскольку подобные сведения сосредотачивались в центральных военных архивах, зачастую недоступных исследователям из Сибири. Но в отдельных случаях такая возможность имеется. Например, определенное представление о призванных в армию во время Первой мировой войны дают призывные списки по отдельным волостям Томской губернии, расположенным на территории современной Новосибирской области.

О том, кого вносили в них можно судить на примере Тулинской волости Барнаульского уезда. В ее состав входили села Тулинское (волостной центр), Завьяловское, деревни Атаманова, Бороздина, Бурнистова, Гуселетова, Стольниковка и переселенческий поселок Куличье. Всего к 1911 г. в этих населенных пунктах насчитывалось 1 279 дворов, в которых проживало 3 273 души мужского и 2 340 женского пола [1, с. 254–255]. Ныне эти поселения вошли в состав г. Новосибирска или находятся на территории пригородного Новосибирского сельского района. В Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) в фонде Тулинского волостного правления (Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 212) сохранились призывные списки волости за конец 1913–1915 гг. Списки явно неполные, с многочисленными изъятиями (вырванными листами), но они дают некоторые представления о контингенте призывников.

Призывные списки заполнялись по следующей схеме: «Жиряков М. И. (полностью имя и отчество), 1893 года рождения, отец 56 лет, мать 61 год, братья: 22 года (призван в 1912 г.), 10 лет. Православный, русский, женат (указываются дети), малограмотный, хлебопашец. Вес 3 пуда 29 фунтов, рост 2 аршина 5,4 вершка. Годен к строевой службе» (Л. 49 об. – 50). Анализ трех призывных кампаний (ноябрь 1913, сентябрь 1914, январь-июль 1915 гг.) в Тулинской волости позволяет установить следующую тенденцию. Призыв конца 1913 г. дал на 75 чел., привлеченных к освидетельствованию, 21 (28 %) годного к строевой службе, 15 ратников ополчения 1-го разряда (20 %), которых начали призывать с начала войны, и 10 чел. (13,3 %), отправленных на жеребьевку, всего 53 чел. (61,3 %), которые могли оказаться в действующей армии. Из 54 чел., освидетельствованных 16 сентября 1914 г., 33 (60 %) признали годными к строевой службе и 11 (20,5 %) определили в ратники ополчения 2-го разряда, всего годных для пополнения армии 55 чел. (80,5 %). При освидетельствовании в январе-июле 1915 г. признали годными к строевой службе 53 чел. (48,2 %), а с учетом ратников ополчения 2-го разряда 87 чел. (81,2 %). Как видим, от призыва к призыву возрастала доля годных к строевой службе и тех, кого можно было отправить на фронт.

Что касается некоторых общих параметров, присущих призванным из Тулинской волости, то среди них преобладали неграмотные и малограмотные русские крестьяне, в подавляющем большинстве православные, наполовину женатые и наполовину холостые. Вес призывников колебался в пределах 50,8–77,8 кг, рост – 157–180 см («наименьшая мера роста для приема на военную службу» распоряжением правительства от 17 января 1916 г. определялась в 2 аршина и 1,5 вершка (148,6 см)). В изучаемой совокупности не было ни одного сироты, у 68 % имелись живые отец и мать, причем у 13 чел. мать была старше отца. У шестерых респондентов на момент призыва были отец и мачеха, т. е. родитель после рождения сына вступил в новый брак. У восьмерых была только мать-вдова, у шестерых – отец-вдовец, у двоих – отчим и мать, у одного – мачеха, еще у одного – мать-девица

(родившая вне брака). Большая часть военнообязанных имела братьев, у Т.Н. Мартынова их насчитывалось шесть: 39, 32, 28, 26, 18, 15 лет, а у И.А. Кунгурцева – семь: 33, 25, 18, 15, 12, 5 лет, 1 года.

Призывали в армию и сибирских татар. Так, в призывных списках д. Юрты-Акбалыкские Мало-Корюковской волости Томского уезда (ныне дер. Юрт-Акбалык Кольванского района НСО) значатся: за 1914 г. – Мавлютов Шайхулла Гайфуллович, татарин, 20 лет (по наружному виду), отец 49 лет, братья 15, 12, 10, 8, 5, 2 лет, магометанин, холост, неграмотен, хлебопашец, годен, призван в строй 8 октября 1914 г. 1915 г. – Ахметдинов Н., 1894 г. рождения, отец – 68, мать – 60 лет, братья – 36, 31, 13 лет, магометанин, татарин, неграмотный, женат, хлебопашец. Принят в строй 15 февраля 1915 г.» и т. д. (Д. 168. Л. 74–75, 82 об. – 83).

Поскольку подавляющая часть призванных во время войны в армии никогда не служила, встала проблема специальной подготовки пополнения для действующей армии. Этим занимались запасные батальоны (полки). Как осуществлялась эта работа можно судить по фонду 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона, в начале 1916 г. преобразованного в 38-й Сибирский стрелковый запасной полк (Ф. Д-132. Оп. 1). Часть была образована осенью 1914 г. в Новониколаевске, а примерно через год переведена в Томск. Фондообразование в ГАНУ состоит из нескольких единиц хранения, отображающих повседневную жизнь запасного формирования Омского военного округа посредством приказов по личному составу, спискам прибывших для прохождения службы и убывших на фронт в составе маршевых рот, арматурных ведомостей, расписаний занятий, рапортов, предписаний свыше, материалов дознаний по поводу правонарушений военнслужащих, отчетов о состоянии очередных рот пополнений по прибытии их в действующую армию и т. д.

Стрелковый запасной полк состоял из 10–12 рот численностью каждая от 250 до 1 тыс. чел. при общем количестве военнслужащих до 10 тыс. чел. Его командный состав состоял из командира, подполковника Доброхотова, 31 пра-

порщика, командовавших взводами и ротами, двух зауряд-прапорщиков, старшего врача, младшего врача, двух зауряд военных чиновников, унтер-офицеров и фельдфебелей постоянного состава. Прибывшие для прохождения службы получали комплект обмундирования и пару сапог, которые быстро изнашивались. Поэтому, при приемке на фронте 72-й маршевой роты 38-го полка 8 декабря 1916 г. комиссия констатировала: «Теплые и годовые вещи выданы всем и хорошие, а сапог, негодных к носке, 146 пар» и это на 250 военнослужащих (Д. 35. Л. 86). Подготовка пополнения осуществлялась в ротах и учебной команде, по окончании которой личный состав распределялся в маршевые роты по 250 чел. для отправки на фронт. Срок подготовки колебался от 4 до 20 недель.

Подготовка пополнения осуществлялась в рамках жесткого и напряженного распорядка. Подъем в 5.00. С 5.30 утренний осмотр, уборка, чай. С 7.00 до 10.30 утренние занятия. С 10.30 до 12.00 купание. В 12.00 обед, до 15.30 отдых и чай. С 15.30 до 19.00 вечерние занятия. В 19.45 ужин и чай. В 20.45 поверка, в 21.00 отбой. Занятия заканчивались поверкой выправки и отдания чести. Расписанием занятий предусматривалось изучение подготовительных упражнений к стрельбе и уколы чучела, боевая подготовка взвода, организация сторожевого охранения, караульной службы, гарнизонная служба, обязанности часового и подчаска, дозоров и секретов, чинопочитание и правила воинской вежливости, самоокапывание, составление донесений и т. д. Проводились практические стрельбы, отрабатывались на практике ружейные приемы, штыковые упражнения на чучеле, несение дозорной и разведывательной службы. Отдельно изучалось назначение солдата, знамя, присяга и сдача в плен (наказания и последствия), награды за боевые подвиги, примеры доблестного исполнения долга в прежние и настоящую войну. Задачи подготовки пополнения командующий войсками Омского ВО генерал-лейтенант Н.А. Сухомлинов в приказе от 28 августа 1915 г. определил следующим образом: «Вновь напоминаю, что для действующей армии необходимы одиночные бойцы, умеющие хорошо стрелять, колоть штыками, применяться к местности,

преодолевать препятствия, вести разведку и нести сторожевую службу» (Д. 2. Л. 202).

Подготовка новобранцев в запасных частях осуществлялась фельдфебелями и унтер-офицерами постоянного состава под руководством офицеров, в основном из числа прапорщиков, выпускников иркутских школ прапорщиков. Минимальные сроки подготовки людей, которые в принципе не собирались и не должны были служить в армии, пестрота их социального состава, сложный процесс адаптации к военной повседневности формировали нелицеприятный имидж офицеров военного времени. В приказах по 38-му запасному полку данное обстоятельство находит свое подтверждение. Так, 3 октября 1915 г. подполковник Доброхотов, «посетив около 9 часов утра 9-ю роту я не нашел на занятиях ни командира прапорщика Микулина, ни младшего офицера прапорщика Лебедева, которые пришли уже в 10 часу. Занятия в 9-й роте велись вяло... Принимая во внимание, что прапорщик Микулин уже неоднократно замечался в опаздывании и последний раз даже был арестован домашним арестом на одни сутки, за последнее опоздание, а также беспорядки в роте, арестовываю его на одни сутки на гауптвахте и предупреждаю, что если его деятельность и в будущем будет также плодотворна как теперь, принужден буду принять против него меры, указываемые законом. Прапорщику Лебедеву объявляю в первый раз выговор» (Л. 17). С другой стороны, на этих офицеров военного времени из числа студентов, инженеров, отличившихся в боях нижних чинов, лежала тяжелая задача подготовки солдат из неграмотных и малограмотных сибирских крестьян, руководство ими на фронте, подвергаясь в первую очередь опасности быть убитыми или ранеными.

Подготовленное в запасном полку пополнение в составе маршевых рот отправлялось в действующую армию. По прибытии их в прифронттовую полосу в запасной полк или в боевую часть командованием назначалась специальная комиссия из числа офицеров для осмотра прибывшего пополнения, по результатам которой составлялся отчет. Сокращенный вариант подобного отчета об осмотре 72-й маршевой роты 38-го Сибирского стрелкового запасного полка, прибывшей на уком-

плектование 244-го Красноставского пехотного полка от 8 декабря 1916 г., фиксирует, что в ней «нижних чинов действительной службы 166 чел., ратников 1 разряда 23, ратников 2 разряда 28 и запасных 3. Сроков службы 1916, 1917 и 1918 гг. и ратники 1903, 1904 и 1905 гг. Уроженцы Томской губ. Срок обучения 9 недель. Стрельб произведено: одиночный подготовительный 3 упражнения и одиночный боевой 2 упражнения. Боевая подготовка: обязанности стрелка в рассыпном строю знают удовлетворительно, наводка со станка и установка прицела правильная. Штыковому бою обучены удовлетворительно, рассыпание в цепь, перебежки и применение к местности удовлетворительны. Сторожевая и дозорная служба удовлетворительны. С действием лопаты в бою ознакомлены. Строевая подготовка: стойка, ружейные приемы и повороты усвоены удовлетворительно. Шаг вялый, колка чучела удовлетворительная. Обмундирование: шинели суконные хорошего ткачества. Шаровары исправны. Снаряжение хорошего качества. Теплые и годовые вещи выданы всем и хорошие, а сапог негодных к носке 146 пар. Жалоб заявлено не было. Общее заключение: строевая и боевая подготовка роты комиссией найдена удовлетворительной» (Д. 35. Л. 86). Как видим, пополнение, подготовленное в сибирских запасных частях за 6–9 недель обучения, относилось, по непритязательным оценкам фронтовиков к категории «твердых троичников», но их последующая военная судьба во многом зависела от тех первоначальных азов солдатского ремесла, которые они получили в Сибири.

Факты, которыми я располагаю, в том числе извлеченными из фонда 38-го Сибирского стрелкового запасного полка, опровергают сложившийся в советской историографии стереотип о негативном отношении к войне призванных в армию сибиряков и массовых их протестных акциях во время пребывания в запасных частях и по пути на фронт. Подобные случаи вплоть до весны 1917 г. носили единичный характер и являются типичными для любой армии, формируемой на основе всеобщей воинской повинности. При следовании на фронт солдаты часто отставали от своих эшелонов. Ситуацию с отставшими в какой-то степени проясняют материалы

дознания, произведенного прапорщиком Смирновым по приказу коменданта г. Вязьма 5 января 1917 г. в отношении «доставленного без документов, который назвал себя рядовым 11-й роты 38-го Сибирского запасного полка Федором Тимофеевым Бокутиным срочной службы досрочного призыва 1918 года, происходящего из крестьян Каинского уезда Булатовской волости, деревни Оселок-Васильевский, православного, грамотного», который на станции Вязьма «самовольно от своего эшелона и от своей роты отлучился в гор. Вязьму к своей сестре на Духовщинской улице, где пробыл два дня. 5 января я выехал от своей сестры и направился на станцию, [где] меня задержали военно-полицейские патрули» (Д. 5. Л. 69).

По всей видимости, подобного рода случаи имели распространение, особенно среди солдат из числа переселенцев, когда они проезжали мимо своей «малой родины» и возникал соблазн побывать у родственников и односельчан. Более того им в этом способствовали сопровождающие офицеры. Так, командир прифронтового 52-го запасного пехотного полка сообщал в штаб 38-го запасного полка о том, что «командиры 73, 74, 75, 76-й очередных рот пополнения прапорщики Сафонов, Грудачев, Расторгуев и Донской во время пути следования эшелона проводили нижних чинов через оцепление и отпускали их домой, отчего было в пути 22 самовольно отлучившихся нижних чина, из которых нагнали эшелон 14 человек» (Д. 35. Л. 44.). Массовое дезертирство, а не самовольные отлучки, начались с весны 1917 г. Как конкретное подтверждение указанного утверждения можно сослаться на телеграмму в штаб 38-го Сибирского стрелкового запасного полка от сопровождающего маршевую роту офицера от 3 мая 1917 г. из Барабинска следующего содержания: «Бежало 32» (Д. 35. Л. 185).

Таким образом, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области источники содержат ценную информацию о призванных в армию на территории современной Новосибирской области в 1914–1917 гг. и о подготовке пополнения в запасных батальонах (полках) новониколаевского гарнизона.

Литература

1. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год.
Томск, 1911.

МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕВЯЗОЧНОГО ОТРЯДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПОТЕРЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Исследование началось с того, что изначально преследовалась цель восстановить историю жизни одного человека, Логинова Веденя Осиповича (1880–1923 гг.). Единственное, что было известно о нем, так это то, что Логинов происходил из семьи староверов, был одним из тех, кто переехал в Сибирь по столыпинской реформе в 1908 г. Также известно то, что Логинов участвовал в Первой мировой войне, подвергся газовой атаке, ставшей причиной болезни легких, из-за которой он умер в 1923 г. К сожалению, неизвестно, где и когда происходила эта атака, и в составе каких войск служил Логинов.

Прежде чем приступить к описанию дела, следует знать, что такое перевязочный отряд. Итак, перевязочный отряд – это подвижное санитарное учреждение, которое оказывала помощь раненым в перевязочном пункте. Они были введены в 1915 г. на смену дивизионным лазаретам. До этого и в прежние войны перевязочные отряды создавались и управлялись такими организациями, как Красный Крест и др. Персонал отряда состоял из врачей (2–4, из них один – квалифицированный хирург), административного состава, среднего медицинского персонала и санитаров. Число последних во время мировой войны доходило до 200 в каждом дивизионном перевязочном отряде, и они составляли роту санитаров-носильщиков, предназначенную для выноса тяжелораненых с поля боя. Помимо медицинской помощи, старшие врачи делали документацию, фиксировавшую внутреннюю жизнь воинских подразделений (сюда входят как справки, так и отчеты о состоянии войск, краткие сведения о некоторых событиях внутри войск и т. п.).

Оба дела, которые мне удалось исследовать, являются перепиской Перевязочного отряда дивизионного лазарета 11-

й Сибирской стрелковой дивизии со штабом 1-й армии. Весь материал этих дел представлен как в печатной, так и в письменной форме. В число документов этих дел входят как справки о состоянии больных и раненых, так и отчеты о состоянии самого отряда, а также протоколы и приказы Штаба 1-й армии. В некоторых документах содержится информация о том, в каких сражениях участвовала 11-я дивизия, какие потери она понесла, с каким результатом и где проходило сражение, и в чем она нуждалась. Кроме того, среди документов встречаются записи о тех или иных моментах внутренней жизни дивизии. Например, в Переписке о лечении раненых 1 янв. 1915 г. – 28 нояб. 1915 г. на листке под № 298 приводится протокол о создании воинского кладбища близ г. Цеханово (Польша), возле которого проходили боевые действия с участием многих Сибирских воинских подразделений. Также в этом протоколе принималось решение поставить рядом с кладбищем памятник павшим воинам (Д. 7. Л. 298). Но, как это видно в другом листке под № 299, от главного врача перевязочного отряда 11-й с. д. поступило возражение, так как, во-первых, сама дивизия не участвовала в боевых действиях близ Цеханова, во-вторых, памятник павшим воинам было бы лучше установить в Омске, где в мирное время располагалась большая часть дивизии (Л. 299).

Этот пример служит лишь небольшой иллюстрацией того, какую ценность могут представлять материалы перевязочного отряда. Относительно того, как они помогут в подсчете потерь, понесенных сибиряками, можно сказать следующее. В этом деле есть справки, которые писали командирам подразделений. В них говорится о смерти военнослужащего, о причине смерти. Кроме того, в такой справке указывалась должность умершего и место его захоронения. Подобного рода информация поможет в устранении пробелов и исправлении ошибок, допущенных при заполнении списков потерь.

В ходе исследования дела № 7 по справкам, которые делали в перевязочном пункте, удалось составить следующую таблицу потерь:

Зва-	Фамилия, имя,	Подразде-	Дата смер-	Причина	Место

име	отчество	звание, рота	дата	причина	место захоронения
–	Криворучко Михаил Иванов	–	20.11.1914	Брюшной тиф	Варшав. воен. кладб.
Под- прап.	Чернышев Яков Иванович	43-й Сиб. С.П., 2-я рота	20.02.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Рядов.	Иван Андре- евич Якунин	41-й С.С. П.	18.02.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Ст. у.- о.	Павел Ермаков	44-й С.с.п., 1-я рота	21.02.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Стре- лок	Ефим Василье- вич Смирнов	44-й С.с.п., 13-я рота	21.02.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Стрел.	Николай Кисе- лев	43-й С.с.п., 16-я рота	21.02.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Стрел.	Ларион Афона- сьевич Афона- сьев	44-й С.с.п., 3-я рота	24.02.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Ст. у.- о.	Григорий Ев- стафьевич Па- логичи	42-й С.с.п.	1.03.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Мл. у.- о.	Алексей Иоси- фович Ковалев	43-й С.с.п., 4-я рота	4.03.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Стрел.	Григорий Сте- панович Попов	43-й С.с.п., 5-я рота	5.03.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Стрел.	Иван Степано- вич Каширин	43-й С.с.п., 14-я рота	6.03.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Стрел.	Михаил Петро- вич Шанин	42-й С.с.п., 7-я рота	5.03.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Стрел.	Э. Титович Цвин	8-й Турк. с. полк, 7-я рота	10.03.1915	От ран	Дер. Лесне- во-Дольне
Казак	Степан Семено- вич Стрябчев	2-й Урал. Казач. полк, Пу- лемет. команда	13.07.1915	От ран	Д.Каролино
Мл.у.- о.	Иван Михайло- вич Дмитрие	42-й С.с.п., 1-я рота	13.07.1915	От ран	Д. Кароли- но
Стрел.	Елисей Василье- вич Синяшев	44-й С.с.п., 4-я рота	13.07.1915	От ран	Д. Кароли- но
Под- пор.	Николай Вла- димирович	1-й Тур- кест.с.п.	15.07.1915	От ран	–
Стрел.	Филипп Григо- рьевич Горба- чев	43-я С.с.п.	2.07.1915	От ран	Д. Паево- Вельки.
Ст.у.- о.	Дмитрий Яков- левич Пагубин	–	16.07.1915	От ран	Д. Кароли- но

Ст.у.- о.	П. М. Рыгачов	–	–	От ран	Д. Каролино
Стрел.	Сергей Иванович Харин	–	–	От ран	Д. Каролино
Ст.у.- о.	Александр Ефимович Мардосков	41-й С.с.п.	24.08.1915	От ран	У мест. Мосты

Это далеко не полная таблица потерь, потому что удалось изучить справки только одного дела, а именно дела № 7 «Переписка о лечении раненых 1 янв. 1915 г. – 28 нояб. 1915 г.».

Но, к сожалению, есть недостатки, с которыми столкнется исследователь во время изучения этих дел: во-первых, они охватывают лишь два года работы перевязочного отряда. Во-вторых, переписка неполная, потому что некоторые листы отсутствуют. И, в-третьих, в справках редко, лишь в единичных случаях, указывается место, откуда прибыл военнослужащий. К примеру, военнослужащий Криворучко Михаил Иванович, судя по справке, был уроженцем Полтавской волости Петропавловского уезда (Л. 78). Это – единственное указание места, откуда призывался военнослужащий, которое удалось найти в деле. А для оценки потерь необходимо знать, из каких волостей и уездов призывались военнослужащие. Поэтому, чтобы решить такую задачу, как оценить потери в Первой мировой войне, требуется провести исследования в других архивах, в частности – в Томском государственном архиве и в РГВИА, а также в других архивах, где возможно узнать об участии и о потерях сибирских воинских подразделений.

О РАБОТЕ ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙ- НЫ

Фонды Государственного архива новейшей истории Иркутской области (ГАИО) формировались на протяжении прошлого столетия преимущественно из документов партийных и комсомольских руководящих органов. Специфика этих документов позволяет изучить внутреннюю жизнь эвакогоспиталей с точки зрения партийных работников, ответственных за настроение и боевой дух раненых бойцов Красной армии.

Согласно директиве Народного комиссариата здравоохранения, полученной облздравом 8 июня 1940 г., в области отработывался мобилизационный план по созданию госпиталей глубокого тыла. Это позволило в кратчайшие сроки мобилизовать силы на развертывание госпиталей в неподготовленных для этого помещениях, так что абсолютное большинство госпиталей начало подготовку к приему раненых уже в июле-августе 1941 г. (ГАНИИО. Ф. Р-3374. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–9).

В 1941–1945 гг. в Иркутской области действовал 41 эвакогоспиталь, из них в Иркутске – 28. Остальные госпитали были развернуты в городах, расположенных на крупных станциях Восточно-Сибирской железной дороги: Зима, Нижнеудинск, Тулун, Свирск, Черемхово, Усолье-Сибирское и Слюдянка. Госпитали располагались преимущественно в учреждениях образования: детских садах и средних школах, педагогическом училище, финансово-экономическом, сельскохозяйственном институтах, а также в клубах и дворцах культуры. На территории области действовали учреждения только общехирургического и терапевтического профиля. В Иркутске из 28 госпиталей один имел нейрохирургическую специализацию, два – челюстно-лицевую, а остальные были

общехирургическими с различными профилями: ЛОР, глазным, инфекционным, полостным, костным.

Из выступления комиссара Григорьева на пленуме Иркутского горкома ВКП(б) от 9 апреля 1942 г.: «Посмотрите, как госпитали готовились к приему. Прежде всего, были выделены лучшие здания в городе, большинство из них было своевременно отремонтировано и приведено в надлежащий порядок. К стыду нашему, многие из зданий в период мирного времени отремонтированы не были, а сейчас стали просто неузнаваемыми. Мне приходилось разговаривать с ранеными, которые лежат в Доме кузнеца, они сравнивают этот госпиталь с лучшими госпиталями г. Ленинграда» (Ф. 159. Оп. 6. Д. 554. Л. 35–36).

Однако сибирская зима внесла свои коррективы: так, на заседании бюро Нижнеудинского райкома ВКП(б) от 30 октября 1941 г. во время обсуждения вопроса «О готовности госпиталей» стало известно, что в школах и детских садах, отданных под эвакогоспитали, не утеплены наружные двери, не до конца оборудовано котельное отделение, необходимо дооснастить ванны и туалеты (Ф. 280. Оп. 9. Д. 275. Л. 65–66). Выполнение таких постановлений было на контроле у военного отдела Иркутского обкома партии и отдела эвакогоспиталей облздравотдела.

В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) в октябре 1941 г. был образован Иркутский областной комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии (Ф. 127. Оп. 1. Д. 523. Л. 4). За каждым госпиталем было закреплено шефское предприятие, которое оказывало материальную поддержку, организовывало культурный досуг. К началу 1942 г. в шефской работе приняли активное участие 180 коллективов города. На оборудование госпиталей, на пошивку белья шефские организации выделили более 2 млн руб. (Ф. 159. Оп. 6. Д. 554. Л. 20).

Навстречу воинским эшелонам непрерывным потоком шли на Восток, вглубь тыла, санитарные поезда с ранеными и искалеченными фронтовиками. Среди военврачей бытовала горькая поговорка: «Чем тяжелей ранение, тем дальше в тыл...» На 15 февраля 1942 г. эвакогоспиталями Иркутской

области был принят 1141 раненый. Как вспоминала известная терапевт З.А. Устьянцева, которая в годы войны была начальником эвакогоспиталя, размещающегося в школе № 9, создавался он практически с нуля. Не было ни оборудования, ни лекарств. И лишь благодаря стараниям и усилиям врачей удавалось наладить нормальную работу [1, с. 45].

Кроме недостатка хирургических инструментов и бытовых вещей, медицинскому персоналу эвакогоспиталей пришлось столкнуться с неожиданной проблемой – постоянным нарушением дисциплины ранеными. За каждым госпиталем был закреплен комиссар – партийный работник, отвечавший за морально-психологическую атмосферу в госпитале. Комиссар обязан был постоянно присутствовать в госпитале, делать обход палат, индивидуально работать с каждым коммунистом. Приведем в пример выдержки из некоторых докладов комиссаров на пленуме Иркутского горкома партии от 9 апреля 1942 г.

«В нашем госпитале (№ 1221) было очень много нарушений дисциплины со стороны раненых и больных бойцов. Причем надо сказать, что все нарушения связаны с выпивкой. В пьяном виде доходило до безобразий: больные напивались, выбегали на улицу в одних халатах, били прохожих, разбивали окна. На начальника госпиталя замахивались стулом и не ударили только потому, что он убежал из кабинета» (Ф. 159. Оп. 6. Д. 554. Л. 12).

«Обычно больные спали до 10 часов, завтрак остывал, а потом они оскорбляли нецензурными словами обслуживающий персонал за то, что у них холодный завтрак» (Л. 13).

«Некоторые командиры считали, что если медсестра делает какое-то указание, так он не обязан ей подчиняться, говоря: я командир, а она медсестра, да еще не в форме, какое она право имеет давать мне указания. Ну и получалось: сидит на койке, раскуривает папиросу, швыряет окурки на пол, а когда медсестра или врач делают замечание, так такой больной отвечает: пошел ты от меня подальше» (Л. 13–14).

Постепенно анализ ситуации со стороны комиссаров позволил выявить причины таких настроений. Медицинский персонал госпиталей оказался не готов к тому, что в рядах

Красной армии могут быть разные люди, не обязательно знающие и желающие выполнять дисциплинарный устав РККА. «Нарушения идут именно со стороны таких людей как Козлов, Картамышев, ведь это судившиеся люди, сидевшие в тюрьме до 9 лет. Что получилось – 20 мая человек вышел из тюрьмы, 5 июня был взят в армию, а 15 июля ранен, причем рана в мягкую часть руки без поражения кости. Рана долго не заживает, и это заставляет нас думать, что здесь был само-стрел» (Л. 13).

Для борьбы с такими нарушителями были введены строгие меры: Козлова и Картамышева привлекли к ответственности, дали 4 года исправительно-трудовых лагерей, а когда этот приговор довели до сведения больных, положение сразу улучшилось.

Главную роль в исправлении ситуации сыграло понимание начсостава, что без строгой военной дисциплины работа госпиталей налажена не будет. «Когда мы сейчас разъяснили больным, добились понимания у медперсонала, что мы являемся военным лечебным учреждением, дело пошло лучше» (Л. 13).

Иркутские госпитали обслуживал в основном местный медицинский персонал. Для них введение военной дисциплины тоже сыграло важную роль. «Мы никогда не добьемся порядка, пока не призовем к порядку штат. Сейчас аппарат наряду с хорошим отношением проявляет и исключительную черствость» (Л. 9). Главное в работе госпиталя – это, несомненно, лечение. Подчеркивая этот факт, в обсуждении работы госпиталей на пленуме Иркутского горкома приводили «буквально возмутительные примеры, когда одних и тех же больных переводят из одного госпиталя в другой в поисках необходимых методов лечения, хотя у нас все госпиталя специализированные. Мы имеем такие случаи, когда в течение 10–15 дней больных никак не лечат. Такие факты имели место в Сельхозинституте, когда из-за отсутствия хирурга больным ничего не делали, хотя состав медицинских работников скомплектован в достаточном количестве, и они обязаны оказать помощь» (Л. 41–42).

Необходимо отметить, что важным фактором в улучшении морально-психологического климата в эвакуогоспиталях являлась организация учебы и трудовой занятости выздоравливающих бойцов. С одной стороны, раненые, которые готовились вернуться в строй, находились в госпитале от полутора месяцев до полугода – за это время они забывали устав, материальную часть оружия. Чтобы избежать этого, в некоторых госпиталях были организованы кружки, где проводились занятия по тактике боя и вооружению.

С другой стороны, раненые, которые уже не могли возвратиться с войсковую часть, оказывались перед лицом новой реальности, в которой часто не могли уже заниматься и своим прежним делом ввиду характера ранений. Для таких выздоравливающих организовывали курсы, где обучали новым профессиям – в госпитале № 3911 готовили колхозных счетоводов, столяров, строительных десятников и сапожников. В госпитале № 3908, базирующемся в Сельхозинституте, готовили комбайнеров и трактористов. Однако далеко не в каждом госпитале была организована такая работа, и часто раненые были предоставлены сами себе.

Это приводило к тому, что многие выздоравливающие не хотели выписываться из госпиталей. «Люди срывают повязки, царапают раны. В случае обмороживания пальцев находятся в госпитале по 6–7 месяцев. Мы попробовали провести такое мероприятие: у больного в течение 6 месяцев не заживало мягкое место на ноге. Ему наложили гипс, и в течение 12 дней рана зажила. Причем, надо сказать, что когда накладывают гипс, то раны поддаются заживлению гораздо хуже. Таких фактов очень много, кроме того, много случаев, когда люди уваливают от выписки. Были случаи, когда по месяцу, по полтора месяца после прохождения комиссии люди остаются в госпитале, например, сапоги не подходят, шапки, гимнастерки не подходят» (Л. 8). С такими больными проводил беседы следователь из прокуратуры, кроме того, если через три дня после прохождения комиссии человек оставался в госпитале, его снимали с довольствия.

Подобные настроения были оправданы в случае выписки бойцов, ставших инвалидами. Несмотря на множество

декларативных постановлений о помощи инвалидам Отечественной войны, им было чрезвычайно трудно выжить в чужом городе, лишенным возможности работать по прежней специальности, в тяжелом физическом и психологическом состоянии. По данным бюро Иркутского обкома партии, на 1 октября 1944 г. из 9 296 инвалидов войны было трудоустроено 6 877 чел., или 73,9 %. Серьезным тормозом в трудоустройстве было несвоевременное протезирование – протезная мастерская систематически не выполняла план, качество протезов было низкое (Ф. 127. Оп. 14. Д. 97. Л. 8–11).

Великая Отечественная война принесла горе в каждый дом, искалечила миллионы людей. Не каждый человек мог легко осознать свое увечье, принять, что в расцвете лет он стал неспособным обеспечить себя и семью. В госпиталях были случаи самоубийств, в основном бойцов с тяжелыми увечьями. Согласно докладным запискам отдела эвакогоспиталей заместителю Наркома здравоохранения, в госпитали Иркутской области поступали раненые и больные из центральных эвакогоспиталей (Москва, Саратов, Горький, Челябинск, Киров, Свердловск и др.), требующие длительного лечения. Такой тяжелый контингент давал неблагоприятный исход – 46,7 % раненых при выписке были не годны к военной службе и выписаны на инвалидность; смертность составляла 0,19 %. За годы войны эвакогоспитали Иркутской области приняли около 100 тыс. раненых бойцов Красной армии. К окончанию деятельности эвакогоспиталей области в 1945 г. выяснилось, что уровень смертности составил 0,9 % [1, с. 215].

Сегодня в Иркутской области на каждом здании, в котором помещался эвакогоспиталь, установлена мемориальная доска, а эвакогоспиталь № 325, образованный 22 июня 1941 г. существует до сих пор как Окружной военный клинический госпиталь по адресу ул. Госпитальная, дом 1.

Литература

1. Маценко П.А. История лечения раненых в эвакуационных госпиталях Иркутской области. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В НОВОСИБИРСКЕ

Эвакуация оборудования промышленных предприятий из прифронтовых районов на восток страны началась в первые дни войны. Затем она охватила все территории, которым грозила оккупация. Эвакуация приняла невиданные в истории масштабы. Только в Сибирь с июля до начала декабря 1941 г. было перебазировано оборудование 322 крупных заводов и фабрик [1, с. 148]. Трудовой подвиг тружеников тыла по восстановлению заводов и фабрик имел не меньшее значение для приближения победы над врагом, чем ратный героизм советских воинов на фронтах.

Военные годы стали новым и очень важным периодом в истории Новосибирской области. Индустриальный потенциал, созданный здесь за годы первых пятилеток, сделал регион привлекательным для размещения предприятий, перебазированных из западных районов СССР. Уже в июле в Новосибирск стали прибывать эшелоны с эвакуированным заводским оборудованием. С каждой неделей их становилось все больше. Всего за годы войны в город поступили станки и оборудование примерно с 50 фабрик, заводов, электростанций, а также техника 15 относительно крупных строительных организаций.

Строительная индустрия, как и промышленность, перестраивалась на военный лад. Перед отраслью была поставлена чрезвычайно сложная и ответственная задача: в кратчайшие сроки ввести в действие перемещенные заводы, нарастить основные производственные фонды промышленности, транспорта и других отраслей хозяйства, а также обеспечить население жильем.

В строительные площадки в 1941–1942 гг. превратились практически все наиболее крупные промышленные предприятия, такие как заводы «Труд» и станкостроительный им. XVI партсъезда. Одновременно с выпуском про-

мышленной продукции на них, с использованием эвакуированного оборудования, шло создание новых производств. Участие в сооружении новых объектов, в монтаже оборудования принимали не только строители, но и эксплуатационники.

Наиболее масштабной оказалась деятельность на новых, до войны незаконченных стройках. Они располагали начальной производственной и социальной инфраструктурами, которые стали основой для организации более крупных промышленных предприятий по сравнению с запланированными ранее. В Новосибирске еще с 1930-х гг. одновременно велось строительство нескольких заводов. Самые мощные из них «Сибметаллстрой» и авиационный завод уже начали выпускать военную и гражданскую продукцию, хотя были очень далеки до полного завершения строительства.

Оборудование пяти близких по профилю эвакуированных заводов принял Новосибирский авиационный завод им. Чкалова. Строительно-монтажный трест № 7, ведущий строительство завода, в срочном порядке увеличил свою производственную базу и численность работников. Для сокращения сроков строительства труд организовывался так, что многие производственные операции совмещались, вместо того чтобы осуществлять их последовательно. Часто бывало так, что строители еще не успевали закончить сооружение здания, а монтажники уже начинали установку технологического оборудования.

Трест полностью выдержал установленные сроки. До конца 1941 г. были сооружены основные сборочные производственные корпуса, а также здания инструментального и кузнечно-прессового цехов, многие объекты производственной инфраструктуры, смонтировано и установлено оборудование для производства самолетов ЛАГГ-3. Одновременно шла подготовка технологических линий для производства истребителей конструкции А.С. Яковлева. О темпах работ можно судить по такому факту: в отдельные дни на заводе монтировалось и сдавалось в эксплуатацию по 200-250 станков [2, с. 96]. Немногим менее напряженным для строителей оказался

1942 г., поскольку в это время авиационный завод переходил на выпуск новой модели истребителей.

Еще более грандиозное строительство развернулось на территории «Сибметаллстроя» (позднее – Комбинат № 179, ПО «Сибсельмаш»). Начало войны промышленный гигант встретил в стадии незавершенного строительства. По снаряженному производству в эксплуатацию было введено лишь 15 % мощностей [3, с. 145; 4, с. 734–735].

Во второй половине 1941 г. на строительную площадку поступали десятки эшелонов с оборудованием семи эвакуированных заводов. Самыми крупными из них были Запорожский металлургический завод, военные заводы из Тулы, Таганрога, Ростова-на-Дону, Подольска. На огромной строительной площадке одновременно в разных местах шло создание разнопрофильных производств. Трудности и сложности преследовали строителей повсюду. Не хватало трудовых ресурсов, строительных материалов, техники. Заводы размещались в помещениях, первоначально предназначенных для других целей. Требовалась их перепланировка, подведение соответствующих коммуникаций. Наряду с этим дополнительно делались пристройки к помещениям, возведенным ранее. О трудовом героизме строителей и эксплуатационников красноречивее всего говорят такие цифры. К концу 1941 г. с комбината № 179 на фронт отправлено 580 вагонов с военным снаряжением [2].

Строительство и реконструкция отдельных цехов комбината № 179 не останавливались на протяжении всех военных лет. Значительно возросли производственные мощности литейного цеха. Создан хорошо оборудованный цех по производству авиационных бомб. В соответствии с изменением номенклатуры выпускаемых военными заводами артиллерийских орудий, изменялся и ассортимент снарядов, производимых на комбинате.

Использовался в Новосибирске и такой способ восстановления эвакуированных предприятий, как рассредоточение отдельных производств по различным помещениям, иногда отстоящих друг от друга на большом расстоянии. В городе для размещения оборудования эвакуированных заводов

пришлось изыскать более 500 различных зданий. Из них менее половины находилось на территории промышленных объектов. Строителям приходилось прикладывать массу усилий, чтобы в непрофильных помещениях создавать индустриальное производство.

Таким способом осуществлялось размещение и восстановление достаточно крупного Приборостроительного завода. С момента поступления предприятия в Новосибирск прошло всего лишь 20 дней, как он начал выпускать оборонную продукцию – прицелы для танков и артиллерии. Строители быстро наращивали производственные мощности предприятия. Уже через шесть месяцев выпуск продукции на заводе вдвое превысил довоенный уровень. В рекордно короткие сроки, всего лишь через два месяца в Новосибирске был запущен в эксплуатацию Инструментальный завод им. Воскова, эвакуированный из Сестрорецка.

Помимо уже перечисленных предприятий за годы войны трудом строителей возведено множество других заводов и фабрик: Приборостроительный им. Ленина, Точного машиностроения, «Искра», «Электросигнал», Электровакуумный, им. Коминтерна, «Экран», Прожекторный, Химический, Химфармзавод, Камфорный, Аффинажный, Оловозавод, Паровозоремонтный, Редких металлов, Строительных машин, Металлургический, первая очередь завода «Тяжстанкогидропресс» и др. Ввод их в эксплуатацию привел к серьезным трансформациям производственной структуры города, превративших его в индустриальный форпост на востоке страны. Вместе с ростом индустриального потенциала увеличивалась потребность в электроэнергии, поэтому строителям и монтажникам пришлось в короткие сроки возводить дополнительно множество энергетических объектов. В их числе оказалась и крупнейшая в городе ТЭЦ-3. Они также укомплектовывались перебазированным с запада оборудованием.

Как и на фронте, основные трудности по восстановлению эвакуированных предприятий выпали на первый год. Строительно-монтажные работы очень серьезно осложнялись некомплектностью оборудования, его неисправностью. Часть эшелонов попадала под бомбежки, прибывала

с большими потерями. В связи с этим строители-монтажники часто не могли составить полной технологической линии. Поэтому отдельные узлы и детали перед монтажом приходилось ремонтировать или изготавливать заново.

Несмотря на многочисленные трудности, сибиряки быстро восстанавливали заводы. Для этого строительномонтажные работы часто организовывались в три смены. В ночное время строящиеся объекты освещались мощными лампами и прожекторами. Новые здания возводились с облегченными стенами и перекрытиями. Вместо металла и железобетона широко использовалось дерево. Все это позволяло сокращать сроки строительства и ускорять ввод в эксплуатацию мощностей по производству вооружения, боеприпасов и другой продукции. Конечно же, при этом приходилось жертвовать качеством строительства. О масштабах капитального строительства в городе говорит такой факт, что за четыре года на заводах Новосибирской области смонтировано около 16 тыс. различных станков. Уже к концу 1941 г. большая часть перебазированных предприятий начала выпускать оборонную или иную продукцию, необходимую воюющей стране и ее населению. К середине 1942 г. многие предприятия достигли довоенных объемов производства, а некоторые даже превысили их.

Вновь введенные в действие основные фонды позволили увеличить физический объем валовой продукции промышленности с 1940 по 1945 г. в 5,4 раза. Таким образом, за годы Великой Отечественной войны Новосибирск не только не утратил свой индустриальный потенциал, но и значительно увеличил его. Кардинально изменилась структура производства. Доля машиностроения и металлообработки в 1945 г. в общем объеме промышленного производства города составила уже 80 % (против 23 % до войны) [5, с. 992]. Появились новые отрасли, такие как химическая и радиотехническая промышленность.

Литература

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. Т. 2.
2. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
3. Левобережье Новосибирска: страницы истории. Новосибирск: Сиб. горница, 1999.
4. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. Новосибирск, 2005.
5. Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск, 2003.

В.П. Зиновьев
Томск

ПРИТОМСКИЕ СЕЛА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Выдающийся вклад в Победу внесли люди совсем негероические – колхозники сел и деревень. Населенные пункты, бывшие на месте современного города атомщиков Северска не являлись исключением [1, с. 104–107]. Прежде всего, притомская деревня отдала большинство здоровых мужчин в действующую армию. Белобородовский сельсовет к 26 июня отправил на фронт 135 чел. Председатель сельсовета Ф.Н. Белиловец отмечал: «Все идут охотно и говорят: “Мы идем защищать нашу Родину”» (ТОЦХДНИ. Ф. 358. Оп. 1. Д. 168. Л. 5). Из Иглаково ушли на фронт всего 120 чел., из них 62 погибли, в т. ч. 34 Иглаковых. В некоторых семьях не вернулись с войны по 2–3 солдата. В одной из семей Иглаковых ушли на фронт шесть братьев, вернулся один. Иглаковские шлемоносцы воевали как герои, многие были награждены орденами и медалями, а Николай Александрович Иглаков – тремя орденами Славы. Эти сведения сохранились в альбоме «40-летию Великой победы над фашистской Германией посвящается», собранном кружком юных историков под руководством преподавателя А.Г. Башкирцевой (хранится на кафедре общественных наук Северского института Федераль-

ного ядерного университета), списки погибших на войне в котором составил А.И. Иглаков.

В Белобородово, по данным ветерана г. Северска и краеведа М.П. Зеленова, погибли 29 воинов, в пос. Чекист – 19, в дер. Песочной – 16, в пос. Самусь – 165 чел. Но вряд ли это полные сведения, так как архивы Туганского и Томского райвоенкоматов частично погибли и восстановить списки полностью уже невозможно.

Мобилизации подлежали не только взрослые, но и подростки, которых считали солдатами трудового фронта. Шли наборы в ремесленные училища Самусьского затона, Томска, городов Кузбасса. Бежавших привлекали к уголовной ответственности как дезертиров. Исполком Новосибирского областного совета строго предупредил об ответственности председателей колхозов и сельсоветов, укрывавших подростков от мобилизации (ГАТО. Ф. Р-800. Оп. 5. Д. 129. Л. 62; Д. 132. Л. 116). Кроме того, шли постоянные мобилизации на лесозаготовки в Асиновский и Томский леспромхозы, на строительство МТС, на очистку путей от снега, на вывозку зерна и картофеля из глубинки, на возку торфа из пос. Орловка в пос. Самусь, на вывод судов в безопасное место весной и т. д.

Надо было также выполнять производственные планы в колхозах, проводить компании по заготовке разного сырья, сдавать деньги, одежду для Красной армии, подписываться на военные займы и обязательные лотереи. Хорошо известно, что все эти многотрудные заботы легли на плечи женщин, подростков, стариков и мужчин, негодных к военной службе (больных, инвалидов). Мобилизации подметали колхозы дочиста, крестьянам «броня» была не положена. Можно привести много примеров самоотверженного труда женщин, успевавших работать на колхозных фермах и полях, на своем приусадебном участке и растить детей. Об этом свидетельствуют нехитрые мемуары колхозниц «Красного Иглаковца». Валентина Владимировна Иглакова вспоминала, что работали по 18 часов, что «хлеб часто жали на коленках» от усталости, что четыре доярки обслуживали 60 коров в холодном, темном коровнике, а молоко отправляли в Томск. Вера Его-

ровна Иглакова пятнадцатилетней девчонкой работала на военном заводе в Томске, затем – на тракторе, на ферме, носила мешки с картошкой, работала зимой в дырявых сапогах. Понятны ее сетования: «Сейчас жить, да радоваться, да уже и здоровья нет». Сами давно не евшие досыта, матери лучшие куски отдавали детям. Лидия Ивановна Виленчук одна вырастила семь детей, так же, как и Александра Кузьминична Корнилова. Домна Федоровна Иглакова подняла пять детей в военное время. Н.Г. Терентьев, председатель «Красного Иглаковца» в 1945 г. вспоминал, что «в колхозе осталось 120 человек. В основном старики, женщины, дети, да инвалиды, солдаты, вернувшиеся домой после тяжелых ранений». Эти воспоминания сохранились в альбоме «Из истории колхоза “Красный Иглаковец” и «Боевой и трудовой подвиг женщин колхоза “Красный Иглаковец” в годы Великой Отечественной войны», который хранится на кафедре общественных наук Северского института Федерального ядерного университета и собран под руководством А.Г. Башкирцевой.

О лучших тружениках сообщало томское радио. Так, в 1942 г. из колхоза «Вперед к социализму» корреспондент общал, что «большинство женщин, занятых на уборке ржи, жнут серпами. Но одна из них – товарищ Мыльникова решила ускорить уборку и перешла на косьбу ржи обыкновенной литовкой. При этом свою работу она выполняла так умело, осторожно и аккуратно, что потерь зерна нет...

Мыльникова работает вместе со своей дочерью, которая помогает ей вязать снопы. За день они сжинают более тридцати пяти сотых гектара, вместо пятнадцати сотых по норме». Из этого же колхоза сообщалось, что «пятнадцатилетний колхозник Витя Калашников прекрасно жнет серпом, показывая пример всем своим одногодкам, как должна работать молодежь в колхозе, за этот год он заработал уже свыше трехсот трудодней, восемьдесят шесть из них на уборке» (Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 36. Л. 26; Д. 37. Л. 148).

Из «Красного Иглаковца» также в 1942 г. оптимистично сообщалось в передаче «Привет Вам снайперы труда, гвардейцы трудового фронта», что колхозники, не дождавшись хорошей работы от трактористов Корниловской МТС, вспахали

землю конными плугами, засеяли ее и посадили картофель (Д. 32. Л. 48). Среди передовиков в 1943 г. назывались заведующая фермой колхоза «Борьба с капиталом» Надежда Шкутова и доярка Мария Шепкевич (ТОЦХДНИ. Ф. 959. Оп. 1. Д. 66. Л. 14). Елизавета Максимовна Шехватова, доярка той же фермы, получила звание «Мастер социалистического животноводства» за выдающиеся показатели в 1943 г. (ГАТО. Ф. Р-800. Оп. 5. Д. 133. Л. 1). В 1944 г. за доблестный труд получили почетные грамоты П.И. Беликова – телятница, П.И. Криулько – заведующая молочно-товарной фермой, А.К. Залевская – председатель колхоза «Борьба с капиталом», С.П. Хруль – бригадир, В.И. Тюков – председатель колхоза «Верный путь» (Д. 142. Л. 186). В этом колхозе среди лучших были А.Л. Кузьмина, А.Ф. Лычников, М.Д. Поволкович (Д. 161. Л. 18). В 1942 г. председатель колхоза «Вперед к социализму» Сергеев был награжден знаком Почета за выполнение плана хлебозаготовок (Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 855. Л. 59). Десятки колхозников получили после войны медали «За доблестный труд». В колхозе «Красный пихтовар» – Андреева Д.О., Бугреева А.В., Вагаль М.О., Вагаль М.В., Лысенок А.О., Лысенок К.У., Кумпяк Е.М., Никонов М.М., Талькмиidt К.Ф., Школко Е.О., в колхозе «Борьба с капиталом» – Губаревич К.М., Козакова А.Ф., Кузнецова Л.П., в колхозе «Коллективист» – Лунегова А.А., Швагин Н.М. (Ф. Р-800. Оп. 5. Д. 116. Л. 50) и многие другие, которым мы должны низко поклониться.

Однако, несмотря на самоотверженность в работе большинства сельских тружениц, они не смогли сохранить довоенный уровень производства. Город по-прежнему только брал, ничего не давая взамен. Щедрее, чем награды, сыпались из райцентров директивы, ценные указания, угрозы. Трактора стояли без запчастей, наиболее работоспособные лошади были мобилизованы, как и лучшие мужики. Упадок хозяйств был неизбежен и документы это демонстрируют со всей беспощадностью. Если планы 1941 г. еще были выполнимы, а в 1942 г. планировалось построить новые сельхозобъекты, то зима 1942/43 г. показала нереальность каких-либо планов развития. В эту зиму в Томском районе эпизоотии и бескормица выкосили в ряде колхозов половину стада. Приплод резко сократился, в некоторых

колхозах не было ни одной жеребой матки (ГАТО. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 858. Л. 21; Д. 866. Л. 14). В 1944 г. итоги были также плачевны. Райисполком констатировал: «Район в целом получил низкий урожай зерновых, картофеля и овощей, низкий средний надой молока, низкий постриг шерсти и плохой сбор яиц на одну курицу. Район не рассчитался с государством по картофелю, овощам, мясу, молоку, яйцам и целому ряду обязательных поставок». В районе пало 614 лошадей, 420 голов крупного рогатого скота, 1 152 овцы, 249 свиней. В отчете отмечалось, что в деревнях нет квалифицированных кадров, МТС не справляются с работой (Д. 877. Л. 53, 54). Работа колхозов «Красный Иглаковец», «Вперед к социализму» была признана плохой, было отмечено сокращение площадей посева, падеж скота, невыполнение плана лесозаготовок. Весной 1945 г. райисполком, проверив ход полевых работ в Белобородовском сельсовете, констатировал: «...качество обработки земли очень плохое (мелкая пахота), пашут скопом, отсутствует индивидуальная сдельщина. Имеется большой разрыв между пахотой и боронованием, семена не протравлены. Трактор оказался неисправным» (Ф. Р-258. Оп. 1. Л. 93). Перечисление такого рода постановлений можно продолжать, но они свидетельствуют о том, что падение сельхозпроизводства остановить было нечем, помощь же районных властей ограничивалась окриками и требованиями.

Ситуация в селах Туганского района была аналогичной – падеж скота, сокращение посевных площадей, развал трудовой дисциплины. Лошади, истощенные непосильной работой на полях, лесозаготовках, бескормицей и болезнями, более чем на половину вышли из строя. Их заменили коровы. Бычков старше 1,5 лет по решению райисполкома конфисковали в 1944 г., поставили на учет всех быков и рабочих коров, приказали обучить их ходить в ярме. Павших колхозных коров заменяли отобранными из личных хозяйств колхозников. Ценой чрезвычайных усилий в 1944 г. большинство колхозов планы хлебозаготовок выполнили: «Верный путь» – на 116 %, «Коллективист» – на 170, «Красный токарь» – на 186, но «Красный пихтовар» – на 30 %. Председателя «Красного пихтовара» Марию Андреевну Лысенюк сняли с работы, о чем она давно просила (Ф. Р-800.

Оп. 5. Д. 161. Л. 2–23; Д. 168. Л. 1–5). Деревня к концу войны совсем обессилила, а с нее продолжали требовать хлеб, картофель, вывозку леса, торфа, денег. Однако уполномоченные отмечали: «Денег собрано мало, причина в том, что нет денег и нечего сдавать» (Л. 26). Все-таки осенью 1944 г. Петропавловский сельсовет сдал в помощь инвалидам и семьям военнослужащих 8 100 руб., 205 ц картофеля, 31 ц овощей, 134 ед. одежды и обуви, 2 тыс. куб. м дров, 13 телят, 16 овец, 22 поросенка (ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 807. Протокол № 172). Помощь эта была действительно нужна для семей красноармейцев, бедовавших больше других.

В феврале 1943 г. Томский горисполком принял решение взять на городское снабжение 300 членов семей красноармейцев, проживавших в деревнях Белобородово и Петровка, ранее работавших в пос. Чекист. Нормы выдачи хлеба были, однако, очень маленькими. По решению Томского райисполкома 18 января 1944 г. они составляли для рабочих промышленных предприятий 400 г хлеба в день, для рабочих и служащих подсобных хозяйств – 200 г, для иждивенцев – 100 г (Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 865. Л. 8). К 1945 г. вышли из строя промышленные предприятия, расположенные в сельской местности. В январе 1945 г. остановились стеклозаводы «Красная сопка» в Морьяковке и «Большевик» в Чернильщицково, не было дров, люди, лошади, скот обессилили. Райисполком же требовал мобилизацию на лесозаготовки населения Белобородовского сельсовета, колхозных коров и лошадей (Д. 877. Л. 66). О нищете колхозов можно судить по отчетам о работе мелкой промышленности районов в 1945 г. Зарплата рабочих артели «Красный восток» составила 3 031 руб. в год, артели «Большевик» – 2945,5, «Промторфа» – 1 510, а в промколхозах «Верный путь» – 407, «Коллективист» – 351, «1 мая» – 563 руб., выделялся лишь «Красный токарь» – 4 510 руб. (Ф. Р-1097. Оп. 1. Д. 1311. Л. 1–2, 4, 10, 49; Д. 1286. Л. 106, 111). Эти деньги надо разделить на 100, чтобы сравнить их с последним советским рублем. Вернувшимся с фронта мужчинам предстоял не отдых, а тяжелый труд, чтобы вернуть к жизни захиревшие колхозы.

Пример десятка притомских деревень показывает, что советская система позволила мобилизовать все ресурсы сель-

ского населения, выжать их без остатка, ввергая село в нищету и разорение. Вряд ли это было исключением из общей тенденции развития аграрного сектора страны в военное время.

После военного лихолетья судьба сел и деревень, бывших на месте современного города Северска и его окрестностей была различной. Часть из них (Белобородово, Иглаково, Песочная) оказались непосредственно на месте развернувшегося строительства нового города, его промышленной зоны, поэтому исчезли. Другие деревни находились в зоне его притяжения (Виленка, Бросовка, Поперечка, Чернильщиково) и постепенно обезлюдели. Третьи деревни были традиционно в сфере влияния рабочего поселка Самусь (Семиозерки, Кижирово, Орловка, Луговая). Они, кроме Орловки, бывшей также промышленным селением, постепенно утратили всех или большую часть своих жителей. Таким образом, общая тенденция превращения всей страны из аграрной в индустриальную, на примере города Северска, демонстрируется ярко и наглядно. Город рос за счет деревни, отбирая у нее жителей, территорию и будущее.

После войны курс партии на индустриализацию не изменился, промышленный потенциал восстанавливался прежними методами: ограбление деревни через налоги и низкие цены на сельскохозяйственные товары, принудительные займы у населения, репрессии, вербовка крестьян на предприятия. Такой пресс небогатые деревни к северу от Томска долго выдержать не могли, а когда в 1950-е гг. Н.С. Хрущев начал менять политику по отношению к сельскому хозяйству, уже было поздно их спасать. Одна за другой притомские деревни, уходя в историю, приказывали долго жить городу Северску, который был необходим для сохранения обороноспособности страны уже в холодной войне.

Литература

1. История Северска. Очерки. Северск: Музей г. Северска, 2009. 380 с.

Д.В. Федоскина
Новосибирск

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА НА СТРАНИЦАХ «СОВЕТСКОЙ СИБИРИ»

27 января регулярно отмечается День снятия блокады Ленинграда. Военная блокада Ленинграда немецкими, финскими и испанскими войсками во время Великой Отечественной войны длилась с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г., 18 января 1943 г. было прорвано блокадное кольцо города Ленинграда.

В 1941–1944 гг. советские граждане с замиранием сердца следили за героической обороной города Ленина. На страницах новосибирской областной газеты «Советской Сибири» можно наблюдать хронологию событий.

За несколько дней до начала блокады Ленинграда в ней вышла полная оптимизмом статья «Полнокровной культурной жизнью живет город Ленинград» – полноценной жизнью жил Ленинград: «Ленинград. 3 сентября. По ночам лучи прожекторов бороздят темный купол неба. Глухо ухают зенитки. Шагают патрули. С потушенными фарами проносятся грузовики. Еле мерцают красно-зеленые фонарики уличных регулировщиков. Но и теперь Ленинград – город науки, город искусства – живет полнокровной культурной жизнью. Напряженно работают виднейшие ученые страны над проблемами, укрепляющими боевую мощь родины. Не прекращается текущая повседневная работа. В Ботаническом институте Академии наук СССР готовят к отправке в США образцы семян различных растений. Ученый секретарь Всесоюзного географического общества профессор Калесник подписывает в печать корректуру очередного номера Ученых записок, посвященного новым географическим изысканиям в Каспийском море и Арктике, по климатологии, этнографии и т. п. Начались занятия в вузах... На днях спектаклем “Очная ставка” открылся зимний сезон в театре имени Ленинского комсомола...» (Сов. Сибирь. 1941. № 210).

6 сентября состоялась большая радиопередача из Ленинграда со всей страной, которая после была опубликована. Первым с речью выступил секретарь Ленинградского город-

ского комитета ВКП(б), член Военного совета обороны Ленинграда Кузнецов: «Подлый, коварный враг пытается прорваться к Ленинграду, пытается осуществить свой кровавый замысел. Не выйдет, верьте нам, дорогие товарищи, не бывать гитлеровским разбойникам в Ленинграде! Город Ленина есть, был и будет неприступной крепостью для иноземных захватчиков» (1941. № 213). 8 сентября 1941 г. группа армий «Север» захватили г. Шлиссельбург (Петрокрепость) и Ленинград оказался в блокаде с суши, а движение судов с Ладожского озера по Неве было парализовано. К этому дню в нем находилось 2 млн 544 тыс. жителей.

«В течение 9 сентября, – пишет Советская Сибирь, – немецко-фашистские самолеты пытались несколько раз произвести налет на Ленинград, но каждый раз отгонялись нашей авиацией и огнем зенитной артиллерии. Около 10 часов вечера одиночные самолеты противника на большой высоте прорвались к Ленинграду и сбросили в различных пунктах города фугасные и зажигательные бомбы. Возникшие в результате налетов враждебной авиации несколько пожаров жилых зданий были быстро ликвидированы. Нашей авиацией и зенитной артиллерией за 9 сентября на подступах к Ленинграду и над городом, а также аэродромах противника уничтожен 31 немецкий самолет» (1941. № 214). Позже, после войны, люди узнают, что во время этого налета только на один Московский район упало 5 тыс. зажигательных бомб, в городе вспыхнуло 178 пожаров. Один из них, самый большой, охватил деревянные хранилища Бадаевских продовольственных складов: сгорело 3 тыс. т муки и 2,5 тыс. т сахара. 9 сентября в прессе от Советского Информбюро стали поступать сообщения следующего содержания: «Город стал фронтом. Вооруженный народ слился воедино с героической Красной армией, славными моряками Балтийского флота. Десятки тысяч трудящихся в непосредственной близости к фронту возводят укрепления вокруг Ленинграда. В цехах и мастерских наших заводов день и ночь куют грозное оружие рабочие, работницы...» (1941. № 213).

Советская пресса стала инструментом, который убеждал и вдохновлял людей на подвиг, на преодоление неимо-

верных трудностей, на самопожертвование. Во Дворце имени Урицкого 14 сентября состоялся митинг работающей на военных заводах молодежи. «Мы, молодые кировцы, заявляем: не забыты традиции наших отцов и дедов. Не поколебался наш боевой дух путиловцев. На фронт в священный бой с фашистскими бандитами Кировский завод послал больше половины своих комсомольцев. Мы будем до последнего бороться за родину, за наш город, за нашу молодость, за наше счастье, за нашу свободу» (1941. № 220). К словам молодежи присоединилось все население страны, про Ленинград стали слагаться песни и писаться стихи, блокадников мысленно поддерживал каждый!

В течение сентября-октября 1941 г. почти каждый выпуск «Советской Сибири» содержал информацию о ситуации в блокадном Ленинграде. Хроника событий сообщает о положении дел на Ленинградском фронте, о героизме бойцов, о потерях врага и победах советских солдат. Так, к примеру, читатель, узнает: «Одна из наших танковых бригад, действующая на ленинградском участке фронта в успешном бою уничтожила 48 вражеских танков и бронемашин, 27 орудий и 13 минометов. Наши войска отбили остров Рахмансаари на Ладожском озере. В боях за остров убито до 800 финских солдат и офицеров и потоплено 4 катера и 2 моторных бота противника. Остатки гарнизона острова взяты в плен» (1941. № 221).

Серия статей «На подступах к Ленинграду» сообщает о героических подвигах советских солдат. «Подразделение капитана Житяева получило приказ захватить мост через реку С. Район, прилегающий к мосту, усиленно обстреливался противником из тяжелых орудий, минометов и автоматов. Казалось, непреодолимая преграда огня встала перед бойцами. Но вражеский огонь не смог сломить мужество советских воинов. Капитан Житяев принял решение стремительным броском продвинуться к мосту. С возгласами “Вперед за родину!” капитан повел свое подразделение и нанес противнику штыковой удар. Перед лавиной красноармейцев, неудержимо прорвавшихся сквозь завесу огня, немцы дрогнули и

побежали. Наши бойцы на десять километров отогнали врага. Боевой приказ был выполнен» (1941. № 226).

В других статьях рубрики читатель знакомится с подвигами солдата Шматко, заметившего немецкого снайпера, обезвредившего его и занявшего его место для подавления огневых точек врага (Там же), полковника Андрея Леонтьевича Бондарева, командира Раковича, солдата Муратова, морских летчиков Овчинникова, Ильина, Белоусова, Леоновича и др. (1941. № 231), Энского полка, группы самолетов подразделения тов. Матвеева, уничтоживших до 22 автомашин врага, 5–7 танков и нанесшие значительные потери живой силе противника (1941. № 235).

Периодически публикуются радиопередачи из Ленинграда (1941. № 213, 219, 226). Немаловажная роль в «Советской Сибири» отдается действиям партизан, действующих в области: «Несколько партизанских отрядов, действующих в оккупированных немцами районах Ленинградской области, за месяц своей борьбы против немецко-фашистских войск истребили 106 германских офицеров, в том числе одного генерала, 1810 солдат и разгромили штабы двух немецких частей. Отважные партизаны также нанесли значительный ущерб материальной части противника. В боях с фашистами бойцы партизанских отрядов уничтожили 6 вражеских самолетов, 2 танка, 9 бронемашин, 2 пулемета, миномет, 207 грузовых автомашин, их них 35 с боеприпасами и 30 с горючим, 16 легковых и 6 штабных автомашин, 58 мотоциклов, 70 велосипедов, две моторные лодки, взорвали 4 склада боеприпасов и сожгли 230 бочек с бензином» (1941. № 237).

С ноября 1941 г. появляется раздел «Ленинградский фронт», где освещаются основные действия при Ленинграде (1941. № 261, 262, 272, 277–280, 282, 284). С декабря 1941 г. реже появляются сообщения от Советского Информбюро, иногда появляются заметки о блокадном Ленинграде. А уже весной 1942 г. читатель получает минимальную информацию: основное внимание издания занимают боевые действия на других фронтах.

Такие значимые для Ленинграда события, как Любанская операция 7 января 1942 г., Синявинская операция 19 ав-

густа – 10 октября 1942 г., операция «Искра» 12 января 1943 г., не были отмечены в прессе. Лишь в оперативных сводках от Советского Информбюро с 1944 г. появляется краткая информация о движениях войск Ленинградского фронта: «На ЛЕНИНГРАДСКОМ фронте в районе южнее ОРАНИЕНБАУМА несколько дней назад наши войска перешли в наступление, прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев и успешно развивают дальнейшее наступление» (1944. № 14). «В течение 20 января войска Ленинградского фронта продолжали развивать успешное наступление и овладели городом и железнодорожным узлом УРИЦК (Лигово), а также с боями заняли ряд других населенных пунктов» (1944. № 15). В итоге двадцатидневных боев войска Ленинградского фронта прорвали на всем фронте под Ленинградом сильно укрепленную, долговременную оборону немцев, штурмом взяли важнейшие узлы сопротивления и опорные пункты врага под Ленинградом: города Красное село, Ропша, Урицк, Пушкин, Павловск, Мга, Ульяновка, Гатчина и другие. Успешно развивая наступление, освободили более 700 населенных пунктов и отбросили фашистов от Ленинграда по всему фронту на 65–100 километров.

«Приказом по войскам Ленинградского фронта возвестил сегодня о полном освобождении Ленинграда от вражеской блокады и от варварских обстрелов. В ознаменование одержанной победы 27 января город Ленина салютовал доблестным войскам Ленинградского фронта. В 20 часов грянул первый залп из 324 орудий. Грохочущее эхо прокатилось над улицами, площадями и набережными, по которым никогда не ступала и не ступит нога чужеземного завоевателя!» (1944. № 20). Советский народ узнал: Ленинград освобожден!

Ленинградцы внесли большой вклад в развитие нашего города. В годы войны Новосибирск принял и разместил 50 предприятий, организаций, проектных институтов, учреждений образования и культуры Ленинграда, стал вторым домом для десятков тысяч ленинградцев – рабочих, инженеров, артистов, музыкантов, детдомовцев, учащихся ремесленных училищ. Некоторые предприятия остались здесь,

и после окончания войны. Это электровакуумный завод «Светлана» – ныне «НЭВЗ-Союз», инструментальный завод им. Воскова из Сестрорецка – ныне ОАО «Новосибирский инструментальный завод», радиозавод – ныне завод им. Коминтерна и др. Кроме оборонных заводов, в первые месяцы войны в Новосибирск были эвакуированы академический театр драмы им. Пушкина, ленинградская филармония с симфоническим оркестром под управлением Евгения Мравинского, ТЮЗ, институт театра и музыки, прославленные искусствоведческие коллективы.

В память о подвиге ленинградцев воздвигнута гранитная стела высотой 9 м. Она будет напоминать Александрийский столп на Дворцовой площади Петербурга, символизирующий победу России в 1812 г. Новосибирская стела – это тоже символ победы, победы ленинградцев над лишениями и страданиями, выпавшими на их долю в Великую Отечественную войну. Это – благодарность Новосибирску, ставшему для многих из них родным домом.

Пока мы помним, мы живы!

*С.А. Акатьева
Курган*

ЛИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(по материалам Государственного архива общественно-политической документации Курганской области)

На хранении в Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО) имеются письма граждан периода Великой Отечественной войны. Их можно разделить на группы: личная переписка и письма, направленные в официальные органы. Целью настоящего исследования является личная переписка. Письма солдат с фронта и письма их родных и близких на фронт являются

ценным источником по истории Великой Отечественной войны.

Фронтовые письма и письма на фронт находятся на хранении в архиве в составе личных фондов и коллекций документов участников Великой Отечественной войны. В настоящее время появляются и новые объекты исследования по данной тематике. Это фонды партийных и правоохранительных органов. Причем в данных фондах были обнаружены как письма с фронта, так и наиболее ценные источники – это письма на фронт. Традиция обращений в официальные структуры сохранялась и в годы Великой Отечественной войны. В фондах партийных органов архива отложилось большое количество писем-жалоб в государственные и партийные органы. Фронтовики жаловались на тяжелую жизнь в тылу своих родственников, а в качестве доказательств прикладывали к своим жалобам письма родителей, жен и детей, которые те в свою очередь направляли ранее им. Неожиданным было также наличие личной переписки периода Великой Отечественной войны в архивно-следственных делах репрессированных бойцов Красной армии. В них в качестве вещественных доказательств антисоветской агитации солдат отложились письма воинов домой с описанием военного быта, а также письма их родственников с жалобами на тяжелую тыловую жизнь.

Письма военного времени, в особенности те, которые приходили из действующей армии, по внешним признакам практически не отличались. Наиболее распространенный вид – это листы бумаги, складывающиеся треугольником. В таких письмах лишь на одной треугольной стороне оформлялся адрес, все остальное пространство чаще всего полностью исписывалось автором. С 1942 г. были введены бланки почтовых отправок, где имелись специальные графы для адреса, отмечены места сгибов и, обязательно, печаталась цветная иллюстрация с патриотическими призывами, например, «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти», «Смерть немецким захватчикам» (ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 418. Л. 73 об.; Ф. 74. Оп. 1. Д. 422. Л. 229 об.) и др. Имеются в фондах архива и самостоятельно склеенные кон-

верты, были они совсем небольшого размера, иногда 4×6 см или немного больше. Для отправлений из действующей армии в тыл использовались также иллюстрированные односторонние и двусторонние почтовые карточки. И, тем не менее, чаще всего отправлялся именно треугольник. Во время войны пересылка письменной корреспонденции с фронта производилась бесплатно. Почтовая марка была не нужна, адрес писался на наружной стороне листа. Бумага на войне была в дефиците, часто писали на трофейных листах или газетах, просили выслать чистые листы из дома и обязательно сообщали об ее наличии «...бумаги пока не высылайте, я бумагу нашел, хватит» (Ф. 6955. Оп. 7. Д. 13. Л. 1–1 об.). Имеющиеся на хранении письма, в основном, написаны карандашом, реже – чернилами. Иногда солдату в руки попадали «фрицевские ручки» (портативный пишущий прибор с автоматической подачей при письме чернил из специального резервуара), которые тут же использовались по назначению – ими писали письма домой. Разные письма и по объему. Иногда это небольшие записки, где имеется лишь несколько строк, а иногда это послания в несколько страниц. Конечно, большое значение играли условия, в которых создавалось письмо. Авторы писем принадлежали к разным социальным группам, имели разный образовательный уровень и жизненный опыт.

Все письма периода Великой Отечественной войны проходили через руки военной цензуры. Основной целью цензуры было пресечение утечки информации и контроль настроений населения. Все письма в обязательном порядке просматривались, любые спорные места вымарывались черной краской. На всех почтовых отправлениях имеется штамп «Проверено военной цензурой».

Почтовая связь в годы войны была нитью, которая связывала фронт и тыл, была важной частью и фронтовой, и тыловой жизни. Почти в каждом письме встречаются слова о том, как радостно получать солдату весточку из дома, как поддерживает она его душевные силы, помогает и ободряет в бою: «...Хочу от вас получить скорого ответа. Я по вам, дорогие, скучаю. Дайте мне быстрее ответ...» (Ф. 74. Оп. 1. Д. 400. Л. 195–195 об.), «...Когда получаешь письма, находясь

здесь на передовой, чувствуешь, что старые друзья тебя не забывают, и сразу же ощущаешь прилив новых сил. Только здесь можно прочувствовать какое влияние оказывают письма или посылки с тыла» (Ф. 6955. Оп. 7. Д. 14. Л. 5–5 об.). Недаром фронтовик каждую свободную минуту, в перерыве между боями, писал домой. Он ощущал в этом необходимость.

Обычно в солдатских письмах сведения об авторе скупы и лаконичны, лишь пара строк посвящалась ему самому: «...Несколько строк о своей жизни. Живу хорошо. Жив и здоров, чего и вам желаю» (Ф. 7013. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–3 об.), «...Пока живу, ничего нового нет» (Ф. 6955. Оп. 7. Д. 14. Л. 5–5 об.). Кажется, что сам солдат, когда писал письмо, хотел забыть об окружающей его обстановке. Он видел перед собой родные лица, он разговаривал с ними, представлял себе своих детей. Конечно, нельзя было многое писать. Но дело не только в этом. Просто боец, который давно не был дома, очень скучал по нему, по родным, по своей земле. И еще он берег своих близких – не хотел их волновать описанием страшной действительности. Отцы и братья передавали наказания детям, братьям и сестрам: «...Живите, мои дорогие, дружно, ни о чем не спорьте, слушайтесь старших – маму и бабушек. Особенно маму. Я, если бы был дома, то носил бы ее на руках» (Ф. 7013. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–3 об.). Отцы советовали сыновьям и дочерям прилежно учиться: «...Лень и неохоту нужно выкинуть из головы и учиться, как следует» (Д. 31. Л. 3–4). Наказы отцов, которые они давали в письмах своим детям, впоследствии вели их по жизни: «Доченька, белокурая моя кошечка! Раста такая же ясная, трудолюбивая, как твоя мамочка. Будь такая же здоровая, как папочка твой. Умей уважать близких и ценить их нежные чувства к тебе» (Д. 53. Л. 4). В письмах прослеживаются уважительные чувства к родителям: «...Мама, я все же остался доволен вами и тятьей. Жил я до 18 лет за вашими плечами, не ведал ни горя, ни заботы. Все было готово. Как бы трудно не было, все же давали мне возможность учиться» (Д. 27. Л. 3–3 об.). Солдат в жесточайших условиях войны, на грани жизни и смерти, писал матери: «Милая Мама! Как мало я с тобой пожил, как мало

провел дней своей молодости с тобой. Ты для меня всех родней, всех ближе, ты та, кого я больше всех люблю. Неудержимо хочется побыть с тобой, хоть несколько мгновений» (Д. 49. Л. 3–3 об.).

Письма воинов наполнены добротой и нежностью, в них они сентиментальны, и в этом проявлялась их необычайная сила. В письмах бойцы интересовались здоровьем родных и близких, успехами в труде и учебе, тосковали по мирной жизни, переосмысливали ее. И в тылу письма от своих далеких защитников очень ждали, хотя бы несколько строк, хотя бы только слова о том, что родной воин жив и здоров.

Письма на фронт по содержанию очень разные. Находясь в труднейших условиях тыловой жизни матери, жены и дети писали своим защитникам в надежде на их помощь. Все трудности зауральского тыла отражены в письмах. «Живем мы ничего. В школе опять нам не учиться, учащихся направили на работу в колхоз. ...Еще нам плохо с хлебом» (Ф. 67. Оп. 2а. Д. 6. Л. 269–270 об.), «Папочка, если бы ты посмотрел на нас и на нашу жизнь, ты бы ужаснулся» (Ф. 166. Оп. 1. Д. 168. Л. 205–205 об.), – писали дети своим отцам. Жены, обеспокоенные судьбами мужей и детей, выплескивали свои страхи на страницы письма: «От детей и от меня осталась только тень. Я больше не могу, нет силы терпеть голод» (Д. 169. Л. 121–122). Но жены находили также в себе силы рассказывать в письмах о позитивных моментах, которые поднимали боевой дух солдата: «Мы все живы и здоровы. Ребята выросли большие, они за лето очень хорошо загорели и поправились» (Ф. 74. Оп. 1. Д. 401. Л. 36–37 об.), вселяли уверенность: «За семью не беспокойся. Я отдам все силы, чтобы обеспечить семью» (Ф. 6957. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–1 об.). В письмах жен присутствуют безграничная любовь и почтительное отношение к своим мужьям: «...Крепко целуем вас воздушным поцелуем тысячу раз. Так соскучилась, что даже не могу себе представить, когда мы с вами встретимся» (Ф. 74. Оп. 1. Д. 401. Л. 36–37 об.).

Письма периода Великой Отечественной войны – это интереснейший источник изучения событий военных лет, самый уникальный и искренний свидетель того времени. Они дают возможность увидеть отдельного участника войны, по-

сколько за каждым письмом стоит конкретный человек с его отношением к жизни, его радостями и личными переживаниями. Военные письма – это документы огромной нравственной силы, которые никого в любом возрасте не могут оставить равнодушными. Отложившиеся в архивах письма обретают большую ценность для исследований.

*А.Д. Винокуров, М.А. Кириллина
Якутск*

ОБЗОР РУКОПИСЕЙ И ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ КРАЕВЕДА М.К. КИРИЛЛИНА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В наши дни значительно возрос интерес российских ученых к исследованию феномена исторической памяти о Второй мировой и ее составляющей части – Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Изучение документов личного происхождения ветеранов войны и тыла требует междисциплинарного подхода с использованием новейших подходов. Необходимо учитывать специфику этого вида источников [1, с. 34].

С августа 2014 г. в Республике Саха (Якутия) в рамках историко-мемориального проекта «Албан аат: воспоминания якутян – ветеранов Великой Отечественной войны» (www.pobeda14.ru) формируется видеоархив воспоминаний и оцифрованных рукописей ветеранов войны и тыла. На данный момент собрано 650 рукописных воспоминаний по категориям: фронтовики, ветераны тыла и дети войны. Формируется цифровой архив, включающий сейчас 300 видео- и 187 аудио-воспоминаний.

В декабре 2014 г. был подробно изучен семейный архив семьи Кириллиных: производится подготовка к передаче на постоянное хранение в Национальный архив РС(Я) личного фонда М.К. Кириллина. На основании анализа материалов личного фонда можно выделить три раздела: рукописи и материалы, собранные Кириллиным для краеведческой работы

(выписки из архивных документов, публикаций и фотоматериалы); письма фронтовиков (эпистолярный материал); биографические материалы и личные документы. К первому разделу наследия М.К. Кириллина относятся неопубликованные рукописи. Основным объектом его исследований является изучение фронтового пути односельчан и повседневной жизни населения Чакырского наслега Чурапчинского улуса в годы войны.

Краевед Михаил Капитонович Кириллин родился 29 июля 1922 г. в Хадарском наслеге Ботурусского улуса. В 1931 г. поступил в 1-й класс Чакырской начальной школы. В 1935–1936 гг. учился в Диринской семилетней школе. В 1937–1938 гг. работал в колхозе «Молотов» Чакырского наслега. В 1940 г., в 18 лет, окончил семь классов Диринской школы [2, с. 2].

В годы военного лихолетья будучи секретарем Чакырского сельсовета М.К. Кириллин начал вести работу по сбору информации об ушедших на фронт односельчанах. Всего из Чакырского наслега на фронт ушли 98 чел., из них 40 погибли и пропали без вести на полях сражений [3, с. 3]. После войны и до 1988 г. он продолжал сбор информации, переписку и исследовательскую работу в архивах Чурапчинского района, Национальном архиве РС(Я), архиве Военного комиссариата РС(Я) и Военного архива Министерства обороны РФ в г. Подольске. На основании собранного материала в 1979 г. М.К. Кириллин начал написание подробных биографий о каждом человеке, принимавшем участие в боевых действиях и трудовом фронте. Рукопись «Биографии участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. из Чакырского наслега Чурапчинского района» была завершена в 1988 г., но в силу разных обстоятельств не была издана. В книжечке-рукописи М.К. Кириллина приведены четыре таблицы: Хозяйственно-экономическое состояние колхозов «Молотов» и «Яковлев» Чакырского наслега в 1941–1945 гг.; Список умерших, без вести пропавших на войне и в тылу (с указанием Ф.И.О., даты рождения, даты призыва, даты смерти) (40 чел.); Список раненых фронтовиков, освобожденных от военной службы по состоянию здоровья (27 чел.); Список демобилизованных после окончания войны (34 чел.).

В фотоальбоме «Фотоснимки участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. из Чакурского наслега Чурапчинского района в разные годы» краеведом собраны коллективные фотографии призванных односельчан в мобилизационные кампании 1941–1943 гг., семейные фотографии вернувшихся живыми фронтовиков [4].

Результатом изучения социально-экономического положения колхозов, состояния бытовой жизни населения наслега в 1941–1945 гг. стала еще одна не изданная рукопись «Социально-экономическое развитие Чакурского наслега в 1930–1974 гг.». Она содержит ценные факты из истории повседневной жизни наслега в военные годы.

Определенное место в документах личного фонда занимают 15 писем односельчан-фронтовиков как массовый источник личного происхождения. Хронологические рамки переписки охватывают период с 1941–1945 гг. В них отражены сюжеты военной повседневности и фронтового быта.

В июне 1943 г. М.К. Кириллин был освобожден от занимаемой должности и мобилизован на трудовой фронт. Был направлен в г. Усолжье-Сибирское Иркутской области, где работал на заводе «Кожхром» до демобилизации в июле 1945 г. Во время работы в рабочей команде № 1355 кожевенного завода он продолжал записывать и фиксировать данные о повседневной жизни якутян призванных на трудовой фронт в дневнике «Заметки фронтового тыла в 1943–45 гг.».

Таким образом, документы личного происхождения – это важные исторические источники, которые дают представление об ушедшем времени, раскрывают его во всем многообразии. Вовлечение в научный оборот документов личного происхождения, ранее крайне мало привлекаемых в качестве исторических источников и никогда еще прежде не изучаемых, теперь являются важным источником новой информации об историческом прошлом. Прежде недооцененные дневники и рукописи воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла открывают возможность реконструкции военной повседневности, семейного быта, и приблизиться к осмыслению людьми своей истории, выявлять особенности менталитета, общественно-политических взглядов,

дают возможность прикоснуться к духовной культуре общества.

Литература

1. Кринко Е.Ф. Воспоминания детей военного времени (1941–1945): источники изучения // Сумський історико-архівний журнал. 2014. № XXII. С. 34–41.

2. Үтүө киһи аата үйэлээх (Кириллин М.К. туһунан ахтыылар). Дьокуускай: Көмүөл, 2013.

3. Кириллин М.К. Аҕа дойдуну көмүскүүр Улуу Сэриигэ 1941–1945 сылларга ынырыллан сэрии уонна үлэ фронугар сылдыбыттар биографиялара. Чурапчы оройуона Чакыр нэһилиэгиттэн. 1988 (рукоп.).

4. Архив историко-мемориального проекта «Албан аат: воспоминания якутян – ветеранов Великой Отечественной войны» / Сост. А.Д. Винокуров. [Электронный ресурс]. URL: www.pobeda14.ru

СИБИРЯКИ О ПРАЗДНИКЕ ПОБЕДЫ
НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ
(по материалам личных фондов музея Железнодорожного
района г. Новосибирска, филиала МКУК «Музей города
Новосибирска»)

Великая Отечественная война – явление, смысл которого постигается до сегодняшнего дня. Соглашусь с замечанием Н.В. Илиевского, который пишет: «Незатухающий интерес к той великой войне закономерен и оправдан. И дело здесь не только в том, что на полях ее сражений решались судьбы страны и народа, а на алтарь Победы были принесены жизни миллионов людей. Огненные сороковые магнетически притягивают к себе интерес, прежде всего, потому, что война явила поразительные примеры величия человеческого духа, стала испытанием, которое было с честью выдержано» [1, с. 48].

Наблюдая за поворотом от событийной истории к истории народной или массовой, интересом исследователей к проблеме человека в истории Великой Отечественной войны [2], я обратилась к сюжету, который связан с Днем Победы. Мною были мобилизованы материалы личных фондов участников войны, хранящиеся в музее Железнодорожного района г. Новосибирска: Л.М. Гайдай, Г.Н. Гололобовой, Ф.Г. Чванова*.

* *Гайдай Лидия Максимовна*, мл. л-т. Род. в 1924 г. в г. Петропавловск-Камчатский Камчатской обл. Призвана Петропавловск-Камчатским РВК в июне 1943. 777авттрб, 52 А, 1 УФ. Демобилизована в июле 1945; *Гололобова Галина Николаевна*, гв. ст. л-т. Род. в 1919 (1918) г. в с. Кольвань Новосибирской обл. Призвана Центральным РВК г. Новосибирска в июне 1942 г. 67 гв. сп 22 гв. сд. 116 гв. ск. Демобилизована 12 мая 1945 // Они вернулись с Победой. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2005. Т. 3. С. 293, 427; *Чванов Филипп Герасимович*, т/инт. 2 ранга. Род. в 1907 г. в Алтайском крае. Призван Новосибирским РВК г. Новосибирской обл. 25 июня 1941. Пропал без вести в октябре 1941 г. // Книга памяти. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1996. Т. 12. С. 380.

Воины-сибиряки мечтали о грядущей Победе и, как писал своей жене Ф.Г. Чванов 26 августа 1941 г., «будем надеяться, что снова начнем жить так же, как жили» (МКУ МИРЖР КП НВФ 2–1247). Пронзительную историю о вере в грядущую Победу рассказала Л.М. Гайдай: «Это произошло в 1943 году, в феврале, в городе Золотоноша Полтавской области: дети-подростки 12–13 лет возвращались домой ночью, из партизанского отряда, и попали в засаду к немцам, дети бросились бежать в разные стороны, в них стреляли, кто свалился в глубокий овраг, остались живы, это было 2 человека и был Николай, он нес игрушку – Мишку. Когда наши войска вошли в Золотоношу, увидели ужас на площади, на виселице висели 10 подростков в огромных сапогах и огромных фуфайках. А на груди висели фанерки с надписью: “Он носил партизанам хлеб”. К нам подошли местные люди, и бабушка мне дал этого Мишку, и сказал: “Хай спасает Вас вид смерти, вин спас Миколу”» (сохранен стиль документа. – Л. К.) (МКУ МИРЖР КП НВФ–1531).

Г.Н. Гололобова на излете 1943 г. записала в дневнике: «Сегодня Новый 1944 год! Год Окончания разгрома немецких разбойников. Новый год принесет нам победу, счастье и радость» (МКУ МИРЖД ОФ–1641. Л. 65).

9 мая 1945 г. Федор Кульков писал Г.Н. Гололобовой: «Дорогая Галинка, поздравляю тебя с окончательной Победой над немецко-фашистской Германией. С днем 9-е мая – всемирным праздником. Сколько неопишуемой радости принес этот день все народам нашей страны. Восторжествовала наша Победа (МКУ МИРЖД КП ОФ–1645). Уже письмах 1943 г. Г.Н. Гололобовой друзья описывали будущий праздник Победы. Читаю в письме А. Хрящева от 17 декабря: «Галочка, спешу поздравить с новым годом, с новыми успехами в 1944 году, с немецкими захватчиками до полного их изгнания с нашей славной земли, чтобы в 44 году нам встретиться за столом и отметить Победу и самое главное это соединить свои жизни навсегда, вместе. Это будет большой праздник, большое ликование народа, а вместе с ним и наша радость, радость встречи, которую я ожидаю ежедневно» (сохранен стиль документа. – Л. К.) (Там же). Подруга Галины Никола-

евны Гололобовой в письме от 29 июня 1943 г. спрашивала: «Знаешь, как мы отпразднуем окончание войны?» И сама отвечала: «Мы поедem в Кудряшовский бор, возьмем с собой мяч, патефон, вино, закуску, самих себя обязательно и поднимем первые бокалы за вас, дорогих фронтовиков, за нашу молодость, жизнь, за наше счастливое будущее, которое нужно будет построить» (МКУ МИРЖД КП ОФ–17/36).

Документы, с которыми я работала, показывают, что вера в Победу в Великой Отечественной войне и личная ответственность за то, чтобы она наступила, объединяет поколение победителей, которое неразрывно связывало личную судьбу с судьбой Родины. И к этому поколению можно отнести слова Б.Ш. Окуджавы: «Пройдя сквозь ад, мы не теряем остатки доброты, великодушия, щедрости, ибо кому мы нужны иные?» [2, с. 483].

Литература

1. Илиевский Н.В. Современные оценки Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3.
2. Окуджава Б.Ш. Путешествие дилетантов: Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари: Роман. М., 1990.

*Н.М. Маркдорф
Новосибирск*

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОЕННОГО ПЛЕНА В СИБИРИ

Источники по истории пребывания военнопленных на территории Сибири отложились в федеральных (РГВА, ГА РФ, РГАЗ, ММНА, ВММ МО РФ), региональных (ГАКО, ГАНО, ЦХАФ АК, ОСД УАДАК, ГУТО ГАСПИТО) и ведомственных (информационные центры) архивах. Часть сведений сосредоточены в документальных фондах краеведческих музеев. При репрезентативном отборе, классификации и анализе этих документальных источников необходимо учитывать информативность, уникальность и типичность различных видов историче-

ских документов, что позволяет сравнить общегосударственные и региональные аспекты, выявить специфику в истории военнопленных в Сибири.

По уровню принятия, субъекту издания, типу и видам источники могут быть подразделены на следующие основные группы.

1) Международные конвенции, договоры, соглашения, дипломатические акты, на основании которых проблемы военного плена рассмотрены в интернационально-правовом контексте.

2) Официальная делопроизводственная документация высших органов государственной власти: общесоюзных, ведомственных и партийных органов власти, отделов ГУПВИ, подведомственных ему учреждений (законы и подзаконные акты; директивы, нормативно-правовые акты, циркуляры, инструкции, приказы, донесения; годовые, квартальные, месячные, декадные отчеты), обобщившая различные аспекты политики государства в отношении военнопленных и интернированных в СССР и в его отдельных районах, в т. ч. опубликованная в 2000–2006 гг. в отчетно-информационных сборниках документов и материалов.

3) Делопроизводственная, организационно-распорядительная (приказы, распоряжения, переписка) и отчетно-контрольная (дела-формуляры, отчеты, акты, протоколы, резолюции ревизий и комиссий) документация местных государственных и ведомственных органов власти, которая содержит информацию о различных направлениях и итогах деятельности Управлений лагерей НКВД–МВД СССР, ОРБ № 1104 и спецгоспиталей, о характере их взаимоотношений с региональными ведомствами, хозяйственными и партийными организациями. Этот обширный комплекс источников отличает противоречивость статистической, аналитической и отчетной информации (в силу политических, экономических и идеологических причин), поэтому потребовалось уточнять и сопоставлять репрезентативные сведения с данными из других документов (например, строевых записок и именных списков).

4) Учетно-статистические материалы государственных

и ведомственных органов власти по личному составу, а также по военнопленным и интернированным (строевая отчетность, послужные списки личного состава лагерей и спецгоспиталей, военнопленных и интернированных (в т. ч. этапные); карточки учетные, служебные и учетно-послужные, на личное довольствие сотрудников лагерей; личные и учетные дела). Эти материалы – массовый вид источников, на основании которого можно выявить, систематизировать и классифицировать количественные показатели и произвести их анализ.

5) Оперативная, агентурная, следственная документация (оперативно-отчетные документы, докладные записки о состоянии агентурно-оперативных, фильтрационных и следственных дел, отчеты оперативных отделений лагерей и спецгоспиталей, справки о движении агентурных разработок, характеристики и послужные списки военнопленных агентов, приложения к строевой отчетности и доклады о деятельности сибирских лагерей, ОРБ и спецгоспиталей, документы СМЕРШ). Данные источники особенно ценны ввиду ограниченности доступа к ним исследователей, их изучение позволяет в более полном объеме исследовать различные аспекты военного плена и интернирования. В то же время необходимо отметить субъективизм содержащейся в документах информации, обусловленный как характером ведения делопроизводства, так и методами оперативно-следственной работы.

6) Политико-пропагандистские документы (материалы периодической печати для военнопленных, листовки, воззвания, обращения, резолюции митингов и иные материалы). Следует отметить, что в идеологически заданных источниках содержится в основном позитивная информация, но на основании сравнительного анализа с другими видами документов (в частности, с агентурно-оперативными материалами) можно дать характеристику пропагандистско-агитационным мероприятиям, проследить реакции на них контингента лагерей и спецгоспиталей, выявить динамику его взглядов и убеждений.

Приказы по Управлениям лагерей контролировали подготовку антифашистских кадров, квалифицированных

пропагандистов, отбор и направление военнопленных на антифашистские курсы и их посещаемость.

О программах подготовки, тематике лекций, консультаций, политбесед и классных занятий дали представление учебные планы антифашистских школ. Из списков руководителей антифашистских школ и активов можно извлечь сведения о возрастном и национальном составе, образовании, воинском звании, партийности, довоенной профессии и местожительстве в оккупационной зоне. Однако из-за малочисленности документов, доступных в настоящее время для исследователей, дать анализ динамики и выстроить научные обобщения затруднительно.

Интересно сопоставить одновременные уникальные документы, относящиеся к периоду активного сопротивления антифашистской деятельности в лагере № 128 (Алтайский край), – обращение военнопленных по поводу создания японского антифашистского клуба «Хокумей Рай» («Северный союз»), являющееся своего рода литературным произведением с обилием метафор, обращенное к чувствам и нравственным ценностям японских военнопленных, с анонимным обращением военнопленных того же лагеря к администрации, содержащее резкую и отрицательную оценку проводившихся политико-воспитательных мероприятий и идущее в разрез с официальной пропагандой.

Доклады о политико-моральном состоянии контингента лагерей, докладные записки по итогам выборов в антифашистские комитеты, письма и отзывы военнопленных зафиксировали настроения, реакции на проводимые администрацией и политотделами политико-воспитательные мероприятия, идеологическую обработку подневольного контингента. Сопоставляя сведения из данного обширного комплекса документов с агентурно-оперативными сводками, обзорами и справками оперативных отделов, можно проследить механизмы обратной связи, эффективность советской пропаганды как способа политической коммуникации, оценить степень ее воздействия на трансформацию убеждений и взглядов военнопленных и интернированных.

Например, в докладной записке о подготовке антифашистского актива военнопленных в школах и на курсах при политотделах лагерей, адресованной начальнику ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту И.А. Петрову от 29.12.1949, в духе времени политико-воспитательная работа в лагерях для военнопленных страны оценивалась исключительно позитивно, при этом отмечалась высокая активность японских военнопленных. Однако можно констатировать совершенно иную картину – от негативной оценки периодических массовых изданий, до открытых форм протеста и саботирования практически всех политико-пропагандистских мероприятий.

7) Источники личного происхождения: опубликованные и репринтные мемуары, дневники, письма, рукописи иностранных военнопленных и интернированных, в т. ч. воспоминания жителей Сибири.

С конца 1940-х гг. и по настоящее время в Германии опубликовано (в т. ч. в самиздате) более 330 брошюр, более 100 тыс. откликов, более 2 тыс. воспоминаний немецких военнопленных. Серьезная деятельность по сбору воспоминаний была проведена «Союзом вернувшихся в Германию» (Verband der Heimkehrer Deutschlands), «Союзом попавших под сталинские репрессии» (Берлин–Бранденбург) (Bund Stalinistisch verfolgter), общественной организацией «Stachel-draht».

Как правило, в мемуарах авторы описывали лагерную и послевоенную событийность через призму собственных ощущений и переживаний. Ряд воспоминаний содержат глубокие рассуждения о сущности советского плена, его образную и обобщенную характеристику. Как правило, авторы выделили ряд характерных событий:

– путь в Сибирь и связанные с этим унижения, горе, переживания, тяготы и лишения;

– прибытие в лагерь («шок поступления», обостряющий высшие и низшие чувства личности), попытка осмотреться, адаптироваться (выжить), не потерять человеческий облик в непривычной, суровой, враждебной среде;

– характеристика лагерного сообщества и повседневности (трудоиспользование; проблемы жизнеобеспечения, осо-

бенности режима), межличностных отношений, взаимоотношений с лагерным руководством, администрацией промышленных предприятий, местным населением; реакций на идеологическую «обработку»;

– возвращение на родину и проблемы адаптации к мирной жизни (осознание и преодоление последствий пребывания в плену – физического, морального, психоэмоционального; взаимодействие с государственными структурами, родными и близкими; попытка трудоустройства). Возвратившиеся на родину бывшие узники сибирских лагерей, стараясь осмыслить пережитое, а иногда и извлечь уроки из своего пребывания в СССР, никогда не рассматривали лагерную жизнь как простой эпизод. Для них пребывание в сибирской глубинке явилось переломным моментом в отношении к себе, к окружающему миру, к новой послевоенной, иногда отчуждаемой Германии.

Этот комплекс источников, несмотря на его субъективизм, позволяет подойти к освещению различных сторон лагерной повседневности с точки зрения личностных факторов, рассмотреть судьбы отдельных людей, проблемы их адаптации в послевоенном обществе.

Нужно отметить, что делопроизводство (особенно в годы войны), отложившееся в региональных архивах, часто велось небрежно, в связи с чем иногда документы плохо читаются (находятся в ветхом состоянии, напечатаны на кальке, вписаны от руки поверх текстов книг и школьных учебников), что затрудняет работу по их анализу. К тому же, в настоящее время не все документы ввиду их засекреченности доступны для исследователей.

В процессе репрезентативного отбора источников и изучения, содержащейся в них информации, возможно исследовать различные аспекты военного плена. В тоже время необходимо сравнивать исторические факты, содержащиеся в различных документах и в архивах, так как возможно освещение одних и тех же событий с позиций различных субъектов.

НАШИ ЗЕМЛЯКИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСТОЧНИКАХ ИСИЛЬКУЛЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО АРХИВА

Немало издано книг об участниках Великой Отечественной войны Сибиряках – наших земляках исилькульцах. Документы о Великой Отечественной войне хранятся в фондах и коллекциях муниципального архива. Форма их разнообразна: книги, альбомы, брошюры, коллективные письма, заметки специальных и сельских корреспондентов районной газеты «Знамя» о фронтовиках, личные письма участников войны 1941–1945 гг.

Не каждый район Омской области может гордиться семьёю Героями Советского Союза и четырьмя полными кавалерами Орденов Солдатской славы. Шесть наших земляков приняли участие в параде Победы [1, с. 29]. Омские соединения, в части которых входили омичи, отличались на войне особо: они воевали на всех направлениях и участках фронтов. Омичи, в том числе исилькульцы, защищали Москву, отстояли Ленинград, были в самом пекле Сталинградской битвы, воевали на Курской дуге, освобождали страны Европы от фашизма, в передовых частях штурмовали Берлин, добивали японских милитаристов в Европе. В период Великой Отечественной войны на территории Омской области были сформированы: 308-я, 178-я, 282-я, 362-я, 364-я стрелковые дивизии, 75-я добровольческая, 70-я морская бригады, 712-й отдельный батальон связи, все они отважно сражались на фронтах и были удостоены почетных званий и наград (Исилькульский муниципальный архив (ИМА). Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 12). Так какими же они были на войне?

Письмо лейтенанта В.Ф. Кутузова с фронта: «Весна пробудила во мне, кроме еще большей ненависти к фашистам, чувства агронома, хочется приложить руки и на этом фронте. И вот, будучи в госпитале, я побывал в колхозном амбаре, поинтересовался семенным материалом и дал кол-

хозяевам некоторые советы...» А вот еще одно письмо жене: «Себя особенно не изнуряй, иначе ты не сможешь работать, а работать надо сейчас много, так, чтобы максимально помочь фронту, чтоб скорей покончить с этими “чистокровными шакалами” и снова вместе воспитывать детей и строить мирную и веселую радостную жизнь...» Большинство прочитанных писем излучают оптимизм, жизнестойкость, жизнелюбие. Это чувствуется в этих строках: «Стоило больших, можно сказать нечеловеческих усилий выйти из окружения, но все обошлось, и я остался невредим, т. е. жив и здоров. В самые трудные моменты я стараюсь быть веселым и всегда напевать какую-нибудь песенку...» Лейтенант В.Ф. Кутузов пропал без вести в июне 1942 г.

Письмо с фронта Зои Макаровой родным, датированное 1 июня 1942 г.: «Здравствуйте дорогие родные! С горячим приветом к вам ваша дочь. Сегодня 1 июня 1942 года. Вот уже скоро год, как боремся с озверелыми фашистами. Они сопротивляются, как злая муха перед смертью. В этом году приказ Сталина выполним – разгромим и уничтожим фашистскую гадину.

Я вам посылаю из газеты статью “Моя Зоя”. Прочитай-те ее маме, и пусть она будет держать себя, как держит себя мать Зои. Да, я завидую этой Зое. Если бы я была такая, как она! Но чем я отличаюсь? Она герой, но героями не рождаются. Любой может быть героем. Я тоже Зоя и должна оправдать ее имя. Я буду работать, как требует от нас Родина. Я и сейчас стараюсь, работаю. Сейчас у нас еще все спокойно. Но скоро начнется работа. Работать придется много, но я твердо уверена, что с работой справлюсь. Со мной ничего не произойдет. Я невредима, вернусь домой и вернусь не простой, а отмеченной в списке патриотов нашей Родины. Целую крепко. Ваша дочь и сестра Зоя». Разведчица Зоя Макарова была схвачена белофиннами и после пыток расстреляна.

Посмертно награждена 5 декабря 1942 г. орденом Отечественной войны 1-й ст. [1, с. 30]. Именами В. Кутузова и З. Макаровой названы улицы в г. Исилькуле.

В фонде коллекции по истории района имеется статья специального корреспондента районной газеты «Знамя»

И.С. Петрищева, написанной к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне под названием «Шел разведчик в тыл врага». В ней автор повествует об одном задании жителя нашего города Исилькуля, молодом лейтенанте Красной армии Анатолии Ершове, который был командиром разведчиков в годы войны. Командование вызвало и дало задание: лейтенанту Ершову, с группой бойцов из пяти человек узнать все о соединении врага, которое дислоцируется в 30 км от них, а главное – взять «языка», лучше из офицеров. Молодой лейтенант был проворным малым, миновав линию фронта, добыл повозку в соседней деревне, и за одну ночь, преодолев расстояние в 60 км (туда и обратно), прихватив двух языков, отряд вернулся в расположение своей части. Начальник штаба вызвал Ершова, похвалил: «Ну, Ершов, молодец! Настоящий гвардеец! Такие сведения помог заполучить! Представили тебя к ордену “Красного Знамени”!» По окончании войны А. Ершов демобилизовался. Ратные подвиги командира разведки отмечены правительством орденами: Красного Знамени, Отечественной войны 1-й ст., Красной Звезды, боевыми медалями (ИМА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 20).

В фонде коллекции хранятся письма, написанные коллективами учеников, членов колхоза фронтовикам. Вот выдержки из одного, датированное 5 февраля 1945 г.: «Гвардии бойцам и командирам Гвардейской Рогачевской Краснознаменной дивизии. От колхозников, колхозниц колхоза “Обновленная земля” Исилькульского района. Дорогие земляки, славные воины Сибиряки! Мы, отцы ваши и матери, жены и дети, братья и сестры, друзья и товарищи, шлем вам из глубокого тыла свой пламенный привет... С гордостью и восторгом следим за вашими ратными подвигами восхищаясь вашими сокрушительными ударами по врагу, вашим заветным служением матери – Родине. Вместе с вами переживаем мы радость великих побед... Меч правосудия занесен над заклятым врагом, смертельно раненный фашистский зверь пытается оттянуть свою неизбежную гибель... Мы глубоко верим, вы не сложите меч в ножны, пока не будет добит фашистский зверь, пока не будет водружено над Берлином Знамя Победы». Далее они рассказали о выполнении повы-

шенных обязательств, о которых они писали фронтовикам раньше, о помощи Красной Армии, о помощи семьям фронтовиков, о том какой объем ржи вырастили и убрали, о взятых вновь социалистических обязательствах на 1945 г. Под письмом подписи колхозников (Д. 13. Л. 1–3).

Сохранилось письмо членов штаба «Искатель» Омского областного пионерского музея, с обращением к редакции газеты «Социалистическое строительство», так наша газета именовалась в военные годы и после нее. Вот выдержки из него: «В грозные годы Великой Отечественной войны пионеры и школьники Омской области много трудились, помогая фронту. В центральных областных газетах, в те годы, часто появлялись сообщения о том, как юные омичи помогали фронту. Они организовывали тимуровские команды, помогали семьям красноармейцев, собирали лекарственные травы, сдавали деньги в фонд обороны страны, посылали на фронт посылки... За годы войны пионеры и школьники заработали 9 миллионов 118 тысяч трудовых. Многие школы Омской области награждены правительственными наградами и знаменами ЦК комсомола, среди них и Исилькульская... За четыре года войны юные омичи вложили в фонд Победы 2 миллиона 800 тысяч рублей. Эти деньги они собирали на танковую колонну «Пионер», на эскадрилью «Омский школьник», на посылки для бойцов Красной Армии... Школьники заготавливали сушеные овощи, шиповник, грибы... В газете «Омская правда» от 25 февраля, пишут они, было напечатано письмо шестилетней Ады Зенегиной. В нем она писала о том, что Гитлер выгнал ее из дома, где она жила. Что она хоть и маленькая, но знает, что надо сделать с Гитлером – выгнать его, и тогда они поедут домой. Что ее мама дала деньги на танк, и обращалась с просьбой в редакцию, чтобы дядя редактор напечатал ее письмо. В нем она призывала всех сдать деньги на танк, который они назовут «Малютка». Призыв Ады нашел большой отклик у детей. В областной конторе Госбанка был открыт счет, куда поступали деньги на «Малютку». Всего дошкольники Омской области собрали 179 тысяч на танк». Члены штаба «Искатель» в своем письме так же сообщали о том, что в газете «Омская

правда» от 17 июня 1945 г. в статье И.Ф. Титовой «На омских танках в Берлине» написано: «Юные омичи собирали деньги на танк. Пусть знают ребята, что их «Малютка», весом в 60 т безжалостно давила гитлеровцев, громила их доты и дзоты, расчищая путь нашим доблестным пехотинцам» (Д. 11. Л. 1–3).

В нашем городе во время Великой Отечественной войны с мая 1943 г. была создана Исилькульская авиационная школа пилотов первоначального обучения ГВФ. В Исилькульском небе были подготовлены пилоты для восьми авиационных дивизий, 11 октября 1945 г. было принято решение перебазировать школу в город Сасово [2, с. 30].

С 1 февраля 1942 г. по 1 марта 1943 г. в Исилькуле располагался эвакогоспиталь № 2479. Отсюда, излечившись от ран, вновь уходили на фронт сотни бойцов и командиров Красной Армии [с. 29]. Из Исилькульского района было призвано на фронт 12 700 чел., из них погибло 6 400 [с. 28].

В коллекции нашего архива хранятся 84 похоронки (нотариально заверенные копии) на погибших бойцов. В них примерно одинаковый текст: «Ваш муж, красноармеец Ступин Семен Семенович, уроженец Омской области, Исилькульского района, Баррикадского сельского Совета. В бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 26 января 1944 года. Похоронен в районе деревни Никитино, Н-Сокольнического района, Калининской области. Приказ НКО СССР № ____ от ____ Командир части: подпись» (Д. 5. Л. 1, 20, 46).

Из фронтового письма М.С. Зубанова [3, т. 7. с. 1]: «О нас человечество никогда не забудет. Нам, людям этой эпохи, воздвигнут такой памятник, который не сотрут века и тысячелетия. Русь будет нас помнить».

Литература

1. Гензель Г.Р. Исторический очерк // С нас начинается Сибирь: сб. Омск: Полиграф, 2008.
2. С днем рождения, мой район: Альбом. Омск: Омскбланкиздат, 2014.
3. Книга Памяти. Омск: Омское кн. изд-во, 1995. Т. 7.

И.В. Коломбет
г. Исилькуль Омской области

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПО ДОКУМЕНТАМ ИСИЛЬКУЛЬСКОГО АРХИВА

Изучение роли советского, в т. ч. сибирского тыла 1941–1945 гг. остается одной из приоритетных задач российских исследователей. В данной работе хочется обратить внимание на проблему депортации немцев и мобилизацию их в трудовые колонны на примере Исилькульского района. Об этом многочисленном отряде людей, проявившем героизм в тылу, ковавшем победу, долгое время не упоминалось в официальной историографии. Источниковедческий материал Исилькульского муниципального архива, отражающий жизнь в тылу, представляют списки эвакуированных в фонде Солнцевского сельского Совета, похозяйственные книги сельских Советов, не опубликованные заметки жителей района, письма, отклики по истории района. При написании работы использованы, также, источники мемуарного характера, собранные в книге «Не исчезли по милости Господа» об истории села Аполлоновка, которая с момента ее образования являлась в Исилькульском районе местом компактного проживания немцев.

С первых дней войны советские немцы, оказавшиеся в районах боевых действий, проявляли мужество и героизм в борьбе с гитлеровскими фашистами. Принял участие в первых оборонительных боях и погиб в августе 1941 г. сержант Адольф Адольфович Гиль, призванный в РККА еще до начала войны из Исилькуля [1, с. 144]. Нет сомнения в том, что бились бы на смерть рядом с ним и сотни других сибирских немцев, но Советское правительство видело в каждом российском немце врага и предателя, поэтому их оставляли в тылу. В соответствии с директивой, появившейся в сентябре 1941 г. об отзыве («изъятии») военнотружущих-немцев из

армии и флота, из воинских частей и даже с фронта немцы направлялись в тыл. Однако и после этого по разным причинам на фронте оставалось некоторое число советских немцев. Многие из них, чтобы попасть на фронт действовали нелегальными путями: меняли свои фамилии на русские, украинские и т. п. По-видимому, этим можно объяснить пропажу «без вести» в октябре 1941 – январе 1942 г. восьми немцев, которые были призваны на фронт из Исилькульского района и остались воевать и после «запрета» [2, с. 39–155].

С июня 1941 г. началась депортация немцев из регионов, находившихся на территориях подверженных скорой оккупации немецкими войсками. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. отмечалось: «...для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья... Для расселения выделены районы... Новосибирской и Омской областей...» [3, с. 100]. Так, 6 сентября 1941 г. бюро Исилькульского райкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О приеме переселенцев в Исилькульский район в количестве 2500 человек». Это были немцы из Саратовской и Горьковской областей, высланные в связи с изданием вышеупомянутого указа. А вскоре стали прибывать немцы и из других областей европейской части Советского Союза.

Депортированные размещались обычно по несколько семей в один населенный пункт, частично попадали и в немецкие села. Большие проблемы возникали с обеспечением депортированных жильем, работой. Из воспоминаний Итальяны Иосифовны Тевс: «В начале сентября 1941 года нам пришлось покинуть обжитые места. Взять с собой мы могли очень мало. Нас увозили на повозках. Маленькую семью с вещами сажали на одну повозку, а если в дороге лошади было тяжело тащить, тогда сбрасывали сундуки с вещами. Поздно вечером, 10 сентября 1941 года, мы приехали в Аполлоновку. Нас поместили в здании клуба. Утром нас разобрали по домам. Летом мне надо было идти со всеми детьми на поля выдергивать сорняки, пропалывать пшеницу» [9, с.226]. По свидетельству Итальяны Тевс (Гейм) в Аполлоновку были высланы 10 семей, 8 из них были из одного села

Пфайфер с Поволжья. В книге «Не исчезли по милости Господа» Петр Эпп приводит сведения о депортированных в Аполлоновку:

Таблица 1

Немцы, депортированные в д. Аполлоновка

ФИО	Год	Семейное положение
Алксир Василий Фридрихович	1910	Семья
Бургардт Екатерина Касперовна	1895	Мать с детьми
Гаас Иван Иосифович	1908	Семья
Гейм Иосиф Антонович	1891	Семья
Киснер Иван Петрович	1894	Семья
Леер Яков Иванович	1909	Семья
Майер Владимир Георгиевич	1902	Семья
Напп Елизавета Яковлевна	1905	Мать с детьми
Пфайфер Иван Петрович	1906	Семья
Трей Эмалия Фридриховна	1914	Мать с детьми
Штехман Елизавета Георгиевна	1917	Мать с детьми

Взяв в руки похозяйственную книгу д. Аполлоновка за 1943–1945 гг., можно проследить судьбу этих людей. Практически никто даже к 1945 г. не обзавелся хозяйством, выращивали лишь овощи и картофель. Только у семьи Майер Владимира Георгиевича в 1944 г. появилась корова, Владимир Георгиевич по образованию бухгалтер, работал в колхозе учетчиком в тракторной бригаде, Елена Васильевна – учительница, работала в колхозной школе. У трех семей имеется отметка – «неймушие». Трагично, даже на страницах похозяйственной книги, выглядит судьба Штехман Елизаветы Георгиевны, прибывшей в Аполлоновку с младшими братьями и сыном 7-ми лет, сама Елизавета Георгиевна была мобилизована на трудовые работы 25 сентября 1943 г., а напротив детей в графе «отметки об отсутствующих» значится запись – «неизвестно где» (ИМА. Ф. 142. Оп. 3. Д. 28. Л. 32, 82).

В списке лиц, временно проживающих на территории Солнцевского сельского совета в колхозе «Буденного», ви-

дим прибывших 14 августа 1941 г. немцев Поволжья, которые были размещены на квартирах у местных жителей (Ф. 47. Оп. 3. Д. 7. Л. 5–6).

Таблица 2

Немцы, депортированные в колхоз им. Буденного

ФИО	Год рождения	Семейное положение
Амрей Мария Адамовна	1911	Мать с детьми
Герр Каспер Андриасович	1884	Семья
Мельхер Михаил Яковлевич	1910	Семья
Кизнер Анна Петровна	1903	Мать с детьми
Штрак Варвара Каспаровна	1907	С матерью, двумя сестрами и дочерью 1941 г.р.

И если у семей, эвакуированных с востока России, можно заметить наличие коров, овец, свиней, то немцы прибывали без скота.

В похозяйственной книге д. Память Свободы колхоза Буденного за 1940–1942 гг. записано 17 семей депортированных немцев, которые были размещены на квартирах у местных жителей. Интересен тот факт, что у всех мужчин-немцев в графе «отметка об отсутствующих» имеется отметка не на трудовых работах, а в РККА, все они отсутствуют с 26 января 1942 г., сразу после принятия Постановления ГКО «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», которое предписывало мобилизовать немцев Новосибирской и Омской областей, Красноярского и Алтайского краев в рабочие колонны на время войны (Ф. 4. Оп. 1. Д. 157. Л. 47–79).

В похозяйственных книгах д. Петровка за 1940–1942 гг. видим, что в деревне были размещены немцы из Саратовской области – 12 семей, и 2 семьи немцев Кавказа (Л. 80–93).

Отношение к прибывающим немцам в большинстве было враждебно, об этом свидетельствует и информация УНКВД по Омской области «Смотрят на них недоброжелательно, враждебно, потому что по их вине происходит война». В Исилькуль-

ском районе в колхозе «Большевик» спецпереселенцы проживали в своих землянках на окраине села, жили уединенно и с русскими колхозниками не общались» [5, с. 26].

Свидетельство Ирмы Пфейфер: «Мои родители, когда приехали в Исилькуль (в 1941 году) на них смотрели как на врагов народа. Две недели жили на улице, около вокзала. Ночи были холодные. Люди грелись, прижавшись, друг к другу. Из Исилькуля всех распределяли в близлежащие села. Нас переселили в пустой дом. Не было печки, окна разбитые, двери не закрывались» [4, с. 228–229].

Труд депортированных использовался в колхозах и совхозах. На тяжелых работах использовался труд женщин и детей. И хотя в многочисленных инструкциях говорилось о равных условиях труда для местных жителей и депортированных, в реальной жизни все было по-другому.

Настоящей трагедией для советских немцев стало использование их на принудительных работах, так называемая трудовая армия. Однако само это понятие использовалось только в бытовом лексиконе, в похозяйственных книгах по Исилькульскому району встречаются формулировки – трудовой фронт, трудовые работы или просто пометки – мобилизован.

В условиях военного времени остро ощущалась нехватка рабочих рук, в этих условиях на самых тяжелых работах стали использовать немцев. И хотя первое официальное решение ГКО о формировании из немцев мужчин рабочих колонн было принято 10 января 1942 г., существовали они с первых недель войны. Свидетельством этого является и распоряжение по проведению Указа от 28.08.1941: «После обыска в доме объявить лицам, подлежащим изгнанию, что они по решению правительства выселяются в другие области Союза... главы семей распоряжением ответственных работников должны быть погружены в специальные, для них заранее приготовленные ж.д. вагоны... Предстоящее разлучение с главой семьи не разглашать» [6, с. 65]. Формировавшаяся из спецпереселенцев трудовая армия использовалась в качестве бесплатной рабочей силы, содержалась под стражей, с вооруженной охраной, строгими запретами и ограничениями,

направлялась на самые тяжелые объекты оборонного значения.

Большинство немцев Исилькульского района в возрасте от 15 до 55 лет были мобилизованы через военкоматы в трудовую армию. Трудно назвать хоть одну немецкую семью, в которой бы уцелели все. Масштабы мобилизации по району можно представить, открыв похозяйственную книгу села Аполлоновка, из каждой немецкой семьи было мобилизовано от 2 до 5 чел., нередко мобилизовывалась вся семья полностью, включая 13–14-летних детей. Всего из небольшой деревни за 1942–1943 гг. было отправлено в трудовые колонны 163 чел., а пришло из них – 18. Из воспоминаний Егора Якова, жителя д. Новодонка Исилькульского района, депортированного из Поволжья: «В первых числах холодной январской ночи сорок второго года эшелон с трудовиками оставил город Исилькуль. Что нас ждет там впереди никто не знал... После жидкой баланды получили рабочие инструменты, прошли пересчет и недалеко от зоны начался первый день бесконечного каторжного труда. С самого начала жизнь превратилась в кошмар повседневного существования. С утра до вечера голодные, в жгучем морозе долбали до камня промерзшую землю. Долбали месяцами и казалось этому не будет конца... Выполнять нормы с каждым днем становилось все труднее. Не выполнивших норму без ужина возвращали на довыполнение...» (Ф. 4. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–15).

В октябре-декабре 1942 г. по всей Западной Сибири прошла дополнительная мобилизация немцев. 9 октября Омский обком партии и облисполком приняли совместное постановление «О дополнительной мобилизации немцев, проживающих в Омской области». По этому решению было мобилизовано 25 тыс. немцев. Поскольку мужчин почти не осталось, забирали в основном женщин [7, с. 123].

Несмотря на насильственное переселение, унижения, тюремный быт и тяжелые условия труда на новом месте, в незнакомой среде депортированные вместе с местным населением терпеливо переносили все тяготы военного времени, выпавшие на их долю, и как могли, приближали победу над фашизмом.

Литература

1. Колесников А.Д., Машкарин М.И., Полканов В.Д. и др. Исилькуль на Транссибирской магистрали. Омск, 1995.
2. Книга Памяти. Омск: Омское кн. изд-во, 1995. Т. 7.
3. Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ: по материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики». М.: Звенья, 1999.
4. Эпп П. Не исчезли по милости господ. Waldheim – Аполлоновка. «Samenkorn» Steinhagen; Исилькуль, 2011.
5. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха: Топчихинская тип., 1995.
6. Немцы в России и в СНГ 1963–1993 Volk auf dem Weg. Штутгарт: Землячество рос. немцев, 1993.
7. Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Наказанный народ: по материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском союзе в контексте советской национальной политики». М.: Звенья, 1999.

ИССЛЕДОВАНИЯ

*Е.В. Комлева
Новосибирск*

ДОКУМЕНТЫ ТУРУХАНСКОГО ОТДЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ КАЗЕННОЙ ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ В НИЗОВЬЯХ ЕНИСЕЯ В 1820-х гг.

Снабжение хлебом северных районов Сибири составляло одну из самых насущных задач, стоявших перед правительством и местными властями в ходе освоения этих отдаленных, труднодоступных земель. В первой половине XIX в. одним из механизмов обеспечения северян хлебом стало создание разветвленной сети казенных хлебных запасных магазинов, деятельность которых подробно регламентировалась положением 1822 г. [1, с. 269–270]. Отложившиеся в фонде Туруханского отдельного управления Государственного архива Красноярского края документы позволяют характеризовать состояние казенной хлебной торговли на такой обширной территории, как Туруханский край, в 1820-х гг. вошедший в состав Енисейской губернии. Среди сохранившихся материалов – приходно-расходные книги, отчеты, переписка между туруханскими и губернскими властями, статистические сведения о состоянии Туруханска и Туруханского края. Несмотря на то, что от 1820-х гг. осталось лишь ограниченное число подобных источников, содержащаяся в них информация с разных сторон освещает деятельность казенных хлебных запасных магазинов в регионе.

Большой информативностью обладают отчеты магазинных приставов, которые обобщались туруханским отдельным заседателем (в 1820-е гг. эту должность занимал Т.Л. Воскобойников). Из данных документов можно узнать о месторасположении, штате и инвентаре хлебных магазинов, объемах поставок и продажи хлеба в регионе. Так, в отчете о расходовании хлеба в Туруханском крае за 1825–1826 гг. упоминалось о 24 действовавших на территории региона ка-

зенных запасных хлебных магазинах, в том числе о располагавшихся в крупных населенных пунктах Туруханске и Верхнеимбатске, из которых хлеб, согласно установленным нормам, поступал в мелкие «запасы» вверх по рекам Турухану и Нижней Тунгуске, вниз по Енисею и «по низовой тундре» (ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 151. Л. 289–296). Для транспортировки хлеба приходилось содержать оленей и нанимать погонщиков. Старший урядник Туруханской казачьей команды Михаил Мутовкин, распределявший казенный хлеб по магазинам, в декабре 1825 г. сообщал, что в его ведении находилось «на Тазу у церкви <...> казенных оленей по счету быков 90-то, важенок 22-ве, а всего 112-ть оленей, все в упряжку, для перевозки казенного хлеба годные и при них 4 жокея находящихся; для них вещей 1-н чум, лямок 100-то, санок и нарт 50-ть, 2-ва котла, 1-на пешня, 4-ре топора, 5-ть сетей пушальничных, и все сии вещи ко употреблению годные и хранящиеся Тазовской волости исецкого роду крещеного человека Кирилла Нездумкина с товарищи» (Л. 214–214 об.).

Сведения о необходимом для хранения и транспортировки хлеба инвентаре можно также почерпнуть из приходно-расходных книг. Например, согласно «Книге прихода и расхода хлеба, денег, зверя и материалов по Туруханскому запасному магазину» за 1822 г., в нем в 1821 г. было заготовлено 119 холщовых мешков «с шитьем и нитками каждый по 53 копейки», 2 «снастей пеньковых», 567 «железных поделок» (скоб и гвоздей), 13 ведер «смолы с посудиною каждое ведро по 1 рублю» (Д. 31. Л. 82–83).

Ежегодно на территорию Туруханского края завозилось около 20–30 тыс. пуд. казенной пшеницы, которая приобреталась населением как за деньги, так и за звериные шкуры и меховые изделия. В начале 1820-х гг. 1 пуд хлеба в казенных магазинах Туруханского края стоил 1 руб. Тогда же за 10 пуд. хлеба в зимовье Баишинском на р. Турухан давали одну лисицу «белодушку», за 54 пуд. 10 фун. – «белок 28, зайчин 317, кож оленых: бычьих 1, важеничьих 7, камысов 4 зверя^{*}» (Л. 58 об.).

* Камыс – шкура с оленьей ноги, четыре камыса назывались зверем.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что в 1820-х гг. на территории региона широкое распространение получила продажа хлеба в долг, что поначалу разрешалось только инородцам, но затем, из-за крайней бедности многих русских поселенцев, распространилось и на них, «чтобы никого из жителей до голода не доводить» (Д. 74. Л. 17). Наиболее нуждающимся хлеб отпускался вообще «безденежно и без возврата»: только 6 сентября 1822 г. из Туруханского запасного хлебного магазина подобным образом раздали «жительствовавшим в городе Туруханске бедного класса людям мужеска и женска пола 7 человекам на сентябрь месяц каждому по 36 $\frac{1}{4}$ фунта, всем шесть пудов тринадцать фунтов и три чети муки» (Д. 31. Л. 27).

Недостатки в деятельности казенных хлебных магазинов, а также проблемы, стоявшие перед туруханскими и губернскими властями в области хлебных поставок на север освещены в переписке между туруханским отдельным заседателем Т.Л. Воскобойниковым и общим Енисейским окружным управлением, находившимся в Красноярске. Одна из трудностей заключалась в создании необходимых для хранения зерна условий: так, в рапорте туруханского отдельного заседателя Воскобойникова от 30 ноября 1823 г. указывалось, что «для казны убыток последовать может потому, что по Турухану и Тазу частогодно во множестве мыши нападают на хлеб, портят оный со значительною убылью» (Д. 74. Л. 15 об.). Это усугублялось наблюдавшимся несоответствием существовавших норм на поставки хлеба в отдельные магазины реальным потребностям населения, которые в значительной степени зависели от объема рыбного улова. В 1820-х гг. Туруханский казенный запасной хлебный магазин полагалось пополнять ежегодно на 30 тыс. пуд. муки, но, по мнению Воскобойникова, «такового количества поместить невозможно, да и надобности в оном не предвидится, а потребно только в будущем лете (1824 г. – *Е.К.*) поставить во оной магазейн 5000 пуд». В 4 «запаса» по Нижней Тунгуске вместо положенных 3 тыс. пуд. он предлагал доставить только 1600 пуд., «какового количества хлеба для годового продоволь-

ствия бродячих тамо тунгусов будет весьма достаточно» (Л. 15, 16).

Еще одна проблема состояла в том, что торговля хлебом в крае не приносила особых выгод казне. Во многом это было обусловлено существовавшей практикой продажи зерна в долг и ростом недоимок. Осенью 1823 г. на ясашных Енисейского округа и Туруханского края числилась «значительная недоимка прежних лет <...> за розданной им из казенных магазинов хлеб», составлявшая 106 871 руб. 9 ¼ коп. (Л. 7 об.). Т.Л. Воскобойников считал, что «бездоимочный сбор сомнителен и даже невозможен, потому что жители Туруханского края, как русские, равно и азиатцы – наибеднейшие <...> платить могут тогда только, когда бывал изобильный промысел пышного зверя и рыбы и на товар сей были цены не низкие; но уже несколько лет протекло <...> как промысл зверя сделался очень беден, а цены на оный крайне дешевые, с того времени жители Туруханского края – азиатцы, равно и крестьяне – пришли в совершенную бедность и неоплатимые долги частным людям и казне за хлеб до того, что енисейские торговцы верить им в долг хлеба и прочего до одежды касающегося совсем перестали <...> и ежели бы человеколюбивое распоряжение начальства на предмет народного продовольствия в здешнем крае милосердо не взидало, тогда обитатели здешние неминуемо претерпели бы сильный голод» (Л. 16 об. – 17). Для повышения доходности магазинов в сентябре 1823 г. Енисейский гражданский губернатор А.П. Степанов предложил доставлять вырученные за хлеб кожи в губернский город Красноярск, где продать их было значительно легче, чем в Туруханске или Енисейске (Л. 7).

Для экономии казенных средств туруханскому начальству приходилось искать частных перевозчиков, готовых без оплаты поставлять «добровольно за тундру хлеб на своих оленях». Как правило, таких добровольцев находили с большим трудом среди русских крестьян. Т.Л. Воскобойников сетовал, что «согласовать же азиатцев на добровольную поставку за тундру хлеба весьма трудно, ибо ясашные старшины при согласовании их мною в прошедшую зиму на такую поставку, беспрестанно домогались награды за то, что в

прежних годах для своих единоплеменников из Дудинского магазейна хлеб за тундру поставляли» (Л. 16). Для транспортировки вырученных за хлеб звериных шкур в Енисейск приходилось прибегать к услугам енисейских торговцев, внушая им, «что высшее начальство не упустит за сделанную ими для казны пользу отдать им с признательностию благодарность» (Л. 2). В июле 1823 г. обсуждалась возможность отсылки звериных шкур из Туруханска в Енисейск с приказчиком енисейского купца М.Ф. Хорошева мещанином А. Кувакиным «без всякой ему от казны платы» (Л. 1–2 об.).

Картину состояния казенной хлеботорговли в Туруханском крае дополняет сохранившийся черновик статистического отчета туруханского отдельного заседателя для Енисейского земского суда и окружного начальника за 1832 г., включавший 6 статистических таблиц и «прибавление к статистическим сведениям» из 15 пунктов. В этом документе приводятся сведения о численности, этническом и социальном составе населения региона, состоянии поселений, ценах на продукты питания, товары первой необходимости и пушнину. В нем, в частности, сообщалось, что, помимо 34 магазинов, казенный хлеб хранился на 15 судах, 8 барках и 4 лодках (Д. 598. Л. 7).

Таким образом, отложившиеся в фонде Отдельного Туруханского управления документы позволяют подробно характеризовать деятельность казенных запасных хлебных магазинов на территории Туруханского края в 1820-х гг.: получить представление об их штате, инвентаре, расходах на содержание и ежедневной работе. Сохранившиеся материалы свидетельствуют о важной роли казенных поставок хлеба для поддержания жизненного уровня как коренных северных народов, так и русских поселенцев в низовьях Енисея. Однако зачастую отсутствие необходимых для хранения зерна условий, трудности, связанные с его доставкой в самые отдаленные районы, бедность населения делали магазины не только не приносящими прибыль, но, наоборот, наносили ущерб казенным интересам. Это побуждало губернские власти искать способы повысить доходность казенной хлеботорговли: в частности, доставлять выручившиеся за хлеб звериные шкуры для продажи в главный город губернии – Красно-

ярк, а также взаимодействовать с представителями частного капитала при транспортировке грузов.

Литература

1. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993.

*А.М. Панченко
Новосибирск*

**ЗАВЕДЕНИЕ БИБЛИОТЕК НЕОБХОДИМО КАК ДЛЯ
«НРАВСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОФИЦЕОРОВ,
ТАК И ДЛЯ ПРЕПОДАНИЯ ИМ СПОСОБОВ
К ОБРАЗОВАНИЮ УМСТВЕННОМУ»**

Российский государственный военно-исторический архив – крупнейшее хранилище военно-исторических документов дореволюционной России, среди которых достаточно много материалов, посвященных истории военно-библиотечного дела Русской армии. В фонде 38 (Департамент Генерального штаба (с 1863 г. – Главное управление Генерального штаба) 1796–1877 гг. обнаружено дело 203 «О предполагаемом заведении полковых библиотек в армейских полках» (начато 9 ноября 1835 г., окончено 26 января 1836 г.) (РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 203. Л. 1–27). В нем представлена переписка между канцелярией Военного министерства и командованием 1-й Армии артиллерии по вопросу обсуждения рационального устройства в ней полковых библиотек.

Директор канцелярии Военного министерства по приказанию Военного министра–начальника Главного штаба графа А.И. Чернышева отправил в адрес генерал-квартирмейстера Главного штаба Ф.Ф. Шуберта рассмотренную императором Николаем I записку «О необходимости заведения полковых библиотек в армейских полках», с просьбой доложить А.И. Чернышеву свои предложения по этому вопросу. Говоря о пользе вновь учреждаемых полковых библиотек, в документе отмечается, что молодые офице-

ры, после окончания военно-учебных заведений прибывают в полки, распределяются по ротам и эскадронам и «вступают в круг людей, из коих часть там образована, часть даже безнравственна; будучи независимы в поступках частного поведения и предоставлены случаю, они легко принимают дурное, за хорошее, буйное молодчество за воинственную отвагу, впадают в дурные обыкновения и становятся развратными, забыв все то, чему обучались и платя, столь предосудительным употреблением своим способностей правительству за прежние о них попечения. Для избежания сего, желательного, дабы молодые офицеры <...> первый год своей службы находились под непосредственным присмотром полкового командира при полковом штабе, <...> где можно еще занять их чтением книг и теорией столько же, сколько и ежедневную службу» (Л. 4–5).

Другую причину, которая вызывала необходимость создания библиотек при полках, была трудность, а часто и невозможность приобретать книги в местах расположения воинских частей. Эта причина «не только укореняла между офицерами вредную праздность ума и невежества, не только лишает их полезных знаний об успехах, совершаемых по разным вопросам их исключительных занятий, но даже оставляет их в неведении касательно всего, что происходит в Отечестве. Им неизвестны большею частью ни новые сочинения о военном искусстве, ни даже новые указы, ни новые постановления и распоряжения правительства» (Л. 6–6 об.). Кроме того, вновь учреждаемые библиотеки, по мнению их устроителей, будут служить «приготовительным средством» для тех офицеров, которые пожелают в перспективе поступить в императорскую Военную академию, в Генеральный штаб или в корпус адъютантов.

Большая часть архивного дела посвящена обсуждению «Проекта о заведении и содержании библиотек в артиллерийских бригадах 1-й Армии». Больше всего вопросов вызывала финансовая сторона дела. Среди которых: выделение денежных средств от казны на первоначальное и ежегодное устройство библиотек и добровольная сумма, вычитаемая из денежного жалования офицеров. В «Проекте» обсуждался порядок: а) выписывания книг в библиотеку; б) их получения

читателями; в) штрафов, за нарушения правил пользования ими; г) избрания библиотекаря, его обязанности, документация, передачи библиотеки от одного библиотекаря к другому и др.

Особенностью устройства артиллерийских библиотек было: а) выделение казенного «выгодного и приличного» для библиотеки помещения; б) содержание хозяйственным способом по одной в каждой роте крытой повозки, оборудованных за казенный счет; в) назначение для присмотра за порядком и чистотою в каждой из библиотек одного сторожа из нестроевых нижних чинов, «трезвого и надежного поведения». В случае выступления бригады в заграничный поход, библиотека оставлялась по месту расположения бригады под его ответственность.

В деле имеется приказ генерал-фельдцейхмейстера (высшая должность начальника всей артиллерии) великого князя Михаила Павловича от 5 февраля 1834 г., в котором он, ссылаясь на приказ, отданный по артиллерии 1-й Армии ее начальником генерал-лейтенантом Ховеном от 16 декабря 1833 г. отмечал, что с помощью добровольных пожертвований офицеров, почти во всех бригадах 1-й Армии заведены библиотеки и надо «отдать должную похвалу сему стремлению артиллерийских офицеров к образованию себя в познаниях, вообще столь необходимых, по роду их службы» (Л. 16). При этом он обращал внимание командиров на то, чтобы, собранные деньги «клонились истинно к доставлению каждому офицеру возможности, приобретать сведения, нужные артиллеристу и не были употребляемы на покупку книг, которые, по содержанию своему, не могут иметь места в военной библиотеке» (Там же).

В своем приказе Михаил Павлович определял правила, которыми необходимо было руководствоваться при пополнении библиотек различными сочинениями. В первую очередь, в составе библиотек в обязательном порядке должны были входить издания по: артиллерии, инженерной науке, военного искусства, математики, естественных наук, российской истории, всеобщей истории, статистики, географии, правоведения, словесности и языкознания. Сочинения по артилле-

рийской и инженерной части, а также книги, «до точных наук относящиеся», должны были составлять основу бригадных библиотек. До приобретения по возможности полного собрания этих изданий, не следовало приступать к покупке других. Приобретение других книг, «не имеющих признанного и существенного достоинства, не должно быть допущено», так как в походной библиотеке, объем которой ограничивался необходимостью передвижения с одного места на другое, должны были находиться только те сочинения, которые могли приносить пользу для артиллерийских офицеров. Эти правила необходимо было соблюдать и при выписывании журналов.

Для руководства вновь учрежденными библиотеками для начальников артиллерии в армиях и отдельных корпусах к приказу были приложены: 1) реестр книг, которые должны были войти в состав библиотек; 2) проект о заведении и содержании библиотек, составленный по примеру 1-й Армии артиллерии. Генерал-лейтенанту Ховену вменялось в обязанность осуществлять контроль за точным исполнением всех изложенных выше требований и ежегодно представлять Михаилу Павловичу краткие ведомости о вновь поступивших в бригадные библиотеки книгам. Впоследствии предполагалось рассылать в бригады каталоги новейших сочинений, которые по своему содержанию заслуживали того, чтобы находиться в бригадных библиотеках. Этим приказом и положением о бригадных библиотеках начальники артиллерийских частей руководствовались 18 лет, с 1834 по 1852 г.

В деле также имеется копия предписания генерал-фельдцейхмейстера Михаила Павловича исполнявшему должность начальника артиллерии 1-й Армии генерал-лейтенанту Ховену от 5 февраля 1834 г., в котором он обращал его внимание, на то, чтобы учесть те изменения, которые были изложены в приказе от того же числа, особенно в части приобретения сочинений, не внесенным в приложенный к тому приказу каталог, который «может быть исполнено частью офицерами, но, ни в коем случае не должно быть отнесено на сумму определенную для составления библиотек, и сии книги не должны быть включены в оные» (Л. 18).

Окончательный вариант устройства офицерских библиотек выглядел так. Заведение библиотек при армейских полках было действительно «необходимо, как для нравственного образования офицеров, так и для «преподания им способов к образованию умственному» (Л. 26 об.). На устройство библиотек корпусных штабов установлено выдавать 1000 руб. ассигнациями, а потом выделять ежегодно еще по 500 руб. Для заведения и постепенного образования полковых библиотек, «без отягачения офицеров», вычитать ежегодно из получаемого ими жалования по 1 копейке с рубля, как при нахождении воинской части на территории России, так и во время заграничных походов. Таким образом, вычет с офицеров 4-батальонного полка составит 568 руб. ассигнациями, а в полку 3-батальонного состава – 440 руб. ассигнациями, в кавалерийском полку 10-эскадронного состава – 522 руб. ассигнациями. В первый год образования библиотеки эта сумма пойдет на приобретение самых необходимых «военно-учебных, соответствующих роду войска» книг, а в последующие годы и по другим частям наук, которые «сочтутся нужными для армейского офицера».

Полковые библиотеки считались собственностью офицеров, а потому распоряжение книгами и ответственность за целостность их, возлагалась на них, «как дело к прямой их пользе относящееся». В каждом полку общество офицеров обязывалось составлять правила «употребления и сбережения книг», утвержденные командиром полка.

В виду того, что на корпусных обер-квартирмейстеров уже было возложено заведывание штабными библиотеками, то им же предоставлялось право приобретения книг для полковых библиотек, в зависимости от суммы, имевшейся в распоряжении офицеров, «как при основании оных, так и в последствии, по мере выхода новых книг». Надзор за библиотекою и распоряжение книгами доверялось «особому офицеру, обществом избранному», и утвержденного командиром полка, хотя ранее в проекте предлагалось обязанность библиотекаря возложить на полкового казначея. Изменение этого пункта объяснялось тем, что «возложение сей обязанности на полкового казначея затруднит его в отправлении прямой

должности, на нем лежащей, а сия последняя не позволит ему обратить должное внимание на занятия по библиотеке» (Л. 28).

Таким образом, рассмотренный выше «Проект» стал не только первым централизованным документом, на основе которого были устроены офицерские библиотеки во всей артиллерии, его основные положения использовались при выработке последующих положений об устройстве офицерских собраний книг не только в этом роде войск, но и в других.

М.К. Чуркин
Омск

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРЬ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: ОПЫТ «ПЕРЕЗАГРУЗКИ» И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Несмотря на большой объем работ по переселенческой тематике, написанных в рамках историко-экономической традиции историографии второй половины XIX и значительной части XX в., наиболее уязвимым местом в рефлексии миграционных процессов пореформенного времени, следует признать существовавшую изначально, и тиражируемую в дальнейшем узость проблемного поля исследования. Осмысление переселенческого процесса, как наиболее существенного сегмента российской колонизации, а также его различных аспектов, значительную часть времени (по сути, от пореформенной эпохи до 1990-х гг.), развивалось в рамках позитивистской методологической модели, сообразно с которой во главу угла была поставлена идея установления фактов, обнаружения типологически сходных явлений в истории и разработки законов, поверяемых исторической практикой. В результате, факты переселенческого движения рассматривались сквозь призму количественных показателей, когда на первый план выводилось механистическое понимание миграционных процессов, в рамках которых обезличенная мас-

са земледельцев искала спасения от голодной смерти во вновь колонизируемых районах Российской империи.

В заданном методологическом формате, специалисты, погружаясь в проблему, и формируя источниковую базу исследования, ориентировались, прежде всего, на подбор документального материала, отражавшего в документах делопроизводственного характера содержание властного дискурса, с соответствующим ему прагматическим подходом к организации переселенческого дела, при общей негативной оценке крестьянских миграций. В результате, официальное делопроизводство, преимущественно «отчетной» категории, становилось «дойной коровой» исследователей аграрной и переселенческой политики второй половины XIX – начала XX в., надежным инструментом критики мероприятий центральной и региональной власти в сфере регулирования аграрных миграций.

Однако на рубеже XX–XXI вв. подобный подход потерял свою продуктивность. Эксплуатация однообразного круга источников и «узкое поле» их прочтения и интерпретации привели к печальным результатам. Во-первых, возникло иллюзорное ощущение исчерпанности темы. Во-вторых, такое массовое для второй половины XIX – начала XX в. явление, как переселения, в трудах историков «локализовалось». Сибиреведы оперировали материалами, относившимися к проблемам водворения и обустройства мигрантов в регионе. Историки европейской части страны были озабочены осмыслением аграрного кризиса и рассмотрением причин и следствий такового сквозь призму аграрных девиаций в Европейской России, что в принципе отменяло возможность исследования колониального пространства в целом, с точки зрения детерминирующих обстоятельств переселенческого процесса, адаптивных возможностей русского крестьянства.

В условиях методологического кризиса исторической науки, охватившего и область источников, постепенно формировались новые подходы, в частности, методология рефлексивного крестьяноведения и научно-исследовательские практики «новой истории империи». Утвердился тезис о множественности акторов исторического процесса, в числе

которых свою нишу занимало собственно крестьянство, долгие годы воспринимаемое историками в качестве пассивной в социальном отношении категории. Актуализировался вопрос и об определении территориальных границ крестьянских миграций, что материализовалось в появлении специфического термина – «колониционное пространство», подразумевавшего наличие общей логики в переселенческом процессе, без традиционной демаркации по линии Россия–Сибирь.

Вполне естественно, что следующим этапом в исследовании переселенческого движения, с привлечением материалов делопроизводственного характера, становится расширение географии крестьянских переселений и включение в эту канву регионов, отмеченных максимальной миграционной турбулентностью сельского населения (Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская губернии). Кроме того, эффективным представляется и своеобразное расщепление спектра источников официального делопроизводства, включавшего в свой состав помимо отчетов крупных ведомств и сибирских губернаторов, материалы, сформированные в местах выхода переселенцев, собственно переселенческих чиновников, сведения, фиксируемые представителями церковной администрации, а также крестьянские прошения, ходатайства и жалобы.

Так, значительная масса крестьянских прошений, ходатайств и жалоб, представленная в архивных фондах, отражает не только проблемы выхода, водворения и обустройства переселенцев, но и фиксирует некий общий знаменатель колониционного процесса, являясь «мостом», связывающим этапы переселения: принятие экстраординарного решения, переезд, обнаружение участка, водворение, обустройство. Это, прежде всего, индивидуальные и коллективные прошения, жалобы и ходатайства крестьян черноземных губерний, в которых сохранились прямые и опосредованные указания на упадок сельскохозяйственного производства в регионе и снижение уровня жизни сельского населения. Показательно, что в подавляющем большинстве случаев подобные документы составляло все общество или значительная его часть, что свидетельствовало не только о системности кризиса в аграрном сек-

торе региона, но и являлось выражением «коллективного мнения» крестьянство, детерминированного общинной организацией.

Обширный пласт документов, инициированных крестьянством, составляют прошения о переселении их с семьями в Сибирь, в которых отчетливо отображались причины не только экономического, но и психологического свойства, побудившие земледельцев на совершение этого шага. Ценность этого материала увеличивается в связи с тем, что крестьянские прошения о переселении подлежали рассмотрению в государственных учреждениях всех уровней: как центрального, так и местного значения, в результате чего эти сведения «обрастали» дополнительными данными о состоянии крестьянских посевов, наличии скота, сельскохозяйственного инвентаря, численности семейств и годных работников в них.

К указанной группе источников вплотную примыкают апелляции крестьянства к губернской власти и переселенческим учреждениям, компетентным в вопросах оказания финансовой помощи мигрантам, ответственным за предоставление крестьянам, принявшим решение о переселении, льгот по переезду и доставке имущества в избранные районы водворения. Анализ документов указанного ряда свидетельствует об отсутствии четких универсальных критериев в подходах к оценке имущественного положения крестьян, ходатайствующих о переселении, и, соответственно, их финансовой поддержке. В периоды резкого увеличения переселенческого движения объективная потребность в принятии оперативных решений по тому или иному прецеденту далеко не всегда соответствовала реальным хозяйственным запросам переселенцев. В результате очень часто ссуды получали имущественно обеспеченные семьи вместо малообеспеченных, действительно нуждавшихся в материальной поддержке.

Массированный сегмент документации «низового» происхождения представлен крестьянскими обращениями в государственные учреждения различных рангов в связи с трудностями обустройства в регионе водворения, а также

прошениями крестьян о переводворении или обратном перечислении на родину. Эта часть крестьянских прошений наиболее интересна и информативна с точки зрения психологических аспектов поведения земледельческого населения в начальный период адаптации в сибирском регионе. Удовлетворяя большее число крестьянских ходатайств, чиновники переселенческого ведомства обращали особое внимание на то обстоятельство, что в части прошений основания для обратного перечисления на родину или внутрирегионального переводворения являлись неубедительными.

В документах подобного рода содержится также бесценная информация об условиях сельского быта потенциальных переселенцев в губерниях выхода и их изменении в местах водворения. Несомненную самостоятельную ценность представляют собой крестьянские формулировки обстоятельств дела, причин его возникновения и понимание самим ходатаем путей к его урегулированию.

Масштабы крестьянских переселений, деятельностная активность переселенческого элемента, отраженная в прошениях и ходатайствах, естественным образом стимулировали реакцию административных органов власти на ход переселенческого дела, заставляли втягиваться представителей всех звеньев государственного организма в обсуждение и регулирование разнообразных вопросов деревенской жизни.

Делопроизводство светской администрации в районах выхода и водворения мигрантов было тесным образом связано с рассмотрением документов, исходящих от крестьянства, на основании которых выносились те или иные решения. Круг вопросов, обсуждаемых в светском делопроизводстве, отличался чрезвычайно широким спектром. Сюда входили проблемы: оказания помощи крестьянству, пострадавшему от неурожая, выяснения региональных причин кризисных явлений в сельском хозяйстве и роста переселенческой активности земледельческого населения, рассмотрение прошений о переселении, водворении и первоначальном обустройстве, переводворении, разрешении поземельных и бытовых конфликтов в крестьянской среде. Данный материал учитывался при составлении отчетов крупных правительственных чи-

новников, выезжавших в голодающие местности и районы наибольшего сосредоточения мигрантов.

Наконец, делопроизводственная документация церковной администрации содержит в себе важные сведения о религиозных настроениях и предпочтениях в крестьянской среде Европейской и Азиатской России, отражая авторитет православной церкви в обществе, роль епархиального ведомства в организации крестьянского быта в регионе колонизационного освоения и наиболее отдаленных местностях концентрации переселенцев. В компетенцию церковной администрации входили вопросы, проливающие свет на некоторые черты крестьянской психологии, в том числе те, которые были связаны с эластичностью их религиозного мировоззрения, предопределившего частые случаи уклонения в раскол и стремление к уходу от влияния государственной и церковной юрисдикции.

В связи с этим, большая часть делопроизводственных материалов, исходящих от церковной администрации центрально-черноземного региона, а также Сибири была посвящена выявлению раскольничьего элемента, противодействию укорененным в сознании населения языческим предрассудкам, разбору дел, связанных с уклонением от выполнения религиозных обязанностей. Разбор документов подобного рода показал, что эпизоды выхода из православия были достаточно типичными уже в местах исхода мигрантов, а в регионах водворения, отдаленных от светской и церковной администраций, приобретали систематический характер.

Подводя итог, необходимо отметить, что репрезентация массива официального делопроизводства, по природе своей тематически разнообразного, с учетом методологического «поворота» в исторической науке, открывает реальные перспективы в привлечении данного вида источников к дальнейшему изучению крестьянских миграций. Все это предопределяет высокую вероятность выявления истинных мотивов миграционной активности крестьянства, не ограничивая их исключительно хозяйственными нуждами дворов; формирует новые параметры осмысления правительственных мероприятий, с учетом региональной специфики и «имперской

ситуации». Наконец, сопоставление чиновничьих дискурсов, а также реакции клира в местах выхода и водворения мигрантов, позволяет составить представление о масштабности переселенческой проблематики, равнозначной вовлеченности в миграционный процесс центра и периферии.

ИСТОРИЯ КУПИНСКОГО РАЙОНА В ДОКУМЕНТАХ РАЙОННОГО АРХИВА

Общеизвестно, что архивы являются хранилищем многовековой памятью человечества. Сравнительно небольшой по объему районный архив хранит ряд документов, позволяющих реконструировать события в истории района в целом и в истории отдельных семей.

Старейшими документами, хранящимися в Купинском районе архиве, являются крестьянские индивидуальные ходоатайства, приговоры сельских сходов, протоколы заседания переселенческих комиссий и т. д. Они позволяют восстановить подробности осуществления землеотводных и землеустроительных работ и содержат ценные сведения о социально-экономическом развитии Кулундинской волости. Изучение документов данного фонда так же позволяет получить разностороннюю информации по истории конкретного поселения: состав населения (по именованным спискам), сведения об имущественном состоянии семьи, и наконец увидеть документы написанные рукой прадеда.

В 1910–1916 гг. в Купинской волости действовала поземельно-устроительная партия. Ее целью являлось не только разрешение поземельных споров внутри общины, но и создание оброчных статей (участков, сдаваемых в аренду) на казенных землях. О проведении землеустроительных работ ходоатайствовали сами крестьяне. Крестьяне с. Купино в прошении главному производителю работ Каинского поземельно-устроительного центра партии И.Г. Лихачеву указывали следующую причину внутринадельного межевания: «С каждым годом население все увеличивается и увеличивается, а земельный надел наш остается в одних и тех же границах, то естественно в настоящее время душевая норма значительно понизилась» (Отдел архив. службы администрации Купинского р-на. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 4). Жителям села приходилось арендовать земли за высокую плату. Арендуемые земли

могли находиться довольно далеко от села, что создавало определенные неудобства. В своем прошении жители села Купино предлагали устранить препятствия, мешающие их «сельскохозяйственному быту», включив в надел земли арендуемые ими много лет. Подобные прошения составляли жители многих сел Каинского уезда.

В с. Копкуль сложилась крайне тяжелая ситуация с землей для переселенцев. Его жители обратились к главному производителю работ. В прошении указывалось: «Мы поселились по прирезным приговорам в 1907–1908 году в Копкульское сельское общество. В момент нашего вступления в общество у нас числилось 111 душ мужского пола, в настоящее время народонаселение увеличилось, так что в обществе нашем исчисляется 600 душ мужского пола. Ввиду недостатка земли как пахотной, так и сенокосной, мы принуждены арендовать за весьма высокую плату землю у государственной казны, а именно за 2 101 рублей. Находясь в крайне стесненном положении и ввиду недостатка земли имеем честь просить Вас Ваше Высокоблагородие, не находите ли возможным, сделать зависящее от вас распоряжение об отдаче нам в безвозмездное пользование Добрынинского участка, прилегающего к нам» (Д. 34. Л. 17).

Качество земли, получаемой переселенцами, иной раз оставляло желать лучшего. В частности о земельном участке поселка Антоновский известно следующее: «Общий характер участка: слегка волнистая лесостепь с большим содержанием подсолонков. В восточной и юго-восточной части участка много солонца и глины. Из всего Купинского района участок принадлежит к числу худших. Населен немцами, баптистами и лютеранами» (Д. 25. Л. 16).

Информацию о своей семье можно почерпнуть из ходатайств о прирезке земли и получении ссуд на межевание участков. В частности, изучение делопроизводственных источников позволяет выявить размер помощи переселенцам от правительства и местной администрации при обустройстве на новом месте, установить, когда были созданы школы, волостная переселенческая больница, опытное поле и т. д. В Купинском архиве хранятся ходатайства о прирезке земли,

написанные рукой одного из первых учителей в Купинской волости – Алексея Адамовича Хруцкого. Он не только учил детей, но писал ходатайства за неграмотных односельчан.

Для изучения истории отдельных семей определенный интерес представляют протоколы заседаний президиума районного исполнительного комитета о лишении избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. Приведем выдержку из одного протокола заседания Президиума Купинского районного исполнительного Комитета Западно-Сибирского края за 1932 г. «Слушали: Дело о лишении избирательных прав гражданина Новоселья, того же сельсовета, Лукина Павла Васильевича, прибегавшего к наемному труду батраков в 1921–26–27–28 годов с целью расширения своего хозяйства, за пределы трудового. Постановили: На основании ст. 15 п. а “Инструкции о выборах в советы”, с постановлением сельсовета согласится и гражданина Лукина лишить избирательных прав вместе с его семейством достигнувшему совершеннолетнего возраста» (Оп. 2. Д. 5. Л. 83).

Архивные документы также дают возможность восстановить особенности принятия решений органами власти; рассмотреть одиозные решения, которые так и не были воплощены в реальности. Изучение решений, не воплощенных в реальности, позволяет придать местной истории некую вариативность, рассмотреть альтернативы развития района. Приведем пример одного из самых нелепых решений купинской власти. На заседании Президиума Купинского районного исполнительного комитета 27–28 апреля 1932 г. рассматривался вопрос «О переименовании района». В качестве основания для подобной постановки приводились следующие аргументы: «1) Что село Купино, вместе с этим и район ведет свое название по фамилии кулаков – торгашей “Купиных” заселивших в первые дни данный участок “Моховое”. 2) Что в порядке постановления правительства требуется пересмотреть вопрос о переименовании станции в другое название в связи с тем, что такое название носит станция, находящаяся по самаро-златоустовской железной дороге и кроме того имеется подобное этому название на Украине, город Купинск, что в связи с этим вносит путаницу как в части засылки корреспонденции, так и по ряду других вопро-

сов. 3) Что вопрос о переименовании села Купино и района широко обсужден среди трудящихся всего района, со стороны которых имеются настойчивые требования о переименовании».

Исходя из этого Президиум Райисполкома постановил: «1) Переименовать село Купино в село Постышево, имени секретаря ЦК ВКП“б” т. Постышева, а в месте с этим Купинский район в Постышевский и станцию Купино в Постышево. 2) Просить Запсибкрайисполком и ВЦИК утвердить это постановление» (Л. 91). Данная идея не была поддержана вышестоящими властями, и благополучно провалилась.

Изучение фондов районного архива способствует возрастанию интереса жителей разных возрастных категорий к своему прошлому. Документы Купинского районного архива используются в публикациях по истории родного края в СМИ, при проведении лекционных занятий в образовательных учреждениях.

*Д.В. Крупницкий
Новосибирск*

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ («Знамя революции», Томск, 12 мая 1918 г.)

Одним из исторических источников с помощью которых можно реконструировать события в 1918 г. является региональная пресса. Мы рассматриваем лишь один день, 12 мая 1918 г. Мало кто подозревал, что Гражданская война, вспыхнувшая на юге России, стремительно докатится до сытой Сибири. Через 19 дней вспыхнет мятеж чехословацкого корпуса и как сильный порыв ветра унесет ростки советской власти.

Газета «Знамя революции» в 1918 г. отметила 2-й год издания. Мы освещаем содержание ее № 91 (271) от 12 мая (29 апреля) 1918 г. В газете помещен ряд объявлений, в т. ч. о предстоящих культурных событиях. В здании общественного

собрания представлена пьеса из репертуара К.Н. Незлобина¹ «Хищница». Цена билетов в зависимости от мест от 5 руб. 50 коп. до 1 руб., ученические 1 руб. 40 коп., начало в 9 ч вечера. В здании Мариинской гимназии организован танцевальный вечер-бал: с 7 ч 20 мин до 3 ч ночи. В театре фронтовиков и рабочих – драма в 6-ти действиях «Дочь каторжника». По окончании танцы до 3 ч ночи. Сообщается также, что данный театр приглашает интеллигентных сотрудников и сотрудниц для участия в массовых сценах в постановке пьесы «Царь Иудейский». В воскресенье, 12 мая, в здании богадельни им. Быховских поэт И.П. Фурман прочтет лекцию на тему «Поэт, красота и любовь», вход 50 коп. Выставка картин художника М.М. Полякова в здании политехническом училище (Соляная площадь) плата за вход 95 коп., а для учащихся 45 коп.

Торгово-производственные объявления. Союз «Металлист» принимает заказы на кузнечные, слесарные, жестяно-кровельные работы. В рыботорговопромышленном союзе вновь получены кета осеннего засола, семга малосольная и кижуч. Томская городская продовольственная управа из магазина Второва будет отпускать «бумажную» мануфактуру по разрешениям, «правильно» выданным квартальными и районными комитетами. Бюро безработных при профессиональном союзе торгово-промышленных служащих г. Томска просит всех безработных членов союза подать снова заявления о рекомендации, обязательно приложить все референции и свидетельства.

Есть примеры зачатков самоуправления: «Комитет 13 района просит пожаловать граждан своего района на общее собрание в воскресенье 12-го мая сего года в школу при Знаменской церкви. Повестка дня отчет лавки председателя Пичугина и отчет за апрель месяц нового правления и текущие дела».

Образование. С 20 мая открываются Томские народные бесплатные классы с 6 до 8 ч вечера. 15 мая начинаются приемные экзамены во 2-ю томскую мужскую гимназию. Объяв-

¹ Незлобин (Алябьев) Константин Николаевич (1857–1930) – русский актер, антрепренер, режиссер. В его труппе играли В.Ф. Комиссаржевская и М.Ф. Андреева.

лены курсы коллектива преподавателей средней школы (1 мужской и 2-й женской гимназии), при этом за 50 коп. они выслушают лекцию «Интернационал и милитаризм». Томский губернский совет народного образования в актовом зале в здании университетской библиотеки организует восемь лекций С.И. Канатчикова «Диалектический материализм».

В воскресенье, 12 мая 1918 г. в 12 ч дня в помещение 9-й мужской гимназии состоится годичное общее собрание членов общества вспомоществования ученикам. Попечительский совет Томской Мариинской женской гимназии доводит до сведения родителей, что, в случае неудовлетворением городским самоуправлением ходатайства Совета о повышении ассигнований на содержание гимназии из прибылей общественного Сибирского банка, будет повышена с августа сего года плата за учение до 80 руб. (без изучения иностранного языка), до 100 руб. (с изучением одного языка), и 120 руб. (с изучением двух языков) в год.

Из официального отдела. Постановление: по отделу народного образования 1) В виду тяжелого положения городской женской профессиональной школы остающейся без помещения секвестровать дом Толкачевой (известная купеческая фамилия, почетные потомственные граждане) (по Миллионной улице, 5) предоставив его вместе с усадьбой кроме флигеля под школу; 2) Секвестровать на текущее лето под колонию «Материнской школы» и «клуба свободных детей» обслуживающих детей рабочих, дачу «Лидваль» Малышева. Председатель губисполкома Ф. Беленец. Председатель комитета народного образования Бахметьев.

Социальная жизнь, медицина. В понедельник, 13 мая в помещении губернского врачебно-санитарного бюро (площадь Революции) состоится совещание по следующим вопросам: 1) о реорганизации медицинского дела; 2) о реорганизации акушерско-фельдшерской школы; 3) о числе больных воинов, эвакуированных из Германии, которых можно принять в лечебные заведения Томска.

Доктор А.К. Булкин принимает по кожным, венерическим и внутренним болезням ежедневно, кроме воскресенья, утром с 8 до 9 ч, вечером с 5 до 7 ч. Доктор Грюнберг (из Петрограда) принимает временно в Томске по сифилису, мочепо-

ловым, венерическим и по болезням половой сферы ежедневно с 16.30 до 7 ч. Врач Кожевников: сифилис, триппер и кожные, утром с 8 до 9 ч., вечером с 4 до 6 ч. При этом представлены объявления врачей только одной специализации. Можно предположить, что произошла вспышка венерических заболеваний, вызванная эвакуацией населения от наступающих немецко-австрийских войск в европейской части России и возвращение бывших военнопленных в связи с выходом России из войны.

Объявления касаются и политической жизни. Например, комиссар Наханович объявил о наборе до 25 мая членов Томского окружного суда лиц с законченным юридическим образованием. К 100-летию со дня рождения Карла Маркса Томский комитет РСДРП 12 мая проводит торжественное публичное заседание. Военный отдел Томского Губернского Совдепа приглашает кавалеристов и артиллеристов для формирования отдельной Томской Красной гаубичной артиллерии. Одновременно формируется Томская гарнизонная караульная команда. Принимаются мужчины от 18 до 45 лет. В команде будет введена строгая революционная дисциплина и порядок. При поступлении необходимы следующие документы: удостоверение о личности, медицинское свидетельство о пригодности к военной службе и отзыв политических или демократических организаций стоящих на платформе Советской власти. В то же время новые власти не оставляли своим вниманием оппозиционные силы, ударную силу которой представляли офицеры русской армии. С 14 мая сдача оружия бывших офицеров томского гарнизона.

Земельная политика. К сведению арендаторов монастырских земель. Они освобождаются от уплаты монастырям и церквям при условии принятия на себя соответствующей доли государственных и городских налогов. 13 мая заседание учебного совета инструкторских курсов по социализации земли, где пересматривается программа курсов необходимо присутствие всех лекторов и преподавателей.

В газете также помещены два объявления на польском языке: W niedziale dnia 12 maja b. R. o godzinie 1 I-ej przed pok. odbędzie sie w domu polskim ludowym, Magistracka, 15. WALNE

ZEBRANIE czfonkow «Kofa» I kasy wzajemnej pomocy polakow zakordonowych; OGOLNEZEBRANIE wszystkich katoliskiej odbędzie sie dnia 12 maja, o god. 1 na plebanii w celu omowienia spraw koscielnych. Probeszcz.

В газете также освещаются события происходившие в европейской части России. Отряды немцев, занявшие Ростов вытеснены оттуда советскими войсками. На Украине сформировалось правительство из кадетов цензовиков. В Харькове и Киеве казнено большое число революционеров.

Особый интерес представляют следующие опубликованные сообщения-телеграммы: «Ренненкампф. Москва. 9 мая. В Таганроге расстрелян генерал Ренненкампф, руководивший в 1905 году карательными экспедициями в Западном крае и Забайкальской области. Арестованный после февральской революции, Ренненкампф был выведен из Петропавловской крепости ночью во время смены караула и скрылся в Таганрог». «В царстве Семенова. Москва. 9 мая. Главный штаб Забайкальской дороги сообщает о насилиях шайки Семенова над железнодорожниками в Манчжурии, подвергавшимся пыткам и расстрелам. Товары, идущие с востока на запад, задерживаются для надобностей шайки Семенова. Жители полосы терроризированы. Китайское правительство, гарантировавшая неприкосновенность железнодорожников, смотрит на действия Семенова сквозь пальцы».

А.П. Шекшеев
Абакан

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРОТЕСТ НА СИСИМЕ В ДОКУМЕНТАХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В источниковедении присутствуют взаимоисключающие оценки вводимых в научный оборот документов советских правоохранительных органов – от апологетики их правдивости до признания источником фальсифицированных сведений. Вероятно, использование их, например, при освещении крестьянского протеста против массовой и насильственной коллективизации, явления все еще недостаточно изученного историками,

является возможным лишь при наличии дифференцированного подхода к сущности содержащегося в них материала.

Поведение крестьян сравнительно редко выливалось в вооруженное выступление, что объясняется не только традиционной покорностью крестьян по отношению к властям, но и деятельностью правоохранительных органов, жестоко подавлявших ее повстанческие потенции. Поэтому протестные настроения и действия так называемого кулачества чаще всего и основательнее освещались в документах силовых служб, слабо сохранившихся, все еще малодоступных исследователю и требующих проверки на объективность.

Такой, к примеру, является информация милицейской сводки и следственного дела ОГПУ (Архив г. Минусинска. Ф. 369. Оп. 1. Д. 59. Л. 54; Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 019676) о событиях, которые произошли в Новоселовском и Балахтинском районах Красноярского округа Сибирского края в конце 1929 – начале 1930 г. В ответ на директиву Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 октября 1929 г., в которой ОГПУ и органам юстиции предписывалось принять решительные и быстрые меры репрессирования кулаков, вплоть до их расстрелов, сибирские чекисты приступили к фабрикации дел о существовании крупных «повстанческих организаций».

Сведения, предоставленные чекистами, говорят о том, что местное крестьянство все еще таило в себе потенции протестных отношений к Советской власти. По свидетельству спецслужб, имущественное положение деревенского населения Балахтинского района к 1930-м гг. оставалось высоким: более половины его жителей составляли середняки и зажиточные. Большинство кулаков в прошлом служили в «белых» дружинах. В Новоселовском районе «окулачились» более 200 ранее партизанствовавших крестьян, насчитывалось до 80 бывших казаков.

Отношение крестьян к мероприятиям Советской власти было отрицательным. В 1929 г. на территории этих районов был зафиксирован 61 случай антисоветских выступлений. Так, кулак с. Балахты В.И. Зыков заявил: «Ограбила меня власть, нищим сделала. Покуда жив буду, никогда этого не забуду, до конца жизни буду мстить». Там же середняк из

мести убил общественника, а зажиточные крестьяне из Новоселовского района – уполномоченного по хлебозаготовкам.

Согласно обвинительному заключению ОГПУ, в территориальных границах Новоселовского и Балахтинского районов якобы существовали связанные между собой группы крестьян во главе с А.Г. Вихляевым, Ф.Ф. Шевелевым и О.И. Гудовичем*, которые к декабрю 1929 г. насчитывали около 100 членов. Активными членами «организации» являлись Д.Е. Ваганов, Г.О. Гудович, Ф.Н. и М.П. Медведевы, Г.Н. Носов, Л.И. Обеднин, В.А. Похабов, К.Г. Сиротинин, П.К. Толстиков, К.А. Трифонов, М.Ф. Щекотов и др. Охватив своим влиянием население сел Убей, Брагино, Медведево, Глядень, Сисим, Новоселово, Балахта и Атаманово, они завязали отношения с «единомышленниками» в Красноярске, Минусинском и Хакасском округах, намечали «разграбление» хлебных складов на пристани и захват парохода с призывниками, должны были пополнить повстанческие формирования.

Но несмотря на ложную информацию о наличии «контрреволюционного подполья» и политической окраске деятельности его участников, заложенную в обвинительном заключении следственного дела ОГПУ, его материалы являются надежным источником в отслеживании событий. Крестьянский протест здесь был обусловлен прежде всего тем, что

* *Вихляев А.Г.*, 1890 г. рожд., крестьянин с. Убей Новоселовского района (по др. данным – административно-ссылный). В 1929 г. был лишен избирательных прав и отправлен на лесоповал.

Шевелев Ф.Ф., 1886 г. рожд., житель с. Кривошеино Новоселовского района, грамотный. В 1915–1917 гг. – фельдфебель царской армии, кавалер ордена Св. Георгия 3 и 4 ст. В 1918–1919 гг. – вахмистр белой армии. Плотничал. Лишился избирательных прав и арестовывался. Его семья из 8 чел. имела 8 дес. посева, пять лошадей, шесть коров и 10 овец.

Гудович О.И., 1856 г. рожд., житель с. Медведево Новоселовского района, по национальности литовец, малограмотный, в прошлом фабричный механик-машинист. В 1880 г. был сослан в Сибирь за политические убеждения, в 1895 г. за оскорбление церкви наказан двумя годами арестантских рот. С 1905 г. – член партии социалистов-революционеров, в 1918–1920 гг. – командир партизанского отряда. Трижды за антисоветскую агитацию подвергался аресту, в 1929 г., не согласившись с налоговым бременем, выбыл из членов сельсовета. Был лучшим кузнецом села. Семья состояла из 5 чел., имела лошадь, трех коров и двух овец.

местные власти, объявив подведомственные им селения «районом сплошной коллективизации», 15 декабря 1929 г. обязали выявленных «кулаков» выехать в тайгу на лесозаготовки. Воспользовавшись концентрацией обозленных крестьян на лесных участках, Вихляев провел 19 декабря в с. Медведево «совещание», на котором сумел убедить Гудовича и его односельчан в необходимости немедленного выступления. Несмотря на то, что бывший коммунист, в прошлом красный командир и орденоносец Д.Е. Потылицын отказался быть военным руководителем, посланцы Вихляева договорились о выступлении с членами балахтинских артелей, находившихся в урочище Торганок, артелей из сел Сисим и Куртак, занимавшихся лесозаготовками в бассейне рек Аяга, Кичибаш и Зюзи-ха. Поддержку восставшим обещали и другие лесозаготовители.

Восстание должно было, согласно сведениям чекистов, начаться на участке Кичибиш, который являлся подпунктом Даурского отделения Сиблестреста и базой снабжения его участков в Сисимской тайге. Предполагалось, что повстанцы отсюда двинулись бы по льду Сисима на села Кобяково и Убей, где объединились бы с группой Гудовича, которая к тому времени овладела бы селами Медведево и Брагино. Затем восставшие крестьяне совместно с 250 рабочими золотодобывающих приисков перешли бы в наступление на райцентры Новоселово и Балахту. По замыслу, приписываемому повстанцам чекистами, выступление должно было стать составной частью более крупного восстания, охватившего еще и территорию Идринского и Абаканского районов Минусинского округа.

Для выяснения обстановки на Кичибиш 29–30 декабря 1929 г. прибыли эмиссары Вихляева, а следом и он сам. Находившаяся там артель «кулаков» из с. Куртак, отказавшись от лесоповала, митинговала, вовлекая в свою среду крестьян, работавших на участке. Переговорив со своими людьми и послав активистов к балахтинцам, к Гудовичу и Шевелеву с сигналом о начале всеобщего восстания, Вихляев

31 декабря* возглавил активные действия мятежников на Кичибаше.

Крестьяне разоружили и арестовали администрацию, служащих лесного треста и коммунистов, выставили заставы по дорогам. Собрал лесорубов и лесовозов с ближайших лесосек, Вихляев открыл митинг, на котором объявил Советскую власть на территории Красноярского, Минусинского и Хакасского округов низложенной и выдвинул для восстановших лозунги, тут же принятые ими: «Долой коммунистическое иго», «Долой деление на бедняков, середняков и кулаков».

Затем повстанцы с обозом из 250–300 подвод, груженых товарами и продуктами, изъятыми из кооперативного магазина и складов, двинулись вниз по р. Сисим. Встретившиеся им уполномоченный Красноярского окружного исполкома по лесозаготовкам И. Севастьянов и помощник начальника Новоселовского районного административного отдела В. Камаев были арестованы. Однако заведующий конторой Сиблестреста Шмидт при попытке его арестовать застрелил Вихляева и скрылся в тайге. С гибелью своего руководителя участники восстания, будучи дезорганизованными и деморализованными, начали расходиться.

Вместе с тем механизм повстанчества, запущенный Вихляевым, продолжал работать. Его посланцы, объехав лесоразработки и прибыв в с. Медведево, сообщили крестьянам о начале выступления. Не зная о его провале на Кичибаше, Гудович послал людей навстречу отряду Вихляева с информацией о передвижении милиции и вызвал к себе единомышленников из сел Убей и Кривошеино.

Происшедшее на Кичибаше стало известно районным властям в Новоселове и Балахте 1 января 1930 г. Они в срочном порядке создали отряды, которые, продвигаясь к Сисиму, занялись изъятием оружия у неблагонадежного населения. Но появление вооруженных коммунистов в с. Медведево спровоцировало крестьянское выступление. В ночь на 2 января мятежники

* По другой информации, восстание началось в ночь на 1 января 1930 г. Автор придерживается даты, зафиксированной в документе ОГПУ.

во главе с Гудовичем и Шевелевым арестовали сторонников Советской власти, выставили заставы и известили о событиях жителей окрестных деревень. Насчитывая всего 20 чел., повстанцы решили пополнить свои ряды крестьянами из с. Брагино, а уж затем двигаться на соединение с отрядом Вихляева. Но крестьяне с. Брагино к их приходу не успели собраться. В это время повстанческая разведка, ушедшая в сторону с. Корякино, наткнулась на противника. Стрельба, произведенная милиционерами, привела в панику отряд Гудовича. Обойдя с. Корякино, он утром 2 января привел деморализованных повстанцев в с. Борки. Догнавшее их известие о неудачном исходе восстания на Сисиме способствовало распаду повстанческого отряда. Большинство крестьян вернулись домой.

Посланный на Кичибаш по решению закрытого заседания бюро Минусинского окружкома ВКП(б) от 2 января 1930 г., отряд милиционеров во главе с начальником районного административного отдела А.Г. Ситниковым* уже не встретил сопротивления и арестовал активных участников выступления. 3 января прибывшие в с. Медведево милиционеры подвергли аресту его местных участников. Спасаясь, шестеро вожаков и активистов бежали в Минусинский округ. 4 января здесь был арестован Гудович, а 7 января в с. Убей коммунисты задержали Шевелева и М.П. Медведева.

Расправа с данными лицами была быстрой и жестокой. 12 февраля 1930 г. Особая тройка при ПП ОГПУ по Сибирскому краю, рассмотрев дела 112 участников «контрреволюционной организации» и восстания, приговорила 92 чел. к расстрелу, 13 чел. к 10 годам, 3 чел. к 5 годам заключения. Имущество их было конфисковано, а семьи высланы за пределы округа. 18 и 20 февраля в Красноярске был расстрелян

* *Ситников А.Г.*, 1889 г. рожд., из рабочих, слесарь-жестянщик. С 1910 г. на военной службе, окончил учебную команду и школу подпрапорщиков, фельдфебель, участник Первой мировой войны. В 1918–1919 гг. – зав. почтой и мастерской в Томске. С конца 1919 г. в Красной армии, командовал ротой, батальоном, школой комсостава. С сентября 1922 г. в органах милиции в качестве руководителя уездного, окружного аппаратов, а с 3 февраля 1928 г. – нач. Минусинского окружного административного отдела (ГАНУ. Ф. 288. Оп. 4. Д. 34. Л. 88).

91 чел. Власть отомстила и тем, кто не участвовал в событиях, но знал о готовящемся выступлении: сын Вихляева был осужден на 5 лет заключения в концлагере, бывшего комбата Потялицына наказали 3 годами условного заключения и в прошлом партизана Колегова выслали из округа.

Судя по милицейской сводке и материалам дальнейшей реабилитации*, широко разветвленной и мощной «контрреволюционной организации», опиравшейся на бывшее офицерство, казачество и преследовавшей политические цели, на Сисиме не существовало. Имели место разрозненные, малочисленные, слабо организованные группы крестьян, настроенных против произвола властей. Спаянные на время волей авторитетных среди них вожжаков, они совершили попытку восстания. Поведение повстанцев и местного населения в целом было типичным: будучи недовольными политикой Советской власти, одни оказались слабыми бойцами, другие же – остались покорными. Бескомпромиссное поведение коммунистов, напротив, привело повстанцев к растерянности и скорой гибели.

Обобщая вышесказанное и возвращаясь к проблеме полярности в оценках учеными ввода в научный оборот бывших секретных материалов советских спецслужб, можно сделать вывод о том, что они в совокупности, сопоставлении и с использованием критического подхода могут служить одним из источников в освещении истории крестьянского протеста.

*А.И. Маслова
Новосибирск*

СУД ПО «ДЕЛУ “ПРОМПАРТИИ”» 1930 г.: ИСТОЧНИКОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ

* В 1965 г. КГБ СССР прекратил данное дело, а Красноярский краевой суд в 1966 г. и в начале 1990-х гг. отменил приговор относительно 63 чел., обвиненных в повстанчестве. Без реабилитации остались лишь 18 осужденных.

ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ**

Открытые судебные политические процессы в СССР конца 1920-х – начала 1930-х гг. выступают ярким примером способа управления обществом со стороны большевистского режима. Факт того, что подобного рода процессы были предвзятыми, сфальсифицированными и predetermined по своему целеполаганию и итогам, современной исторической наукой является доказанным [1, с. 7–11]. Однако принципиально важным остается вопрос о механизмах (средствах, приемах) фальсификаций в ходе подготовки и проведения квазисудебных процессов. Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.) отличался от предыдущих тем, что он полностью носил постановочный, сценарный характер не только по содержанию, но и по форме.

В качестве источниковой базы для решения задачи изучения практик достижения последовательности и синхронизации в проведении указанного выше процесса, нами использованы три группы источников: а) документы предварительного следствия «дела “Промпартии”» 1930 г.; б) стенограмма судебного процесса, опубликованная изданием «Советское законодательство» весной 1931 г., включающая в себя тексты «Обвинительного заключения» и «Приговора»; в) материалы кинохроники, позволяющие проследить адекватность отражения судебных слушаний в аудиовизуальной форме.

Для критической оценки всех трех групп источников нами выдвинута рабочая гипотеза о том, что в ходе подготовки и проведения процесса была обеспечена требуемая / необходимая степень синхронизации чекистской работы на стадии предварительного следствия, готовности подсудимых следовать сценарным разработкам чекистов и успешности судебного аппарата вести процесс в соответствии с жестко заданными рамками сценария.

** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00101а.

Основной корпус источников представлен документами и материалами Архива Президента РФ (АП РФ), а именно четырьмя тематическими делами, сформированными на основе делопроизводства Политбюро ЦК ВКП(б), где в значительном объеме представлены допросы обвиняемых, проходивших по рассматриваемому «делу». Обращение к судебно-следственной документации позволило проверить тезис о полной подготовленности судебного процесса «Промпартии», а также определить некоторые механизмы его подготовки. При проверке тех фрагментов текста «Обвинительного заключения» по данному «делу», которые содержали прямые отсылки к конкретным протоколам допросов обвиняемых, нами использовался метод текстологического анализа. Установлено практически стопроцентное перенесение отдельных выдержек из протоколов допросов в текст «Обвинительного заключения», т. е. по завершении предварительного следствия фрагменты протоколов, ставшие затем частью официально опубликованного обвинения, какому-либо редактированию не подвергались.

Основой «Обвинительного заключения» стали показания главных обвиняемых на процессе – Л.К. Рамзина, В.А. Ларичева, И.А. Калининкова, Н. Ф. Чарновского от 16, 31 октября, 3 ноября 1930 г. Безусловно, допросы обвиняемых проводились гораздо чаще, каждый из них допрашивался не менее десятка раз. Однако именно на эти отмеченные выше три дня выпадали даты допросов ключевых фигурантов будущего процесса, проводились передпросы, в некоторых случаях очные ставки между ними. В промежутках шло «уточнение» ранее данных показаний. Сказанное можно проследить с помощью текстологического анализа более ранних показаний, например, Ларичева от 12 октября 1930 г. [2, с. 16–17], известные только из текста «Обвинительного заключения», сопоставив их с его же более поздними показаниями (от 16 октября 1930 г.) (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 354. Л. 50, 51) и установив определенную преемственность между ними.

Показания, обозначенные как основные для «Обвинительного заключения» (имеются в виду вышеназванные про-

токолы допросов главных обвиняемых от 16, 31 октября и 3 ноября 1930 г.), имеют универсальный характер. Динамика работы следственных органов была такова, что по мере наработки материала с определенного момента ОГПУ начало проводить т.н. «тотальные допросы», подводя под единую схему все предыдущие показания подследственных, что позволяло выстроить логическую картину обвинения и избежать разночтений. Каждый обвиняемый был допрошен в вышеперечисленные дни по одной и той же схеме, которая выявлена при сопоставлении текстов единовременных допросов.

Так, показания Калининкова от 16 октября 1930 г., тематически посвященные якобы планируемой интервенции, содержат в себе сведения об идее возникновения интервенции и отношении к ней, об установлении связи с иностранными генштабами, о роли Франции и «Торгпрома», также описаны основные силы планируемой интервенции, ее план (в т. ч. план на 1931 г.), указана роль Англии в этом деле и план создания военных организаций «Промпартии» (Л. 31–42). Точно такую же структуру и содержание изложения можно заметить в показаниях остальных допрашиваемых в этот день (Рамзина, Чарновского, Ларичева и Федотова). Показания всех главных обвиняемых от 31 октября 1930 г. также посвящены интервенционистской тематике и имеют вышеописанную структуру – отличие от показаний 16 октября заключается в детальности изложения: так, все показания от 31 октября более обширны, насыщены фактологическими «подробностями» и строго определенной датировкой описываемых «преступных» событий. См., например, показания Рамзина от 16 октября (Л. 14) в сопоставлении с вариантом его же показаний от 31 октября (Л. 3–4).

Подобных примеров можно привести множество. Еще один «тотальный» допрос подследственных датируется 3 ноября 1930 г. и имеет базовую тематическую линию о якобы свершившихся «вредительских актах» во всех отраслях экономики членами «Промпартии». Их структура и содержание также универсальны для всех проведенных в этот день допросов главных обвиняемых.

Несмотря на то, что цитированные выдержки из протоколов допросов подследственных занимают значительное место в «Обвинительном заключении», это все же не единственный элемент данного текста. Протокольные фрагменты обвиняемых сопровождаются идеологически выдержанным аналитическим текстом. Соотношение этих двух частей – цитированных показаний и аналитического сопровождения – составляет в процентном измерении 82 к 18, т. е. аналитический текст занимает почти пятую часть «Обвинительного заключения».

По своей функциональности текст аналитического сопровождения «Обвинительного заключения» правомерно определять как пропагандистский, поскольку в его основе лежит ограниченное число директивных установок, которые неоднократно повторяются в разных формах в той же «аналитике». Их можно свести к трем основным тезисам: 1) интервенционистский (где констатируется главенствующая роль Франции в организации нападения на СССР); 2) вредительский (доказывается исполнение «верхушкой» инженерства «вредительских диверсионных, шпионских заданий» в интересах иностранной интервенции, организуемой Францией, полностью зависимое положение «вредителей» от иностранных «хозяев»); 3) причинно-манипулятивный (устаами «вредителей» признаются успехи социалистического строительства и неизбежность «краха интервенционизма»).

Если проанализировать под данным углом зрения всю имеющуюся в нашем распоряжении судебно-следственную документацию по процессу, будь то протоколы допросов, обвинительное заключение, стенограмма суда или приговор, то нетрудно установить, что все сконструированные чекистским следствием тексты подчинены вышеописанной структуре целевых установок. Таким образом, произведя реконструкцию текстов, можно установить, что мы имеем дело с одним базовым установочным текстом, который воспроизводится в различных вариантах и формах.

Разнообразные формы трансляции судебного процесса – пропагандистское обеспечение, радиотрансляция, кинохроникальное сопровождение – также позволяют оценивать спо-

собы и степень постановочности судебного дела. Данный сюжет, безусловно, требует своего специального рассмотрения. В целом же можно отметить, что проведенный нами анализ аудиовизуальных источников (кинохроникальных фрагментов) в их сопоставлении со стенограммой процесса показывает полную их идентичность. Примечательно, что в ходе судебных заседаний все обвиняемые, не отрываясь от текста, зачитывали заранее подготовленные выступления, и даже ответы на задаваемые им вопросы также не носили характера импровизаций. Все отмеченное выше говорит о том, что сам процесс носил квазисудебный, постановочный характер, сценарий которого был создан и отработан чекистскими «усилиями» под конкретный целевой заказ большевистского руководства.

Литература

1. Блюм А. К изучению политических процессов в Советском Союзе и послевоенной коммунистической Европе // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Сравнительный анализ механизмов и практик проведения: сб. матер. рос.-фр. семинара (Москва, 11–12 сент. 2009 г.). Новосибирск: Наука, 2010.

2. Процесс «Промпартии». Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М.: Сов. законодательство, 1931.

*С.А. Красильников
Новосибирск*

РЕПРЕССИВНОЕ РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ В ПОСТСОВЕТСКИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Рубеж 1980–1990-х гг. с полным основанием должен считаться переломным для отечественной исторической науки, чему способствовало несколько факторов. Решающими среди них стали открытие для исследователей ряда фондов государственных архивов, переросшее в 1992 г. в насто-

ящую архивную революцию, с одной стороны, и открытость в контактах отечественных историков с их западными коллегами – с другой. Благодаря феномену двойной «открытости» появились весьма значительные возможности для форсированного наращивания всевозможных форм научных публикаций, связанных с историей советской эпохи.

Одним из самых востребованных жанров стали документальные публикации самого различного формата и качества – от научных до т. н. ксероксных, сводившихся к простой перепечатке документа без научно-справочного сопровождения. Что касается формата документальных научных изданий, то здесь также определилось несколько приоритетных направлений исследований. Среди них следует выделить те, что привели к появлению серийных документальных изданий, начавшихся в 1990-е гг. и продолжившихся в последующее десятилетие. В данном ряду свое место занимают издания, отразившие в документах феномен раскрестьянивания, прежде всего в его репрессивном, насильственном формате.

Генезис документальных публикаций (1988–1991 гг.) связан с фазой «приоткрытия» документов об антикрестьянских репрессиях периода «Великого перелома», когда историческая документалистика практически сливалась с исторической публицистикой. Социальная востребованность знаний о массовых репрессиях находила свое воплощение в гибридной форме, где документы играли своего рода иллюстративную роль, а основу публикаций в периодической печати формировала публицистика. Впервые по прошествии более чем полувека с момента начала массовой крестьянской ссылки о ней стали появляться в печати не только документальные, но и нарративные источники – свидетельства самих депортантов, равно, впрочем, как и их антиподов (деревенских активистов, агентов власти).

Второй период (первая половина 1990-х гг.) – этап становления научной документалистики о природе, формах, механизмах и последствиях репрессивного раскрестьянивания, он связан прежде всего с ликвидацией прежней закрытости и недоступности делопроизводства партийных органов всех

уровней (от ЦК партии до ее региональных структур). Только соединение документации партийных и государственных органов могло дать историкам исходную источниковую базу для реконструкции принятия важнейших решений, связанных с деревней, крестьянством в начале 1930-х гг. Первыми «точками роста» стали региональные сборники документов, не случайно появившиеся в местах дислокации массовой крестьянской ссылки (север европейской части страны, Урал, Сибирь) [1–3]. Общей чертой указанных документальных изданий являлась опора на местные архивохранилища с минимальным привлечением документов высшего управленческого уровня. Документы содержали ценнейшую информацию, имевшую, однако, свои возможности и ограничения: они позволяли осуществлять отражение событий выживания и адаптации ссыльных крестьян на региональном уровне, но, как правило, были лишены сведений о контексте крестьянской трагедии в масштабах всей страны.

Кроме того, документальные сборники «первой волны» имели относительно скудную аналитическую основу, научно-справочный аппарат сводился к минимуму. Наконец, и это принципиально важно, историки-публикаторы в своей работе нередко использовали «новояз» сталинской эпохи, что отразилось на использовании таких одиозных и совершенно ненаучных терминов, как «раскулачивание», «кулацкая ссылка» в заглавиях к сборникам документов, к исследовательским публикациям, учебным изданиям и др. Данная терминологическая болезнь оказалась трудноизлечимой, хотя к середине 1990-х гг. историки-крестьяноведы договорились об использовании вместо одиозных терминов более адекватных – раскрестьянивание/репрессивное раскрестьянивание, крестьянская ссылка, депортация и др.

Новый уровень документальных научных публикаций об антикрестьянской репрессивной политике был достигнут благодаря масштабным серийным публикациям, реализованным в течение последующего десятилетия (середина 1990-х – середина 2000-х гг.). Данный этап примечателен появлением документальных изданий, среди которых пятитомная «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачива-

ние» [4], четырехтомная «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» [5], а также издание «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940», вышедшее в серии «Архивы Кремля» [6]. Необходимо отметить, что все упомянутые выше проекты реализовывались крупными международными коллективами в составе ученых и архивистов из России, США, Канады, Франции и Швеции. Первые два из них реализовывались при руководящей роли выдающегося отечественного историка В.П. Данилова и были завершены соратниками уже после его кончины. При том, что названные выше издания носили широкий и многоаспектный характер, где репрессивной политике в деревне отводилось значительное, но не решающее, место, в них впервые в наиболее концентрированном виде представлены ключевые документы ОГПУ–НКВД об осуществлении наиболее значительных и массовых репрессий в деревне в 1930–1937 гг. В этот же ряд следует поставить пятый том серийного документального издания «История сталинского ГУЛАГа», посвященный спецпереселенцам [7].

Необходимо отметить, что своего рода подступом к реализации названных фундаментальных проектов стал осуществлявшийся на протяжении пяти лет в Новосибирске проект из четырех выпусков под общим названием «Спецпереселенцы в Западной Сибири» под редакцией В.П. Данилова и С.А. Красильникова [2; 8–10]. В коллектив составителей вошли ученые и архивисты из Новосибирска и Москвы (С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Д.Н. Нохотович, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Л.И. Пыстина, С.В. Сомонова, Р.К. Суханова). В указанном издании реализована модель исторической реконструкции на основе публикуемых документов и материалов репрессивной политики в отношении группы депортированных крестьян – от разработки и принятия решений на уровне Центра до их реализации на уровне крупного региона (Западная Сибирь) и ниже, вплоть до уровня мест спецпоселений (комендатура, спецпоселки). Такой подход позволил отразить ряд существенных характеристик базовых элементов вертикали насилия.

От выпуска к выпуску редакторы и составители сборников наращивали аналитический и научно-справочный компоненты издания, включая в качестве приложений к каждому из них данные о дислокации комендатур и спецпоселков в регионе за 1931–1941 гг., о штатах работников комендатур, динамике численности и состава спецпереселенцев и другие справочно-статистические сведения, дополнявшие основные группы источников (директивная, отчетная документация всех уровней и т. д.). Документная база издания позволила обозначить и дать источниковый материал, необходимый для решения ряда ключевых вопросов, в т. ч. о принципах создания и функционирования комендатурной подсистемы в составе ГУЛАГа, о статусе различных групп и категорий населения спецпоселков, о динамике режима пребывания спецконтингентов и ряде других. Также впервые вводился в научный оборот комплекс документов о произошедшей весной-летом 1933 г. Назинской трагедии, повлекшей за собой массовую смертность нескольких тысяч человек, высланных в спецпоселки региона в ходе депортационной кампании по «чистке» городов и приграничных территорий страны от маргинальных элементов. О значимости выпусков «Спецпереселенцы в Западной Сибири» может косвенно свидетельствовать и факт того, что ряд документов директивного и нормативно-распорядительного характера, впервые опубликованных в указанном издании, при дальнейшем их перепубликации в различных сборниках документов содержал отсылку на их первую публикацию в выпусках «Спецпереселенцы».

Выходом в свет двух изданий – «Спецпереселенцы в СССР» (отв. ред. и составитель Т.В. Царевская-Дякина) и «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940» (отв. ред. Н.Н. Покровский, С.А. Красильников, В.П. Данилов, Л. Виола) – можно считать в целом завершенным процесс опубликования основного корпуса документов директивного и нормативного характера, отразивших разработку, утверждение и последующую корректировку принятых решений на уровне высших партийно-государственных органов, а также их реализацию в практике центральными

органами ОГПУ–НКВД–МВД. Это стало возможным благодаря «тотальному» просмотру и фиксации необходимой документации, относящейся к крестьянской ссылке (этноконфессиональные и иные депортации требуют особого рассмотрения) в базовых архивных фондах Политбюро, СНК, ЦИК СССР, ГУЛАГа и его профильного отдела – отдела спецпоселений.

Дальнейшие перспективы в развитии документалистики по истории крестьянских спецпоселений сталинской эпохи самым непосредственным образом связаны как с возможностями, так и с ограничениями в доступности для историков фондов региональных ведомственных архивов управлений ФСБ и МВД, где содержатся документы и материалы о формировании и эволюции территориальных комендатурных комплексов. Именно здесь, как представляется, исследователи могут выявить информацию о конкретных условиях и механизмах функционирования и трансформации системы управления спецпоселениями, экономикой, адаптацией спецпоселенческого социума к режимным условиям и других аспектах. Очевидным препятствием для указанного расширения источниковой базы остается закрытость указанного корпуса источников, защищаемых прежде всего ведомственными инструкциями, а также законодательными и подзаконными актами, принятыми для защиты «персональной / конфиденциальной информации», что, по нашему мнению, противоречит фундаментальной установке на право получения информации и изучения преступных деяний сталинского политического режима. В ином, неблагоприятном, развитии событий ставится под сомнение возможность дальнейшей работы над созданием региональных Книг памяти жертв политических репрессий, неотъемлемой частью которых призваны стать посвященные спецпереселенцам книги, работа над которыми ведется в Новосибирской области и соседних областях и краях.

Литература

1. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931. Петрозаводск: Карелия, 1991.

2. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1992.
3. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936). Екатеринбург: Урал; изд. фирма «Наука», 1993.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. М.: РОССПЭН, 1999–2006.
5. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы в 4 томах. 1918–1939. – М.: РОССПЭН, 1998–2012.
6. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. М.: РОССПЭН, 2005–2006.
7. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР.
8. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933. Новосибирск: Экор, 1993.
9. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск: Экор, 1994.
10. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945. Новосибирск: Экор, 1996.

И.М. Савицкий
Новосибирск

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Развитие оборонно-промышленного комплекса оказывало огромное экологическое влияние на природную среду и население Западной Сибири. В этом отношении регион находился в самом плохом положении в Российской Федерации. Большие радиоактивные загрязнения оставляли предприятия, производившие ядерное оружие и его испытания, а также испытания ракетно-космической техники в военных и мирных целях, и воинские части.

В Западной Сибири действовало два предприятия атомной промышленности, крупнейший в СССР Сибирский химический комбинат в г. Северске и завод химконцентратов Новосибирске. В пос. Пашино близ Новосибирска и в Алтайском

крае располагались воинские части, которые обслуживали ракетную технику и производили ее утилизацию. В г. Куйбышеве Новосибирской области завод производил ракетное топливо с особо опасными компонентами. В г. Алейске Алтайского края действовало предприятие, которое работало с этим топливом.

На сопредельных территориях располагались Семипалатинский и Северный (на Новой Земле) полигоны, на которых велись испытания ядерного оружия. На Байконуре и в Плесецке области осуществлялись испытания ракетно-космической техники. Кроме того, в Западной Сибири действовало около 100 предприятий других отраслей оборонной промышленности. Если об экологических последствиях деятельности предприятий атомной промышленности в какой-то мере известно из публикаций в средствах массовой информации, то о радиоактивном воздействии на природную среду и население Западной Сибири ядерных испытаний информации далеко недостаточно.

Испытания ядерного оружия производилось только тогда, когда роза ветров была в восточном направлении. А также чтобы после взрыва ядерное облако в течение нескольких суток «дрейфовало» внутри страны. Это делалось для того, чтобы противник не установил по радионуклидам вид оружия. Существовало секретное требование, если радиоактивное облако проходило через атмосферу города и дозиметрическая служба обнаруживала высокий уровень радиоактивного загрязнения, то информация об этом срочно кодировалась и, минуя местные органы власти, передавалась в Москву.

Испытания ядерного оружия на Семипалатинском полигоне оставили большие территории во всех регионах Западной Сибири, загрязненные радиоактивными веществами, которые оказали влияние на окружающую среду. С 1949 г. на этом полигоне осуществлено 470 взрывов, из них 88 воздушных, 30 наземных, которые оставили самые опасные последствия. Траектория и следы атомного взрыва прошли через всю Сибирь и Дальний Восток.

Самый сильный след радиоактивных загрязнений в Алтайском крае и Новосибирской области оставило испытание на по-

лигоне в ночь на 18 сентября 1961 г. Ракета с атомной бомбой в 100 кт стартовала с корабля в Тихом океане и должна была взорваться над Семипалатинским полигоном на высоте 10 км. Но произошел сбой, ракета сработала на высоте 700 м над землей, что привело к более серьезным последствиям. Радиоактивное облако прошло по маршруту – Алтайский край, Камень-на-Оби, Новосибирск, Болотное, захватив Ордынский, Коченевский, Искитимский, Черепановский, Тогучинский и Колыванский районы. Радиоактивное загрязнение накрыло большие территории Алтайского края и стало рекордным для Новосибирска. Радиоактивность осадков 18–19 сентября была в 4 тыс. раз выше фоновых значений. Метеорологические приборы, которые фиксировали радиоактивность до 1 тыс. мкр/ч, зашкаливали до 25 сентября.

Негативное воздействие на природную среду и население, особенно северных районов Западной Сибири, оказывали испытания ядерного оружия на Северном (Новоземельском) полигоне, на котором взрывались самой большой мощности ядерные и термоядерные заряды. Здесь было произведено 132 взрыва, из них 86 воздушных и один наземный.

Так 30 октября 1961 г. был испытан самый мощный в мире термоядерный воздушный взрыв. Изделие-202 весило 26 т. Чтобы поднять его в воздух, специально переделали дальний стратегический бомбардировщик ТУ-95. в назначенное время сверхтяжелый корабль вместе с бомбой поднялся в воздух. С высоты 10 500 м бомба была сброшена в районе Маточкина Шара. Взрыв произошел на высоте 4 тыс. м. Академик А.Д. Сахаров назвал этот заряд «супербомбой» с тротиловым эквивалентом примерно 50 мт. Руководитель группы прогнозирования академик Ю.А. Израэль доложил комиссии, что основной ветер северо-восточного направления продержится на высоте день-два, а затем облако покружит над Арктикой. Не исключалось, что часть его перенесется на материк и может достичь Японии и даже Америки.

Известный знаток Арктики, проработавший в гидрометеослужбе Северного морского пути на Диксоне более 20 лет Н.Г. Бабич хорошо знал, как аукнулся для Севера тот рекордный взрыв. Он свидетельствовал: «Взрывная волна трижды

обогнула земной шар. Потом еще много лет увозили людей с островов Карского моря, накрытых радио-облаком. Людей лечили, а вот тысячи белых медведей погибли от переоблучения».

В результате ядерных испытаний в Западной Сибири загрязнены радиоактивными элементами большие территории, а, следовательно, на население оказывалось не только прямое их воздействие, но и по пищевой цепочке – растениеводство, животноводство, продукты питания, человек.

Опасные загрязнения природной среде западной Сибири оставили испытания ракетной техники военного и гражданского назначения. Только с космодрома «Плесецк» с 1960 г. стартовало более 12 тыс. ракет. Во время испытаний ракетной техники на космодромах Байконур и Плесецк их отработанные части падали, в основном, на территории Алтайского края, Республики Алтай, Томской и Тюменской областей, долетали до Новосибирской и Омской областей. Падающие ступени ракет вызывали пожары, загрязняли воздушный и водный бассейны, лес ядовитыми компонентами жидкого ракетного топлива, которое состояло из горючего и окислителя. В его составе использовался керосин, жидкий кислород, азотная кислота, гептил, амил и др.

Каждая ступень ракеты начинена большим количеством гептила. По экспертной оценке гептил – жидкое высокотоксичное вещество первого класса опасности. Обладает высокой летучестью, легко проникает во все пористые материалы. Растворим в воде. Опасен при любых попаданиях в организм человека. Обладает выраженным канцерогенным, иммунодепрессивным действием, является мутагеном. Специалисты считают, что одна десятитысячная доля миллиграмма на литр воздуха этого вещества составляет смертельную концентрацию.

В результате функционирования предприятий атомной промышленности и производства ракетного топлива, испытания ядерного оружия и ракетной техники заболеваемость населения онкологическими болезнями в Алтайском крае за 1970–1980 гг. выросла в 20 раз и продолжала расти в последующие годы. В Новосибирской области число заболевших

раком и другими злокачественными новообразованиями увеличилось с 1 576 чел. в 1951 г. до 24 968 чел. в 1984 г., или почти в 16 раз. Несколько меньше показатели заболеваемости населения злокачественными новообразованиями были в других областях Западной Сибири. В настоящее время в Западной Сибири самая высокая смертность в Российской Федерации.

*С.Н. Андреевков
Новосибирск*

ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х – НАЧАЛА 1950-х гг.

Аграрные реформы первого постсталинского десятилетия, значительно повлиявшие на развитие сельского хозяйства страны, разрабатывались еще при И.В. Сталине в первые послевоенные годы. В этот период предложения усовершенствовать колхозную систему – организационно-хозяйственное ядро аграрного строя сталинизма – из-за консервативности генсека либо совсем не осуществлялись, либо реализовывались частично. Речь идет как о преобразованиях, которые должны были ускорить движение советской деревни к коммунистическому идеалу, так и о шагах, способствовавших развитию в ней материальной заинтересованности через рыночные механизмы.

Рассматриваемые начинания детально отображены в документах фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Особого внимания заслуживают материалы фондов Госплана СССР (Ф. 4372), Министерства сельского хозяйства СССР (Ф. 7486) и Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР (Ф. 9476), действовавшего с 1946 по 1953 г. под руководством А.А. Андреева. Совет по делам колхозов был создан для решения задач подъема колхозного производства, имел 11 подразделений, важнейшими из которых являлись отделы по проверке соблюдения Устава сельхозартели, по совершенствованию систему трудодней, по

развитию колхозной экономики, по обобщению передового опыта, по подготовке кадров и по правовым вопросам. Сбор информации о состоянии колхозов и осуществлении правительственных решений по колхозному строительству осуществлялся с помощью представителей Совета в регионах.

В изучении документов РГАЭ в рамках данной проблематики мы, разумеется, не являемся первопроходцами. Например, М.А. Вылцан в монографии, вышедшей еще в 1976 г., анализируя развитие системы машинно-тракторных станций в послевоенные годы, приводит данные о том, что в январе 1947 г. правительством рассматривался вопрос о переводе в порядке опыта 100 МТС на полный хозрасчет. Средства, потраченные государством на снабжения станций, должны были вернуться в госбюджет в виде натуроплаты колхозов, входивших в зону их обслуживания. Благодаря этому у МТС появилась бы заинтересованность в развитии колхозного производства [1, с. 94]; (Ф. 9476. Оп. 1. Д. 169. Л. 18). Во второй половине 1940-х гг. данные предложения не реализовались. Попытки перевести МТС на полный хозрасчет предприняли только в 1956 г.

Другим свидетельством разработки государственными органами антикризисных мер либерального толка можно считать упомянутый в книге И.Е. Зеленина проект постановления правительства, разработанный в январе 1953 г. и предусматривавший, в частности, повышение цен на животноводческую продукцию колхозов для создания у их работников материальных стимулов к труду [2, с. 52]; (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 53. Д. 657. Л. 180–182). По указанию И.В. Сталина в феврале 1953 г. принятие документа отложили. Подъем заготовительных и закупочных цен стал возможным только после смерти вождя.

В данном контексте наш вклад в развитие фактологической базы темы состоит в выявлении и анализе ранее неизвестных научному сообществу документов, разработанных во второй половине 1940-х гг. в Министерстве сельского хозяйства СССР и Совете по делам колхозов и содержащих меры, призванные улучшить порядок производственного планирования в колхозах. Предложения обеих структур были

направлены на ослабление административно-бюрократического давления на колхозы, о вреде которого говорилось на пленуме ЦК КПСС в феврале 1947 г. Проблема состояла в том, что из-за множественности органов, определявших плановые показатели, имели место такие негативные явления, как разрыв в сроках и задержка доведения заданий до исполнителей, нестыковки планов между собой, корректировка уже утвержденных плановых норм, проводившаяся в течение года в сторону их повышения. Все эти недостатки осложняли осуществление производственных задач.

Проекты развития системы сельскохозяйственного планирования существенно отличались друг от друга. Министерство сельского хозяйства видело решение проблемы в расширении и ужесточении регламентации деятельности плановых органов. Существовавшие правила их работы, по мнению руководства ведомства, не оговаривали конкретные сроки утверждения заданий. В проекте постановления Совета Министров СССР «О порядке планирования и сроках утверждения планов развития сельского хозяйства» (Ф. 7486. Оп. 1. Д. 4385. Л. 4–12), разработанном министерством в октябре 1947 г., отмечалось, например, что облисполкомы, крайисполкомы и республиканские власти устанавливали плановые показатели для райисполкомов и МТС только спустя месяц после их получения из Центра.

Так, в 1947 г. руководство Алтайского края, получив цифры годового сельскохозяйственного плана, как и все регионы, 11 февраля, утвердило составленные на их основе задания для районов и МТС лишь 12 марта. Производственно-финансовый план МТС в связи с этим определили в марте-апреле, а договор между МТС и колхозами подписывали в апреле-мае, когда уже шли посевные работы. Последние производились в объемах, которые были выгодны МТС, а не колхозу. При заключении договора, сельхозартелям приходилось соглашаться с условиями, ранее навязанными руководством станций. Поэтому проект постановления предлагал ввести правило, согласно которому Совету Министров СССР следовало принять план развития сельского хозяйства страны к 15 ноября, до областей, краев и республик он должен был

доводиться не позднее 1 декабря, до районов и МТС – не позднее 15 декабря, до колхозов – не позднее 1 января. Составление плановых документов МТС и сельхозартелям предписывалось завершить до 15 января, заключение договоров – до 1 февраля.

Новые сроки определения годовых производственных и заготовительных заданий позволяли колхозам лучше планировать свое хозяйство, требовать учета своих интересов при составлении договоров с МТС. Однако фактически данные возможности колхозам предоставлены не были.

Проект реформирования системы планирования в сельском хозяйстве, разработанный функционерами Совета по делам колхозов, предусматривал более глубокие изменения. Речь идет о документе «Предложения по упорядочению и улучшению планирования колхозного производства» (Ф. 9476. Оп. 1. Д. 169. Л. 38–41), который был подготовлен представителями Совета по Ростовской и Пензенской областям и направлен А.А. Андрееву в ноябре 1948 г. В основу проекта легли материалы проверок работы колхозов не только указанных регионов, но и данные о деятельности сельхозартелей Киевской, Воронежской, Тамбовской и Омской областей.

По мнению авторов анализируемой записки, годовой план развития сельхозпроизводства должен был определяться работниками хозяйств. Бригады колхозников и работников МТС намечали его в срок с 1 по 15 июля, после чего он до 25 июля рассматривался руководством колхозов и МТС. С 25 июля по 1 августа плановые показатели утверждались районными властями, а с 1 по 20 августа – областными, краевыми, республиканскими управлениями сельского хозяйства, плановыми комиссиями и советами депутатов трудящихся, а также правительством.

Одобренный Госпланом СССР и Советом Министров СССР государственный план в обратном порядке в строго определенное время спускался вниз по инстанциям. В областях, краях и республиках он утверждался до 1 ноября. Бригады МТС и колхозов должны были получить задания к 1 января следующего года. Повышение плановых норм без

санкции правительства запрещалось. Преодоление разобщенности в планировании связывалось с созданием при региональных управлениях сельским хозяйством отделов сводного планирования. Вместо производственного плана и приходно-расходных смет колхозам следовало составлять единый производственно-финансовый план. В него предлагалось включить ряд новых показателей: доходы и расходы денежных средств, состояние неделимых фондов, объемы капиталовложений, строительство и капитальный ремонт, развитие подсобных отраслей, затраты трудодней на единицу произведенной продукции. Каждому хозяйству предстояло разработать перспективный пятилетний план развития производства, который становился исходным для составления текущих планов.

Предложения функционеров Совета по делам колхозов были отклонены. Вместо ограничения бюрократического диктата сельхозартели получили от государства новые трудновыполнимые директивы. Вопрос об усовершенствовании системы планирования вновь был поднят только в 1955 г. Пути его решения обозначались в партийно-правительственном постановлении от 9 марта этого года «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» [3, с. 365–371]. Данный проект отличался от двух рассмотренных выше предложений и в целом расширял возможности колхозов в планировании своего производства. В частности, колхозы получили право совместно с МТС определять размеры и структуру посевных площадей и поголовья скота. Государственные задания должны были доводиться до хозяйств не позднее 1 сентября. Проблема, однако, состояла в том, что на практике постановление фактически не выполнялось.

Таким образом, документация фондов РГАЭ позволяет осветить важные и малоизученные сюжеты аграрно-экономической истории СССР, в т. ч. такие, как поиск путей подъема производительности колхозной системы в эпоху сталинизма.

Литература

1. Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.). М.: Наука, 1978.

2. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.

3. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М.: Политиздат, 1958. Т. 4: 1953–1957 гг.

А.А. Ермакова
г. Исилькуль Омской области

ОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ ИСИЛЬКУЛЬ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время даже самые старейшие жители города Исилькуля не воспроизведут в памяти, с чего начиналась наша железнодорожная станция. А молодые люди и вообще полагают, что станция почти не меняется. Но это далеко не так. Историю станции можно проследить по опубликованным в местной газете «Социалистическое строительство» (затем «Знамя») статьям и заметкам, а также не вошедшим в нее материалам (в т. ч. письмам жителей района), хранящихся в фонде № 4 (Редакция газеты «Знамя») Исилькульского муниципального архива.

В конце XIX в., когда интересы экономического развития России требовали надежных связей Запада и Востока страны, и возникла наша станция. С 1891 г. началась подготовка к строительству Великой Сибирской железной дороги. В том же году путейцы появились в районе пресного озера Исилькуль. Для заправки паровозов требовалась вода. Активные работы по строительству железной дороги, как полагает историк А.Д. Колесников, начались с 1893 г.: в мае начались земляные работы, прокладка трехверстного водопровода от озера до станции [1, с. 16].

Основные работы развернулись, когда рабочими поездами и дрезинами на станцию стали доставляться строитель-

ные материалы. Исилькульский краевед И.С. Петрищев установил, что ряд помещений станции были возведены в 1894 г. В том же году была поставлена водонапорная башня, прибывающие паровозы уже заправлялись водой на станции из водоразливных колонок. Имелся и топливный склад для заправки паровозов дровами и углем (Исилькульский муниципальный архив (ИМА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 49. Л. 26).

В истории локомотивного депо, составленной в 1983 г. П.Г. Чусовковым сообщается: «В этом же году было основано оборотное паровозное депо с напорной водоемной башней, она находилась недалеко от вокзала (200 м), впоследствии в этом здании – ПТО вагонов. В депо было две смотровые канавы, небольшие слесарные мастерские, служебные помещения. Штат работников небольшой, в него входили кроме работников депо, вагонники, труженики угольного склада, водоснабженцы». Паровозы заходили в депо, где паровозная бригада сама его осматривала, производила мелкий ремонт. Экипировка углем, водой, песком, смазкой производилась вручную. Воду брали из озера. Воду в тендр паровоза подавали большими ведрами (бадьями) установкой журавль (Л. 36).

Первоначально станция состояла из четырех путей: основного, двух объездных и ветки для разгрузки и погрузки отправляемых товаров. Поскольку первоначально поставщиками грузов оставались крестьяне Тюкалинского уезда, за веткой закрепилось название «Тюкала». Возле ветки была сделана насыпь платформы для разгрузки лошадей, коров, привозимых переселенцами. Возле платформы помещался лишь один вагон. И прибывающие переселенцы, разгрузив лошадей из вагона, отталкивали его и подгоняли другой (Л. 26).

С лета 1894 г. через станцию Исилькуль началось движение поездов, вначале рабочих, а потом и пассажирских. В первые годы через нее проходило лишь 4–5 пар поездов. Тем не менее, на станции круглосуточно находились дежурные, у аппарата сидел телеграфист (Л. 26). В «Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге» сказано, что «станция в виде наскоро построенных барakov», «район влияния

станции обнимает до 20 селений с общию численностью в 10500 душ обоего пола», «не смотря на недавнее возникновение многих селений, лежащих в районе станции, хлебные, зерновые грузы уже начинают двигаться из этого района к западу» [2, с. 208].

Станция Исилькуль создавалась среди огромного массива свободных земель, которые с 1895 г. стали заселяться прибывающими из центральной России переселенцами [1, с. 33]. Для обслуживания прибывающих приспособлялся аппарат служащих станции, создаются приемный пункт переселенцев, склады переселенческого управления. К прибывающим эшелонам приезжали сибирские крестьяне со своими товарами, казахи пригоняли табуны лошадей и другого скота для продажи. Поселок Исилькуль быстро превращался в торговый центр. В 1900 г. на станцию прибыло грузов 94 тыс. пуд., в 1907 г. – уже 462 тыс. Значительную часть прибывающих грузов составляли лес и сельскохозяйственные машины. Быстрый рост грузопотоков поставил задачу реконструкции Транссибирской железной дороги. Началась замена легких рельсов на более тяжелые. Расширялась станция Исилькуль. Удлинялись станционные пути для приема более длинносоставных поездов (Л. 26).

Под карнизом крыши восточной стороны старого паровозного депо до наших дней сохранилась чуть заметная кирпичная выкладка четырехзначных цифр – 1898, означающая его основание на станции Исилькуль. Как утверждают старожилы-железнодорожники до 1917 г. в депо помещались лишь три маломощных паровоза, получавшие минимальный технический уход (Д. 90. Л. 154).

В воспоминаниях участников Гражданской войны мы находим описание расправ карателей с теми железнодорожниками, кто саботировал подготовку, заправку и ремонт паровозов (Д. 49. Л. 36).

Наступили 1920-е гг. Завершились боевые действия. В это время исилькульские деповчане в числе первых становились в ряды великого почина: началось активное восстановление паровозного, хотя и небольшого хозяйства. Вместе с путейцами и работниками станции, рабочие депо отдавали

все свои силы для того, чтобы ликвидировать царившую разруху, обратить железнодорожный узел в крепкое транспортное звено (Д. 90. Л. 155).

«Рабочие и служащие железнодорожного узла, под руководством партийной ячейки (секретарь И. Емелин) и председателя местного комитета (М. Шубина) принимали активное участие по восстановлению железнодорожного хозяйства: путейцы ремонтировали и обновляли свой дистанционный участок, рабочие депо производили текущий ремонт паровозов, помогали вагонникам восстанавливать подвижной состав. Одновременно начиналось строительство культурных учреждений: на профсоюзные средства железнодорожников сооружалось новое школьное здание вблизи старой березовой рощи по инициативе старшего телеграфиста И. Щередина, на базе бывшей казармы атамана Анненкова на северной границе железнодорожного лесопитомника, посредством организованных субботников оборудовался клуб на 120 мест. С открытием этого клуба резко возродилась культурная жизнь местной молодежи: большой, массовый ее приток позволил за короткое время организовать широкий актив художественной самодеятельности. Появились кружки драматический, музыкальный (струнный), танцевальный» (Д. 146. Л. 146).

С быстрым развитием социалистической индустрии развивался и железнодорожный транспорт, его паровозный парк. В середине двадцатых годов паровозную тягу первыми начали осваивать комсомольцы Ф. Пронюшкин, Д. Рузаев, А. Крестьянов, И. Куминов и др. (Д. 90. Л. 156).

Период Великой Отечественной войны. Трагична судьба комсомольцев-железнодорожников. Д. Рузаев (сын начальника паровозного депо), овладевший рабочей профессией машиниста паровоза, погиб на фронте. В момент подвоза состава с боеприпасами к линии фронта с фашистского самолета была сброшена авиабомба (Д. 146. Л. 15). Начало войны коллектив депо под руководством Н.П. Базиля встретил сплоченно, работая под девизом: «Все для фронта, все для Победы над врагом!» С удвоенной энергией машинисты И. Деревянко, И. Савин, Ф. Рыков, токари Ф. Брунер,

А. Крестьянов и другие в глубоком тылу несли боевую вахту труда, восстанавливая и пополняя паровозный парк (Д. 90. Л. 158).

А.И. Захаров, ветеран-железнодорожник с 42-летним стажем, проработавший 18 лет начальником депо, вспоминает: «до августа 1944 года наше депо было оборонным с малым объемом работ. Его производственная деятельность сводилась к набору топлива и воды на паровозы для оборонного следования в Омск или Петропавловск. Количество проходящих поездов составляло 35–40 пар. К концу 1944 г. резко возросли перевозки народнохозяйственных грузов. В локомотивной службе недоставало локомотивов, значительная часть которых были выведены из строя в ходе продолжающейся войны. Только на Омском отделении их насчитывалось около 400 единиц» (Л. 158).

Омское депо было не в состоянии справиться ни с ремонтом, ни с их восстановлением. Именно тогда назрел вопрос об организации при депо станции Исилькуль ремонтной базы. Так был создан промывочный ремонт локомотивов. Из депо оборонного назначения, оно было реорганизовано в основное с приписным парком и ремонтной базой (Л. 159).

В 1952 г. в депо поступило 22 единицы пассажирских паровозов и исилькульские машинисты начали водить пассажирские поезда. В 1954 г. движение поездов достигло 75 пар в сутки. Настало время перехода на более скорую и мощную тягу (Л. 160). Токарь механического цеха, фронтовик В.И. Корень по этому поводу сказал: «Я, бывший токарь Челябинского тракторного завода, начал работать в паровозном депо с 1946 года и за 30 с лишним лет своего труда прошел большую и полезную школу опыта. На моих глазах произошла и продолжается техническая революция. С переходом на электротягу вместо 36, теперь в механическом цехе нас, токарей, всего лишь двое и мы справляемся. Почему? Потому что паровоз требовал большого объема ремонтных и восстановительных работ, а затраченный труд, материалы и другие средства стоили для нашего государства очень дорого <...> Да и для здоровья водителей электрический локомотив в

сравнении с паровозом – небывалая перемена, которая и не снилась паровозникам до революции...» (Л. 160).

Станция Исилькуль за время своего существования претерпела огромные изменения. Здание вокзала несколько раз было перестроено. Последняя реконструкция произошла в 2008 г. Водонапорная башня снесена. Установлен памятный знак почетному железнодорожнику Г.А. Коновалову (начальник станции, почетный житель района). Паровоз-труженик «отдыхает» на привокзальной площади...

Литература

1. Колесников А.Д. Исилькуль на Транссибирской магистрали. Омск, 1995.
2. Путеводитель по Великой Сибирской магистрали. СПб.: Тов. худ. печати, 1900. 222 с.

СПИСОК АВТОРОВ

Акатьева Светлана Анатольевна, начальник отдела использования документов и информационно-поисковых систем Государственного архива общественно-политической документации Курганской области (Курган)

Андреенков Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Арасланова Вера Алексеевна, кандидат географических наук, доцент Сургутского государственного педагогического университета

Баяндин Владимир Ильич, кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета

Бельков Антон Валерьевич, главный архивист Государственного архива Кемеровской области

Бельков Виталий Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного архива Кемеровской области

Брюханова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул)

Бурмистрова Екатерина Сергеевна, студентка Сургутского государственного педагогического университета

Ваулин Илья Дмитриевич, хранитель фондов Государственного архива Административных органов Свердловской области (Екатеринбург)

Винокуров Александр Данилович, лаборант-исследователь Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)

Винокурова Людмила Егоровна, кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)

Гончаров Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент Сибирского государственного аэрокосми-

ческого университета им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск)

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск)

Дегтярева О.В., учитель истории Каргатской средней общеобразовательной школы № 1 (г. Каргат Новосибирской области)

Дмитриенко Надежда Михайловна, доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета

Долголюк Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Ермакова Анна Александровна, сотрудник архивного сектора администрации Исилькульского района Омской области

Жалсанова Бутит Цыдылмункуевна, директор Государственного архива Республики Бурятия (Улан-Удэ)

Захаров Константин Владимирович, начальник Управления государственной архивной службы Новосибирской области

Зиновьев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, заведующий сектором Института истории СО РАН (Новосибирск)

Калинина Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Канышкова Ольга Вячеславовна, студентка Новосибирского государственного университета

Кароннов Владимир Александрович, магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)

Карпенко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующая отделением Колледжа Алтайского государственного университета (Барнаул)

Катионов Олег Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, гуманитарного и

социального образования при Новосибирском государственном педагогическом университете

Катионова Анна Олеговна, кандидат педагогических наук, Новосибирский государственный педагогический университет

Кириллина Мария Афанасьевна, кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)

Козлова Людмила Владимировна, сотрудник архивного сектора администрации Исилькульского района Омской области

Коломбет Ирина Викторовна, сотрудник архивного сектора администрации Исилькульского района Омской области

Комлева Евгения Владиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Кондрашова Светлана Анатольевна, начальник отдела архива администрации Сузунского района (р. п. Сузун Новосибирской области)

Косарев Леонид Евгеньевич, главный архивист Государственного архива Кемеровской области

Котович Лидия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий методист Музея Железнодорожного района – филиал МКУК «Музей города Новосибирска» (Новосибирск)

Кравченко Александра Игоревна, ведущий архивист Государственного архива новейшей истории Иркутской области (Иркутск)

Красильников Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета

Красильникова Екатерина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета

Крупницкий Дмитрий Владимирович, учитель истории высшей квалификационной категории МБОУ СОШ № 183 г. Новосибирска

Кузнецов Даниил Алексеевич, студент Института истории, гуманитарного и социального образования при Новосибирском государственном педагогическом университете

Кузнецов Иван Семенович, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета

Мальцева Татьяна Геннадьевна, заведующая отделом использования и публикации документов Государственного архива Алтайского края (Барнаул)

Мамонтова Елена Андреевна, хранитель фондов Государственного архива Новосибирской области

Маркдорф Наталья Михайловна, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета

Маслова Анжелика Игоревна, студентка Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Минеева Мария Львовна, студентка Сургутского государственного педагогического университета

Москаленская Дарья Николаевна, магистрант Новосибирского государственного университета

Неженцева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул)

Никитенко Наталья Николаевна, главный архивист МКУ «Новосибирский городской архив»

Николаев Александр Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Овчинников Алексей Алексеевич, научный сотрудник МБУ «Центральная библиотека» (Купино Новосибирской области)

Орешкова Юлия Александровна, начальник отдела информатизации и использования документов, ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив» (Абакан)

Панченко Анатолий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГПНТБ СО РАН

Петров Станислав Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Полякова Дарья Анатольевна, главный археограф отдела использования и публикации документов Государственного архива Алтайского края (Барнаул)

Посадсков Александр Леонидович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией книговедения ГПНТБ СО РАН

Романов Роман Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Савицкий Иван Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Тепляков Алексей Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления

Тимченко Юлия Валерьевна, архивист Исторического архива Омской области

Туманик Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Федоскина Дина Вячеславовна, член Союза журналистов РФ, Новосибирск

Храпова Наталья Святославовна, архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области

Черняк Эдуард Исаакович, доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета

Чуркин Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор Омского государственного педагогического университета

Шарабура Наталья Викторовна, начальник отдела комплектования, обеспечения сохранности, учета, использования и контроля деятельности архивов Республика Алтай (Горно-Алтайск) Комитета по делам записи актов гражданского состояния и архивов Республики Алтай

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество “Мемориал”» (Абакан)

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета, заведующий сектором истории второй половины XVI–XX в. Института истории СО РАН (Новосибирск)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

- Захаров К.В.* Особенности становления и развития государственной архивной службы Сибири в период вооруженных конфликтов первой половины XX в. 3
- Катионов О.Н.* Рукописные картографические материалы Сибири XVII – начала XX в. в архивах России 9
- Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.* Опыт использования архивных документов в музееведческих исследованиях 14
- Дацышен В.Г.* Сибирские страницы военной истории 1920–1930-х гг. в документах сибирских архивов 21
- Ильиных В.А.* Совещание 30–31 января 1930 г. при Сибкрайкоме ВКП(б): исторический контекст, источники, публикация 28

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Кароннов В.А.* Изыскания Пимена Старцова по поиску сухопутного пути до реки Алей в 1749 г. (по картографическим материалам ГААК) 33
- Карпенко Е.А.* Маркировочные клейма как нетрадиционный делопроизводственный источник по истории лесного хозяйства Алтайского округа второго десятилетия XX в. 37
- Никитенко Н.Н.* Контроль деятельности Новосибирского (Новониколаевского) округа в 1920-е гг.: проблемы источниковедческого анализа 41
- Красильникова Е.И.* Неопубликованные мемуары 1920–1930-х гг. как источник изучения процессов формирования коллективной памяти о военно-революционных событиях в Западной Сибири 45
- Каньшкова О.В.* Методика изучения делопроизводственной документации Запсибкрайисполкома о массовом восстановлении в гражданских правах трудпоселенцев в 1935–1936 гг. 51
- Романов Р.Е.* Документы сибирских архивов в зеркале междисциплинарности: новые вопросы и ответы 56
- Калинина О.Н.* Личные и персональные дела партийно-советской номенклатуры как исторический источник 61
- Кузнецов И.С.* Информационный потенциал архивов в

изучении истории СО АН СССР/РАН	67
<i>Бельков А.В.</i> Документы государственного архива Кемеровской области как источники исследований демографических процессов на территории Кузбасса	72

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В АРХИВНОЙ СФЕРЕ

<i>Мальцева Т.Г., Полякова Д.А.</i> 250 лет со времени образования Государственного архива Алтайского края	77

<i>Брюханова Е.А., Неженцева Н.В.</i> Перепись 1897 г. как источник изучения занятости населения России конца XIX – начала XX в.	81

<i>Орешкова Ю.А.</i> Метрические книги Национального архива Республики Хакасия как исторический источник	86

<i>Ваулин И.Д.</i> Применение информационных технологий при использовании архивных документов: проблемы доступности и использования новых технологий	92

<i>Кондрашова С.А.</i> 3D проектирование как новый способ популяризации архивных документов	97

<i>Минеева М.Л.</i> Использование электронного НСА при исполнении социально-правовых запросов граждан в архивном отделе администрации г. Сургута	101

<i>Гончаров А.Е.</i> К вопросу о публикации архивных материалов в сети Интернет – опыт электронных библиотек и зарубежных архивов	104

<i>Арасланова В.А., Бурмистрова Е.С.</i> Комплектование и использование документов негосударственных организаций в архивном отделе Администрации г. Сургута как неотъемлемая часть историко-культурного наследия народов Российской Федерации	110

<i>Шарабура Н.В.</i> Исторические особенности формирования и современное состояние архивного фонда Республики Алтай	114

<i>Дегтярева О.В.</i> Взаимодействие районной архивной службы и школы как условие организации исследовательской деятельности учащихся	121

БИОГРАФИКА

<i>Туманик Е.Н.</i> Комплексы документов личного происхождения как исходная база для биографического исследования (на примере материалов Ю. Адамовского и Г.С. Бильдзюкевича из собрания ОР РНБ)	124

<i>Жалсанова Б.Ц.</i> Сахар Хамнаев – выдающийся бурятский общественный деятель XIX в. (документальная био-	

графия по архивным документам)	129
<i>Петров С.Г.</i> Неизвестные источники о томском архиепископе Димитрии (Беликове)	136
<i>Москаленская Д.Н.</i> Личные дела священнослужителей-«лишенцев» как источник для создания «коллективной биографии»	141
<i>Винокурова Л.Е.</i> Личность и история в архивных документах: П.А. Ойунский	145
<i>Мамонтова Е.А.</i> О некоторых новых документальных источниках биографии Г.И. Жерновкова	150
<i>Николаев А.А.</i> В.Н. Остальцев – видный организатор потребительской кооперации Сибири	156
<i>Посадсков А.Л.</i> Жизнь как бегство: к воссозданию биографии историка-архивиста В.И. Огородникова	161
<i>Тепляков А.Г.</i> «Вредительские» процессы и работники ОГПУ: методы, следствия, карьера и судьбы	168
<i>Катионова А.О.</i> Архивные материалы интернет-ресурсов как источник пополнения семейной истории периода Великой Отечественной войны	173
<i>Бельков В.И., Косарев Л.Е.</i> Источники биографического исследования региональных лидеров: председатели исполкомов Кемеровского облсовета в годы становления области (1943–1955 гг.)	178
<i>Тимченко Ю.В.</i> Памяти архивиста-исследователя Н.С. Колмогорова	183
<i>Храпова Н.С.</i> Сохранение архивной памяти об архивистах	188

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Баяндин В.И.</i> Военная история региона второй половины XIX – начала XX в. в архивах Сибири и Дальнего Востока	194
<i>Шиловский М.В.</i> Источники по истории кадрового потенциала русской армии периода Первой мировой войне в Государственном архиве Новосибирской области	199
<i>Кузнецов Д.А.</i> Материалы Перевязочного отряда как исторический источник потерь Первой мировой войны	206
<i>Кравченко А.И.</i> О работе эвакуогоспиталей в Иркутской области в годы Великой Отечественной войны	210
<i>Долголюк А.А.</i> Восстановление эвакуированных предприятий в Новосибирске	216
<i>Зиновьев В.П.</i> Притомские села в период Великой Отечественной войны	221

Федоскина Д.В. Блокада Ленинграда на страницах газеты «Советская Сибирь»	227
Акатьева С.А. Личная переписка периода Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Государственного архива общественно-политической документации Курганской области)	233
Винокуров А.Д., Кириллина М.А. Обзор рукописей и личных документов краеведа М.К. Кириллина о Великой Отечественной войне	237
Котович Л.В. Сибиряки о празднике победы над фашистской Германией (по материалам личных фондов музея Железнодорожного района г. Новосибирска филиала МКУК «Музей города Новосибирска»)	241
Маркдорф Н.М. Источники по истории военного плена в Сибири	243
Козлова Л.В. Наши земляки на фронтах Великой Отечественной в литературе и источниках Исилькульского муниципального архива	248
Коломбет И.В. Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: по документам Исилькульского архива	254

ИССЛЕДОВАНИЯ

Комлева Е.В. Документы Туруханского отдельного управления как источник по изучению казенной хлебной торговли в низовьях Енисея в 1820-х гг.	261
Панченко А.М. Заведение библиотек необходимо, как для «нравственного образования офицеров, так и для преподавания им способов к образованию умственному»	266
Чуркин М.К. Переселенческое движение в Сибирь в официальном делопроизводстве второй половины XIX – начала XX в.: опыт «перезагрузки» и репрезентации	271
Овчинников А.А. История Купинского района в документах районного архива	277
Крупницкий Д.В. Освещение исторических событий в региональной прессе («Знамя революции», Томск, 12 мая 1918 г.)	280
Шекшеев А.П. Крестьянский протест на Сисиме в документах правоохранительных органов	284
Маслова А.И. Суд по «делу “Промпартии”» 1930 г.: источниковые возможности реконструкции его подготовки и проведения	290

<i>Красильников С.А.</i> Репрессивное раскрестьянивание в постсоветских документальных публикациях	295
<i>Савицкий И.М.</i> Экологические последствия деятельности оборонно-промышленного комплекса в Западной Си- бири в годы «холодной войны»	301
<i>Андреенков С.Н.</i> Проекты реформирования колхозной системы СССР второй половины 1940-х – начала 1950-х гг.	304
<i>Ермакова А.А.</i> Основание и развитие железнодорожной станции Исилькуль Омской области	309
Список авторов	315

Научное издание

СИБИРСКИЕ АРХИВЫ В НАУЧНОМ
И ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Материалы межрегиональной научно-практической конференции

Техническое редактирование и компьютерная верстка

О.А. Орловой

Подписано в печать: 03.02.2015 Формат: 60×84/16. Печать офсетная.

Гарнитура: Times New Roman

Тираж 200 экз.